

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ**

КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВИСТИКИ**

ВЫПУСК 2

**Курган
2008**

УДК
ББК
А 43

Актуальные проблемы лингвистики: Сборник научных трудов: Вып. 2: – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2008.-140 с.

Данный сборник отражает результаты исследований, выполненных преподавателями и сотрудниками Курганского государственного университета в русле научного направления «Языковая картина мира в структурно-семантическом, когнитивно-прагматическом и лингвокультурологическом аспектах».

В сборнике рассматривается широкий круг вопросов современного языкознания. Исследования проводятся на материале русского, английского, французского и немецкого языков. Представлены работы по лексикологии, фразеологии, грамматике, стилистике текста. Освещены проблемы лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, психолингвистики, проанализированы отдельные аспекты концептосферы русского и английского языков.

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, руководитель научного направления «Языковая картина мира в структурно-семантическом, когнитивно-прагматическом и лингвокультурологическом аспектах» **Ратушная Е.Р.** (отв. редактор);

канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой французской филологии **Казенас О.А.**;
лаборант кафедры информатики Курганского университета **Анохина С.В.**;
ст. лаборант кафедры русского языка Курганского университета **Воронина Т.Ю.**

ISBN 978-5-86328-885-7

© Курганский
государственный
университет, 2008
© Авторы, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Анохина С.В. КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНТРОПОНОМИНАНТОВ В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА	5
Бекетова Р.П. НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА: ОППОЗИЦИЯ	8
Белозерова Ф.М. ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ФЕМИННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	12
Бочегова Н.Н. СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «VALUES» В АМЕРИКАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	15
Бутенко Р.А., Литвиненко В.В. НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	20
Владимирова О.В. НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	25
Гаева (Ковалева) Е.В. ГОЛЕВСКИЕ МОТИВЫ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	28
Гайшина Т.Е. РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЫ	31
Гольдберг А.И., Пазгалова В.Е. О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛЕКСИКОГРАФИИ	33
Гончарова Н.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-НАИМЕНОВАНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА	37
Горева О.Н. ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПАРЕНТАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	43
Иванова Е.Е. КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЯЗЫКЕ М.ЦВЕТАЕВОЙ	46
Кабыш В.И. КОНВЕРСИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ БРАТЬ/ВЗЯТЬ	55
Казенас О.А., Сычева Н.Г. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ СКАЗКИ	60
Коваль Е.Н. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-АНТРОПОНОМИНАНТЫ С КОМПОНЕНТОМ - ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	63
Коршикова Е.А. ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-ЖАРГОНА	68
Кудрина Н.В. ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ МУЗУ ПОЭТА, В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ	70

Мальцева О.А., Макарьева И.И.	
К ВОПРОСУ ВЫДЕЛЕНИЯ ЖАНРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ М. МУРА «DUDE, WHERE'S MY COUNTRY?»)	74
Медведева Н.А.	
СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ И АДРЕСАТОВ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ	79
Поманисочка М.А.	
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСА	83
Ратушная Е.Р.	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЩЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ МАТЬ, МАТУШКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	88
Ротанова Н.М.	
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КРАСНЫЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – XIX ВЕКОВ	92
Сапожникова Г.И.	
К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	97
Смакотина Т.М.	
ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАСЩЕПЛЕНИЕМ (CLEFT-SENTENCES) В АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ	101
Степаненко О.А.	
«ДРУГОЙ», ИЛИ О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЕРМАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)	106
Туркина Б.В.	
ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ	111
Усачева Н.Б.	
КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	115
Цыцаркина Н.Н.	
ФРЕЙМ «УПРАВЛЕНИЕ» В НАУЧНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ..	118
Черницына С.А.	
СИСТЕМА МИКРОТОПОНИМИИ КУРТАМЫШСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ	123
Шведова Н.В.	
СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ	128
Ксенофонтова Л.В.	
ФРАЗЕОКОНСТРУКЦИИ С СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕДУПЛИКАЦИЕЙ	134

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЛЕКСИКО- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНТРОПОНОМИНАНТОВ В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

Исследование лексем и фразеологических единиц в функциональном аспекте осуществляется в связи с коммуникативной деятельностью человека. Язык является орудием общения людей, служит эффективным средством обмена информацией, поэтому все, что существует в нем, имеет определенную цель. В коммуникативном аспекте проблемы лексики и фразеологии рассматривались в работах А.М. Эмировой, Е.А. Добрыдневой, И.И. Чернышевой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.В. Степановой, Ю.Д. Апресяна, И.М. Кобозевой, М.А. Фокиной и др.

Лексемы и фразеологические единицы обладают свойством полифункциональности. Лингвисты выделяют целый ряд различных функций, которые способны выполнять слова и фразеологизмы: номинативную, когнитивную, прагматическую, стилистическую, волонтактивную, дейктическую, текстообразующую, фатическую, эстетическую, строительную, эмоционально-экспрессивную и др. (подробнее в работах С.Г. Гаврина, А.В. Кунина, В.А. Лебединской, В.А. Масловой, М.А. Фокиной и др.).

В данной статье рассматривается когнитивная функция лексико-фразеологических антропонимантов в произведениях И.А. Бунина. Когнитивный подход к изучению языковых единиц позволяет их декодировать, "выявить комплекс ассоциаций, которые они создают в произведении" [3, 79]. Возможность реализации наименований человека в когнитивном аспекте связана с тем, что, во-первых, антропониманты вербализуют ключевые концепты картины мира писателя, во-вторых, И.А. Бунин создает новые индивидуально-авторские единицы, номинирующие лицо. Термин "антропонимант" образован от греческого *antropos* - "человек" и латинского *nomina* - "имя" и используется для обозначения человека [6]. Под лексико-фразеологическими антропонимантами (далее ЛФАН) мы понимаем нарицательные одушевленные имена существительные и предметные фразеологизмы субкатегории лица, обозначающие человека. Материалом нашего исследования послужили повести и рассказы писателя, относящиеся к дореволюционному периоду его творчества: "Деревня", "Суходол", "Худая трава", "Князь во князьях", "Птицы небесные", "Чаша жизни", "Без роду-племени" и др.

Под концептом мы понимаем "дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее

комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету" [5, 34].

Антропониманты в прозе И.А. Бунина репрезентируют концепты "человек", "любовь", "жизнь", "смерть". Все ЛФАН в прозе писателя вербализуют концепт "человек", что связано с их семантикой, они именуют человека: человек, существо, мужчина, женщина, ребенок, женский пол, молодой человек, дурак, любовница, эгоист, красавица, герой, князь, княжна, шут гороховый и т. д. Кроме того, данные единицы могут служить для репрезентации концепта "любовь", т. к. они номинируют лицо по любовным связям, отношениям между людьми: краля (в значении "любовница"), любовница, мой милый, возлюбленная моя, сердце мое и др. В творчестве И.А. Бунина тема любви является одной из основных. Писателя интересуют тончайшие проявления чувств во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной: это и любовь, и ненависть, и сексуальное желание и т. д. Именно способность любить, дарованная не всем (по мнению И.А. Бунина), позволяет человеку раскрыться, прожить настоящую жизнь, и это удел избранных. Для писателя любовь - "это всегда сильные ощущения, граничащие с отчаянием, нередко это психологическая драма", истинная любовь "всегда трагична, что проявляется в сближении любви и смерти" [3, 80]. Как отмечает М. Н. Громов, "любовь к женщине для Бунина раскрывает целую вселенную переживаний, страданий, упоений и того особого, невыразимого ни в каких словах, красках и звуках слияния с бытием, соития с жизнью, растворения в ней, которое приносят лучшие мгновения любви, когда все кажется сном и вместе с тем наиподлиннейшей реальностью" [2, 234]. Например: *Дениска подал ему кiset. Над крыльцом уже зажегся фонарь, и при его тусклом свете Тихон Ильич вслух прочел крупно вышитое белыми нитками на кисете:*

"Каво люблю таму дарю люблю сердечна дарю кiset на вечно".

- Ловко! - сказал он, прочитав.

Дениска застенчиво потупился.

- Значит, уж есть краля-то? (Деревня, т. 2, с. 48). Прадеда Красовых, прозванного на дворе Цыганом, затравил борзыми барин Дурново. Цыган отбил у него, у своего господина, любовницу. (Деревня, т. 2, с. 9).

Антропониманты в произведениях И.А. Бунина также способны выступать в качестве вербализаторов концептов "жизнь" и "смерть". В статье "Эрос и нирвана в искусстве Бунина" английский исследователь Джеймс Вудворд пишет о том, что основная коллизия бунинского искусства заключается в борьбе двух противоположных начал, которые сопоставимы с антиномиями буддийской философии: эросом и нирваной [7, 9]. Вудворд называет "эросом страстную привязанность к жизни. Эрос определяется безмерной чувственностью и богатством восприятий художника. Здесь можно провести параллель с восточным понятием **сансара** (круговорот рождения-смерти, который не может быть разорван, пока человек цепляется за жизнь, её соблазны) или **тришна** (само "хватание", или привязанность, порожденное "авидьей" - неведением, омраченностью)" [7, 580].

Нирваной Вудворд называет стремление писателя "переступить границы своей личности и раствориться в бесконечности" [7, 580]. И. А. Бунину была близка мысль о том, что причина страдания человека - это всепоглощающая "жажда жизни, ведущая от перерождения к перерождению, сопровождаемая удовольствиями и вожделением, тут и там ищущая себе удовлетворения: жажда удовольствий, жажда жизни, жажда непостоянства" [1, 44]. Главный герой рассказа "Птицы небесные", нищий Лука, так говорит о смерти: ... *Смерть, брат, она как солнце, глазами на нее не глянешь. А найдет - везде. Да и помирать-то не десять раз, а всего один* (Птицы небесные, т. 1, с. 314). Данную фразу можно считать жизненным кредо писателя. Однако буддистом, в подлинном смысле слова, Бунин не был, так как для преодоления страдания нужно избавиться от этой жажды путем полного отречения от всех желаний, к чему писатель никогда не стремился. Как отмечала Г. В. Килганова, в религиозно-философских воззрениях И.А. Бунина преобладает синкретизм [4]. Писателю были близки многие идеи буддизма, например, идея реинкарнации, причем практически во всем его творчестве (прозе, поэзии, публицистике) можно проследить влияние подобных идей.

Тема жизни и смерти взаимосвязаны в прозе И.А. Бунина, поэтому в его произведениях много наименований человека уже умершего, находящегося между жизнью и смертью, готовящегося к смерти: мертвый, покойный, покойник, больной, худая трава, оброчный кочет, жертва. Например: *Зимой умерла Ольга Кирилловна - и она [Наталья] выпросилась ехать со старухами, доживавшими свой век в людских, на похороны...* (Суходол, т. 2, с. 144). *И, вспоминая аранники, мы спрашивали:*

- Не дружно, значит, жили?

- *Куда как дружно! А уж особливо после того, как заболели-то оне, как дедушка померли, как вошли в силу молодые господа и женился покойник Петр Петрович. Горячие все были - чистый порох!* (Суходол, т. 2, с. 119). *Думу о смерти перебивала другая: покойный-то покойный, а этого покойного, может быть, в пример будут ставить. Кто он был? Сирота, нищий, в детстве не жравший по два дня куска хлеба... А теперь?* (Деревня, т. 2, с. 39).

И.А. Бунин использует лексемы, называющие людей, посягнувших на чью-то жизнь, т. е. попытавшихся убить или убивших: **убийца, выродок, палач, Робеспьеры, Джеки-Потрошители**. Например, в рассказе "Петлистые уши" главный герой Соколович озвучивает авторскую позицию относительно страсти к убийству, к жестокости, присущей каждому человеку. И.А. Бунин в данном произведении вступает в косвенную полемику с Ф.М. Достоевским, утверждая, что человеку не свойственны угрызения совести после совершенного преступления: **Соколович выждал**, пока он кончит, и сказал:

- *Я, Пильняк, тоже подозреваю, что эти уши присущи не одним только так называемым **выродкам**. Страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит, как вам известно, в каждом. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, по причинам весьма разнообразным,*

*например, в силу атавизма или тайно накопившейся ненависти к человеку, - убивают, ничуть не горячась, а убив, не только не мучаются, как принято это говорить, а напротив, приходят в норму, чувствуют облегчение, - пусть даже их гнев, ненависть, тайная жажда крови вылилась в форму мерзкую и жалкую. И вообще пора бросать эту сказку о муках совести, об ужасах, будто бы преследующих **убийц** (Петлистые уши, т. 3, с. 274).*

Писатель остро осознает ценность и хрупкость человеческой жизни, но смерть неизбежна и естественна, в рассказе "Древний человек" Бунин называет старика Таганка **драгоценным сосудом**: *Часто охватывает страх и боль, что вот-вот разобьет смерть этот драгоценный сосуд огромного прошлого* (Древний человек, т. 2, с. 167).

Таким образом, ЛФАН в прозе И.А. Бунина выполняют когнитивную функцию, выступая в качестве вербализаторов основополагающих концептов художественной картины мира писателя: "человек", "любовь", "жизнь", "смерть".

Список литературы

1. Арвон А. Буддизм. - М.: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2005. - 159 с.
2. Громов М. Н. Три любви, три страсти Ивана Бунина // Историко-философский ежегодник '98. - М.: Наука, 2000. - С. 233 - 241.
3. Журавлева Г. С. Любить по-бунински // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: Материалы Международной конференции, посвященной 75-летию профессора А.Н. Тихонова. Том II. - Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. - С. 78 - 85.
4. Килганова Г. В. Ориентализм в прозе И. А. Бунина. - Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1996. - 199 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. - М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. - 320 с.
6. Рагушная Е. Р. Антропонимизирующая парадигма русской фразеологии: семантика, формирование, функционирование. - Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Волгоград, 2001. - 52 с.
7. Woodward J. V. Eros and nirvana in the art of Bunin // The modern language review. - Birmingham, 1970. - Vol. 65, № 3. - P. 576 - 586.

Р.П. Бекетова

Кафедра французской филологии

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА: ОППОЗИЦИЯ

Грамматические категории глагола имеют давнюю историю своего появления; основой их выделения служат грамматические формы. Дискуссионные вопросы по ряду категорий, например, о статусе и формах пассивного, возвратного залогов связаны с исчезновением старых, либо появлением новых образований, синтаксических или аналитических, не отвечающих устоявшимся крите-

риям морфологической формы и повлекших изменения в названиях: *forme passive* → *construction passive, forme pronominale tournure pronominale*. Традиционные грамматики выделяют такие категории глагола, как наклонение, время, вид, залог. Поскольку глагол представлен парадигмами двух форм – личными и неличными, возникает вопрос о соотношении их форм и категориальных значений.

Личные формы глагола представляют собой парадигму словоизменения – морфологические формы, показатели которых – окончания – несут дополнительно к семантическому значению лексической единицы информацию о грамматических категориях глагола: о видовременных и модальных значениях спрягаемой формы в синтаксической позиции сказуемого. Образование модальных и видовременных форм происходит не только с помощью окончаний, но и различных формообразующих основ: *finir il finit, il finira ; il finissait nous finissons ; qu'il vienne ils viennent, etc.*

Неличные формы глагола представляют собой парадигму словообразования, т.е. деривационные формы, показатели которых – суффиксы – дифференцируют лексико-грамматические классы:

- глагольное имя, обозначающее действие, представлено формами инфинитива и деепричастия, последнее имеет дополнительное значение – сопровождающее действие;

- (от)глагольное имя, обозначающее признак участия в действии, представлено формами двух причастий: *participe présent, participe passé*.

Валентность разделяет глаголы на переходные/непереходные и предопределяет значение и функции причастий.

Переходные глаголы обозначают действие с двумя участниками: субъект/объект. Они различаются по степени своего участия в действии, что находит отражение в определениях: субъект – активный, объект – пассивный. Субъектно-объектные отношения находят свое выражение на уровне синтаксиса в форме членов предложения: подлежащее, прямое дополнение, ср.: *La fillette écrit une lettre*.

Причастия переходных глаголов, обозначая признак участия в действии, различаются по своим семантическим связям только с одним из участников. Ср.: *La fillette écrivant, *la fillette écrit. La lettre écrite, *la lettre écrivant*.

Таким образом, различный статус участников действия – субъект/объект нашел свое отражение на уровне синтаксиса в членах предложения, а различные характеристики – активный/пассивный, выражены на уровне лексики причастиями в именном словосочетании. В грамматике французского языка отмечается, что в оппозиции причастий переходного глагола выражены залоговые значения.

Непереходный глагол обозначает действие с одним участником. В случае образования сложной формы с глаголом *être*, оба причастия соотносятся с одним и тем же участником, обозначая один и тот же признак. В этом случае оппозиция причастий отражает видовые различия: *partant – parti ; un garçon partant – un garçon parti* (уходящий – ушедший).

Если непереходный глагол образует сложную форму с глаголом *avoir*, прича-

стие II (*participe passif*) не выражает признак участия и выполняет только служебную функцию в образовании сложной формы: *un garçon marchant* - **un garçon marchif*. Видовые различия выражены в оппозиции простая/ сложная формы причастия I (*participe présent* – *participe passif composé*: *marchant* – *ayant marchif* (шагающий - прошагавший)).

Таким образом, значения и функции причастий переходного глагола обусловлены валентностью. Значения и функции причастий непереходного глагола зависят от выбора глагола *avoir* или *être* для образования сложной формы.

Парадигма неличных форм глагола имеет не только простые, но и сложные формы. Оба компонента сложной формы выражены только неличными формами глагола. Сложные формы образуются путем соединения простых неличных форм глагола – инфинитива или причастия I (*participe présent*) с причастием II (*participe passif*). Последний является постоянным компонентом сложной формы, первые компоненты которой являются переменными. Ср.: *laver-avoir lavif*; *lavant- ayant lavif*; *lavif-être lavif* *étant lavif* (?).

Теоретически, по аналогии с предыдущими формами, первым компонентом сложной формы причастия *lavif* должно быть причастие II (*participe passif*) глагола *avoir*: *lavif- eu lavif*. Это образование отмечается грамматиками, но как самостоятельная единица не употребляется. Ср.: *Aprus avoir dit, il sortit*; *ayant dit, il sortit*. **Eu lu, le livre ne l'intéresse plus*; *étant lu, le livre ne l'intéresse plus*.

Как показывают вышеприведенные примеры, оппозиция неличных форм – простая/ сложная (*laver/avoir lavif, lavant/ ayant lavif*) выражает различия не только видовых значений, но и значение категории таксиса (место действия в цепи последовательных действий, в данном случае – предшествование). Просматриваемая идентичность образования личных и неличных форм (простая/сложная), равно как и идентичность значений категорий вида и таксиса, приводит к выводу о том, что место образования сложной формы находится не в парадигме спряжения глагола (*il parle – il a parlé, il part – il est parti*). В плане постановки вопроса, можно предположить, что не только простая, но и сложная форма инфинитива: *laver – avoir lavif, partir – être parti* является исходной лексической единицей, изменяемой в спряжении по правилам образования морфологических форм наклонения и времени. Категория наклонения и времени не имеет своего формального выражения в парадигме неличных форм глагола. В парадигме неличных форм глагола оппозиция «простая/ сложная» формы является выражением категории вида; залоговые значения представлены оппозицией причастий переходного глагола.

Причастия II (*participe passif*) переходного глагола, кроме сложной функции в образовании сложных форм, имеют синтаксическую связь с глаголами *être*. Дискуссионный вопрос о статусе сочетания *être+participe passif* нашел свое освещение в трудах отечественных и зарубежных романистов. Само изменение в названии: *forme passive – construction passive* говорит о признании за сочетанием причастия с глаголом *être* (*être +participe passif*) статуса синтаксического сочетания, а не аналитической морфологической формы.

Не углубляясь в изложение спорных вопросов о пассивном/непассивном

значении конструкции *ltre + participe passif*, можно сделать следующее замечание. Все описанные случаи выражения пассивности связаны с расширением предикативной синтагмы и характером заполнения синтаксических позиций: агентное дополнение, обстоятельство места или времени, постановка глагола *ltre* в определенную видовременную форму. Следовательно, описывается синтагматическое значение, частный случай эксплицитного выражения условий, создающих эффект действия, ср.: *La lettre est écrite – La lettre est écrite par Pierre. La porte est ouverte – La porte est ouverte juste à huit heures.*

Любая единица, будь то лексическая или грамматическая, может изменить свое, присущее ей значение, при соответствующем окружении. Например, форма прошедшего времени несовершенного вида, изъявительного наклонения *imparfait* может получить иное модальное или видовое значения под влиянием контекста: *J'étais poète/ si j' étais poète* (я поэт/ если бы я был поэт). *Le livre est cherché/ le livre est trouvé* (книга ищется, в поиске / книга найдена).

Значение действия не есть значение причастия II (*participe passif*). Ср., однако, с определением значения залоговых оппозиций: активное действие/ пассивное действие. Действие не может быть пассивным. Определения активный/ пассивный есть определения участников действия согласно их роли: субъект/объект. Перенос признака с участника действия на само действие можно проследить в следующих словосочетаниях: активный субъект действия активное действие, пассивный объект действия пассивное действие. Причастия получают эти определения, будучи компонентом именного словосочетания, с активным или пассивным участником.

Конструкция *ltre+participe passif* служит формой, в которой причастие в функции *attribut* (именная часть составного сказуемого) через опосредованную связь с именем существительным, обозначающим предмет речи, выражает информацию о состоянии этого предмета.

Каждый глагол имеет четко запрограммированное количество синтаксических позиций (валентность) и семантических связей с именами существительными, заполняющими эти позиции. Ср.: *parler* – в синтаксической позиции подлежащего согласно семантической связи будет стоять имя антропонима; *miauler, aboyer* – имя определенного вида фаунонима; *lire qch, *qn* – согласно семантическим связям первый участник (позиция подлежащего) обозначается именем существительным одушевленным, второй – неодушевленным. Соответственно роли участника – выбор глагольной формы, например: *La fillette lisant, *la fillette lu; le livre lu, *le livre lisant. La fillette lit. Le livre est lu.*

Таким образом, любой участник действия, входящий в синтаксическую структуру переходного глагола по семантическим связям, имеет каждый свой предикат. И любой виртуальный участник действия, обозначенного переходным глаголом, может стать актуальным предметом речи в п-ситуации. Предмет речи и предикат взаимообусловлены семантической связью.

Предикат предстает в форме простого или составного именного сказуемого (*verbe, attribut*). Исходной лексической единицей для образования синтаксической единицы – сказуемого являются неличные формы глагола – *infinitif, participe*

passé (в сочетании с глаголом *être* обеспечивается опосредованная предикативная связь причастия с подлежащим).

Предикаты различаются по значению: действие / признак участия в действии, состояние. Синтаксическая валентность инфинитива и причастия различны по набору синтаксических позиций: *écrire qch / écrit, -e par qn*, что находит свое полное выражение в расширенной структуре предложения.

Подходы к анализу и описанию неличных форм глагола позволили выявить ряд особенностей в их соотношении с личными формами глагола.

Категория вида выражена оппозицией неличных форм глагола (простая – сложная), каждая из которых представлена в словоизменительной парадигме спряжения. Это позволило предположить, что не только простая, но и сложная форма служат основой для словоизменения при образовании модальных и временных форм: *Dire – il dit/ dira. Avoir dit – il a dit/ aura dit*. Значение категории вида заключено в формах лексической единицы.

Причастие II (*participe passé*) не имеет сложной формы вида. Различная интерпретация конструкции *être+participe passé* связана с контекстом (синтагматическое значение причастия) и видовыми нюансами лексической глагольной единицы.

Валентность глагола есть его программа синтаксических и семантических связей. В расширенной структуре предложения находят отражение субъектно-объектные отношения участников ситуаций. В минимальной структуре предложения (подлежащее – сказуемое) предикативная синтагма отражает логическую (субъект – предикат; субъект – предмет речи, предикат – то, что говорится об этом предмете речи). И предикативная, и логическая синтагмы взаимообусловлены семантической валентностью. Различия в валентности (переходность, непереходность) обуславливают и различия в значениях и функциях причастий.

Таким образом, неличные формы глагола как лексические единицы со своей семантикой, содержанием оппозиций (видовых/залоговых), валентностью служат основой для образования синтаксических единиц: личной формы глагола, типов сказуемого и содержания предикатов.

Ф.М. Белозерова
Кафедра английской филологии

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ФЕМИННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Гендерная лингвистика выдвигает новую научную парадигму – гендерную, позволяющую выделить в рамках фразеологии – феминную. К феминной фразеологии можно отнести разноструктурные фразеологические единицы, характеризующие женскую натуру или имеющие феминную лексику в своем составе.

Как интерпретируются гендерные стереотипы в философии, социологии, языке?

В философии в определении человека как «венца природы» [1,190], как существа, которому «присуще богатство и утонченность, разнообразие» [1,194] отсутствует гендерная дифференциация.

В американской социологии анализируется гендерный менталитет современного общества и заявляется, что мужское поведение и психология являются нормой, стандартом для женщин, которым многого не достает на фоне мужчин. В политике существуют «важные проблемы» (экономика, наркотики) и «женские проблемы» (детсады, мир), как будто указанные проблемы могут быть разделены по гендерному признаку [4].

В языке ярко проявляется гендерная маркированность. Фразеология является одним из эффективнейших способов реконструкции картины мира, в частности, гендерной, раскрывающей гендерные стереотипы этносов.

Наиболее отрицательный женский имидж формируется в языке, в коммуникативных фразеологических единицах – пословицах и поговорках. Языковые единицы демонстрируют патриархальные стереотипы, которые, по мнению лингвистов, навязывают носителям языка определенную картину мира, отводящую женщинам второстепенную роль и в основном приписывающую им отрицательные характеристики [2, 237]. Очевидным примером этого являются и феминные фразеологические единицы (ФЕ) английского и русского языков.

В английской феминной фразеологии образ женщины служит критерием негативного для характеристики мужчины, например: «старая женщина» - о робком и неуверенном мужчине, «вести себя как женщина»- трусить, вести себя как не подобает мужчине. Жена зависит от мужа, так как «у хорошего мужа и жена хороша». Непривлекательной и глупой девушке в английском сленге приписываются черты «холодного бисквита», а привлекательная сравнивается со «свистящей приманкой», о девушке, не вызывающей никакого интереса, говорится как о «черном окне» - четырехугольном, ординарном предмете мрачного цвета.

В русской феминной фразеологии женщина подвергается критике, доходящей по степени интенсивности до агрессивной, например, «жену не бить – милу не быть». Жена наделяется разнообразными негативными качествами: «муж в дверь, а жена – в Тверь», «нет злее зла, чем злая жена», «без мужа жена - всегда сирота».

Сопоставительный анализ русских и английский феминных ФЕ выявляет семантические параллели, например, отрицательная характеристика поведения в следующих единицах: англ. «как торговка» - русск. «базарная баба».

Как в английской, так и в русской лингвокультурах широко представлены ФЕ, подтверждающие андроцентричность языков и демонстрирующие ущербность образа женщины в картине мира, зарегистрированной в языках. В отличие от английского, в русском языке дается более резкая характеристика женской натуры. В феминных ФЕ двух сопоставляемых языков иронически описываются женская внешность, интеллектуальные способности, семейный статус, тип поведения и фиксируется стереотип об общем маргинальном положении женщины.

Женщина выступает как уязвимое существо с массой недостатков, личность ее отрицается, провозглашается социальное неравенство в условиях общественной жизни.

К аналогичному выводу о феминизации негативного в языке приходит и автор публикации в газете «The Times» М. Шипер на основе анализа семантики 1500 пословиц и поговорок разных народов и языков [3]. Негативная оценка женщины в языковых единицах оказывается глобальной универсалией гендерного менталитета этносов.

Исследование гендерных асимметрий в языке является проблематикой своеобразного направления в языкознании - феминистской лингвистики, привлекающей к лингвистическому описанию результаты наук о человеке (социологии, психологии, антропологии и т.д.) и носящей ярко выраженный полемический характер [1, 237].

Выявление асимметрий в языке, направленных против женщин, рассмотрение патриархальных стереотипов, касающихся феминизации негативных черт в человеке, относятся к актуальной проблематике, так как дают возможность более глубоко раскрыть своеобразие той или иной лингвокультуры и описать гендерный аспект языковой картины мира.

В рамках гендерных исследований в целом намечено несколько направлений, которые начинают развиваться [1, 239]. Среди них – изучение зафиксированных в языке стереотипов феминности и маскулинности, сопоставительные исследования на материале нескольких языков, которые представляют широкий исследовательский массив для лингвистов в XXI веке.

Список литературы

1. Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. 1999. - № 2. - 297 с. - С. 234-241.
2. Гуревич П.С. Философская антропология. – М.: NOTE BENE, 2001. - 456 с.
3. The Times. - 2004. - March 13.
4. Tavis C. Mismeasure of Woman. - New York, 1992. - 381 p.

Словари

1. Даль В. Пословицы русского народа. - М., 1957. - 991 с.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. - 4-е изд., перераб. и доп. - М. : Рус.яз., 1984. – 944 с.

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «VALUES» В АМЕРИКАНСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В современных лингвокогнитивных исследованиях предлагается разделять «когнитивное сознание» и «языковое сознание» [3, 33]. Сознание, рассматриваемое глобально, предлагается назвать когнитивным, подчёркивая его ведущую познавательную сторону – сознание формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности субъекта. Языковое же сознание рассматривается как совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психических механизмов, обеспечивающих процесс речевой деятельности человека [4, 48].

В работах Н.В. Уфимцевой рассматривается взаимосвязь сознания и языка, которая отражается в значениях. Именно в значениях «мы можем искать особенности мироощущения и самооценки представителя той или иной культуры... Языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, реализующих его, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности, иными словами, может быть объектом анализа только в своих превращённых, отчуждённых от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах). Мы рассматриваем язык и сознание как два соотносящихся вида рефлексивного бытия человека» [5, 243].

Языковое сознание определяется как та ипостась сознания, которая связана с речевой деятельностью. В качестве содержания сознания рассматривается идеальная сторона действительности, а элементами содержания сознания считаются ментефакты [2]. Языковое сознание тесно связано с национально-культурным пространством, которое определяется как информационно-эмоциональное («этническое») поле, в котором человек существует и функционирует, и которое становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры. «В культурное пространство входят все ментефакты, являющиеся элементами содержания языкового сознания человека говорящего, и культурно значимые фреймы. Иначе говоря, «ядерные» репрезентанты культурного пространства, явленные языковому сознанию и «овеществлённые» в знаках языка (последние по сути своей являются телами знаков культуры), представлены в первую очередь знаниями, представлениями (ПФ, стереотипы и др.) и концептами» [2, 257]. Так, американское культурное пространство – это совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств всех представителей американского национально-лингво-культурного сообщества.

Представляется не вызывающим сомнения тот факт, отмеченный в работе

В.В. Красных, что все эти феномены: и ментально-лингвальный комплекс, и языковое сознание, и культурное пространство, - а также их «составляющие» (ментефакты) являются национально-маркированными и культурно-детерминированными по определению. По мнению авторов коллективной монографии «Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии» [1], взаимосвязь лингвокультурологии и когнитивной лингвистики позволяет проникнуть в один из самых сокровенных уголков культуры – языковое сознание.

Рассуждая об аксиологической системе какого-либо этноса, следует принимать во внимание тот факт, что она, как правило, включает в себя ценности двух порядков – декларируемые (идеальные) и реальные, которыми члены данного этно-социального сообщества руководствуются в повседневной жизни. В исследованиях по данной проблеме отмечается, что ценности, выражаемые через вербальное поведение, не следует путать с реальным поведением людей. Вербально выражаемые ценности являются скорее идеалом, парадигмой, выдвигающей на первый план желаемую и положительно оцениваемую возможную социальную действительность.

Для многих классификаций американских ценностей характерно противоречие не только между идеальными и реальными ценностями, но и между отдельными декларируемыми идеальными ценностями. Для преодоления противоречий Ф. Хсю предлагает разделять все ценности на три категории:

- «действующие» ценности, которые относятся к «актуальному направлению предпочтительного поведения по отношению к объекту одного типа больше, чем к объекту другого типа»;
- «представляемые» ценности, которые относятся к «предпочтительному поведению, направляемому ожиданием или предвидением последствий такого поведения»;
- «объективные» ценности, которые относятся не к поведению, предпочитаемому в действительности, а к тому, что является предпочтительным, если носитель ценностей достигает определенных результатов или целей.

Так, ценности представляемого характера обладают большей символической значимостью, и люди, поклоняющиеся им, будут страстно их защищать. Чем меньше они следуют в жизни этим ценностям, тем больше склонны защищать их, «поскольку отступничество приводит к чувству вины» [6, 255]. К таким ценностям относятся, по мнению автора, свобода, равенство экономических и политических возможностей, пуританская добродетель, христианская любовь и гуманизм.

Действующие ценности обладают большей практической значимостью, и люди, нуждающиеся в них, усердно им следуют. К данному виду ценностей можно отнести, например, уверенность в себе, которая проявляется также в виде склонности к расовым предрассудкам. Чем больше люди поступают в соответствии с действующими ценностями, тем меньше они будут утверждать их реальность, поскольку их поступки также приводят к чувству вины. Таким образом, идеи равенства, свободы и христианской любви, несомненно, оказывают влияние на всех американцев, поскольку это представляемые, а не действующие

ценности. Данные ценности могут быть даже названы «сознанием американского общества». Это объясняет, почему неудача в следовании им в реальной жизни или открытая оппозиция с равным успехом приводят к чувству вины, неприятия, отговоркам. Примером такого противоречия может быть сосуществование официально провозглашённой личной свободы, равенства, равных возможностей и справедливости и фактической дискриминации чёрных американцев.

Концепт «values» является абстрактным концептом, который представляет собой квинтэссенцию этического кода того или иного этноса. Его конкретизация происходит в контексте, через ряд гипонимов, обозначающих конкретные качества и действия, получившие социальное одобрение в конкретном социуме:

America is successful because of **the hard work and creativity and enterprise** of our people. These were the true strengths of our economy before September eleventh, and they are our strengths today [7].

Рассмотрим содержание концепта «values», опираясь на словарные дефиниции и примеры его объективации в лексических единицах, передающих различные аспекты аксиологического кода американского социума:

VALUE – adequate equivalent; material or monetary worth; (obs.) worth, worthiness; relative status or estimate (XIV); amount represented by a symbol (XVI). – OF. Value, fem.pp. formation from *valoir* be worth: - L. *valere* be strong, healthy, effective, be worth; cf. Sp. *Valua*, It. *Valuta*. Hence vb. Estimate the value of (XV); consider of value (XVI) (ODEE).

VALUE – 1. the relative worth, merit, or importance. 2. monetary or material worth, as in commerce or trade. 3. The worth of something in terms of the amount of other things for which it can be exchanged or in terms of some medium of exchange. 4. equivalent worth for return in money, material, services, etc. 5. Estimated or assigned worth; valuation, 6. denomination, as of a monetary issue, postage stamp, etc. 7. Math. magnitude, quantity. 8. import or meaning; force; significance. 9. liking or affection; favourable regard. 10. values, Sociol. The ideals, customs, institutions, etc., of a society toward which the people of the group have an affective regard. These values may be positive, as cleanliness, freedom, education, etc., or negative, as cruelty, crime, or blasphemy. 11. Ethics, any object or quality desirable as a means or as an end in itself (RHDEL).

В концептосфере современного английского языка США существует ряд концептов, которые выражают основные декларируемые ценности данного этноса (конечно же, наряду с основным - «private property»): «family», «education», «individual opportunity», «true women», «real men», «equality», «freedom».

Эти концепты проходят поочерёдно процессы мифологизации и демифологизации, перемещаясь из одного типа дискурса в другой. Динамика этих процессов, тем не менее, создаёт определённую стабильность в их функционировании, так как, демифологизируясь, или, иными словами, будучи употреблёнными со знаком «минус», они всё равно остаются в фокусе дискурсов различного вида и вносят свой вклад в создание национальной идеи и духа «Americanness». Счита-

ется, что основным творцом мифов является художественный дискурс. Это справедливо, но только отчасти. В современной художественной литературе много примеров и демифологизации традиционных американских ценностей и выражающих их концептов (e.g. cowboy, family, etc.).

Наиболее чётко ценности первого порядка проявляются в тех видах дискурса, которые направлены на передачу основных компонентов жизненного опыта от старшего поколения к младшему, также при обращении политиков к народу через СМИ. Вот как, например, определяются основные ценности американского гуманитарного образования в письме президента университета им. Лоуренса (г. Эпплтон, штат Висконсин), адресованного выпускникам этого университета:

Committed to the development of intellect and talent, the acquisition of knowledge and understanding, and the cultivation of judgment and values, Lawrence prepares its students for lives of **service, achievement, leadership, and personal fulfillment**.

В качестве декларируемых ценностей здесь выступают «служение обществу», «успех», «лидерство», «реализация личностного потенциала».

Речи президентов США (как и любой другой страны) являют собой классический пример декларируемых (или вербализованных) ценностей. Рассмотрим выдержки из речей президента Буша, приведённые на информационном сайте Белого дома:

It also means showcasing the president's passion for "**values**." In a five-minute speech last Monday, Bush mentioned "**the values** that have made this country unique and different," "**values of love of family, values of respect for nature.... values in understanding that there's some things beyond our control.... values of hard work; values of the entrepreneurial spirit; and values of private property**. These are really important **values**." **Neighbors** are important, too. In the same speech, the president extolled the "concept of neighborliness in Crawford." He likes it when people walk up to him and say, "I'm your neighbor," because "a neighbor means more than just somebody living next door to somebody else" - a good thing since his closest Texas neighbor is miles away - "a neighbor means that there's somebody around willing to help somebody." The president likes it when people "find a neighbor" and "are willing to help that neighbor" because "you can't pass a law that says 'thou shalt love thy neighbor' or 'you will be neighborly.'" Anyway, Bush concluded, before signing an agricultural appropriations bill in front of several locals seated, rustically, atop bales of hay, "I want to welcome my neighbors."...

The following day, Bush rounded out his message with another key element: "**character**." In less than 20 minutes, the president got in eleven mentions of character ("the character of our citizens," "communities of character," and so on) as well as tossing in another nine mentions of **values**. Finally, artfully combining the concepts, he praised America as "a nation of **character** and **values**" and the Rocky Mountain National Park YMCA picnic as "a place that teaches **values**, that heralds **character**."...

The mind-numbing repetition is a hallmark of Karen Hughes's communications shop, which has learned well from its predecessor. And the repetition works. The headlines in the next day's New York Times and most other major papers had "Bush"

juxtaposed with “**values**.” In The Washington Post, the White House scored a triple: “**environment**,” “**values**,” and “**character**” all next to “Bush.” Most articles gently mocked the spin, but this too was presaged by the Clintonites: As Dick Morris used to say, “Even if they joke about it, they’ll have to write [about it].” In fact, amazing as it sounds, the Bushes aren’t just proving as politically savvy about presidential vacations as their predecessors; they’re proving more savvy. When Clinton returned from that camping trip in 1995, he called Morris in a rage. “That’s the first vacation I’ve taken that didn’t help me in the polls,” he complained. “After all my other vacations, I’ve always risen a point or two.” And the latest Gallup Poll, taken about halfway through W.’s Crawford holiday? It puts the president’s job-approval rating at 57 percent - up two points [9].

Бушу вторит и другой современный политик, кандидат на пост вице-президента США от демократической партии Дж. Эдвардс:

My mother and father Wallace and Bobbie Edwards are here to-night. You taught me the **values** that I carry with me in my heart: **faith, family, responsibility, and opportunity** for everyone. You taught me that you look for your **neighbors**, you never look down on anybody, and you treat everyone with respect [8].

В качестве провозглашаемых ценностей в обоих речах можно найти концепты, выраженные следующими рекуррентными лексемами: family, nature, environment, character, hard work, entrepreneurial spirit, private property, neighbors. Большинство проанализированных нами текстов художественной литературы также строятся вокруг этих концептов, хотя в них зачастую актуализируется процесс демифологизации указанных концептов: распад и ослабление семейных связей в определённые исторически сложные периоды американской истории, финансовые неудачи, превалирование индивидуализма над контактами с соседями, но, тем не менее, они отражают идеалы американского общества и показывают их прагматический, неглобальный характер, направленный на наиболее полное проявление потенциала отдельной личности при условии её лидерства.

Список литературы

1. Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: Коллективная монография. – Волгоград, 2004.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003. – 375 с.
3. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. - Воронеж, 2002. – 78 с.
4. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Сборник научных трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. -М.-Воронеж, 2002. – С. 44 – 51.
5. Уфимцева Н.В. Русские глазами русских// Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 242-249.
6. Hsu F. American Core Value and National character// Psychological Anthropology. Homewood, Ill., 1961.

Источники

7. Bush G. W. Joint Session of Congress//A documentary History of the United States. Richard D. Heffner, A Signet Book, 2002.

8. Edwards J. Speech to the 2004 Democratic National Convention. July 28, 2004 <http://www.cbsnews.com/stories/2004/07/28/politics/main632628.shtml> - (J.E.)
9. Lizza R. White House Watch. Bet the Ranch. <http://www.tnr.com/082701.html> - (R.L.)

Р.А. Бутенко, В.В. Литвиненко
Кафедра французской филологии

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Художественный текст, как известно, является объектом исследования многих научных дисциплин: филологии, лингвистики, литературоведения, психологии, психолингвистики и др., что привело к множеству толкований данного понятия.

Не касаясь содержания терминологических дискуссий по поводу интерпретаций понятия *текст* в целом как единицы языка и *художественный текст* как его разновидности, заметим, что в основе каждого определения лежат более или менее разработанные исследовательские подходы, свойственные для каждой из вышеназванных научных дисциплин.

Так, с точки зрения лингвистики, наиболее обобщающим представляется определение, данное в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Текст (от лат. *textus* – ткань, сцепление, соединение) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которых являются связность и цельность» [6, 507]. С точки зрения психологии, текст – это «производство речевой деятельности, являющейся деятельностью общения, воздействия, сообщения посредством языка» [7, 296].

Психолингвистика, находясь на стыке психологии и лингвистики, рассматривает текст в качестве основной единицы коммуникации, включенной в отношения между коммуникантами. Иначе говоря, с точки зрения психолингвистики, текст – это устная или письменная осмысленная, целостная последовательность вербальных (словесных) знаковых единиц – слов, предложений, оформленная для достижения определенной коммуникативной цели [4, 7]. Таким образом, психолингвистика рассматривает текст с позиции речевой деятельности человека, через способ отражения действительности с помощью системы языка. Если в межличностном общении люди не всегда могут сказать, что они думают, то в художественном тексте предоставляется свобода для выражения мысли. Художественный текст в таком случае выступает в качестве и основной единицы коммуникации, и способа хранения и передачи информации, и отражения жизни индивида [2, 79].

Наряду с некоторыми характеристиками, присущими тексту как единице коммуникации, психолингвисты в качестве основных выдвигают связность и цель-

ность. Именно на названных свойствах текста основывается успешность его восприятия реципиентом, т.к. при отсутствии одного из этих свойств происходит нарушение логики содержания и, как следствие, неадекватность его восприятия.

Проблема восприятия речи в устной и письменной формах является одной из ключевых проблем современной психолингвистики, т.к. от ее решения зависят разработки многих смежных наук, в том числе и методики преподавания иностранных языков, которая в поисках оптимизации путей обучения опирается на психолингвистические закономерности восприятия неродной речи и порождения речевого высказывания.

Особенности восприятия художественного текста исследуются многими учеными, и у каждого из них существует собственный подход к анализу данного феномена, но все авторы выделяют ведущую в восприятии текста роль индивидуально-психологических особенностей реципиента (читателя), его эмоциональное состояние.

Восприятие речи представляет процесс извлечения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний. Структура восприятия отражает как последовательность обработки речевых сигналов, так и уровневый характер построения речевых сообщений. Следует отметить, что на всех уровнях восприятия речи реципиент (от лат. *recipiens* - получающий) стремится понять структуру и смысл получаемой информации. Многие исследователи разграничивают проблему восприятия речи по разным оттенкам: восприятие устного кодового продукта, восприятие букв и слов в письменной речи, восприятие предложений, восприятие высказывания и восприятие текста в письменной речи. На всех этапах механизм восприятия носит индивидуальный характер, т.е. зависит от индивидуального опыта реципиента, от индивидуально – психологических различий людей (потребностей, склонностей, интересов, эмоционального состояния). Под влиянием этих факторов создается характерная для каждого человека апперцепция, обуславливающая значительные различия при восприятии одних и тех же предметов разными людьми. [7, 43].

При рассмотрении внутренней структуры художественного текста психолингвистика изучает в первую очередь его эмоциональную сторону, на основе которой проявляются черты каждого текста.

Как отмечают исследователи, художественный текст создает вокруг себя довольно свободное поле возможных интерпретаций. Для адекватного восприятия художественного текста содержание последнего должно в определенной мере соотноситься с жизненным опытом читателя.

В конце XX века ученые предприняли попытку найти новый подход к изучению феномена восприятия художественного текста реципиентом. В отечественной лингвистике и психолингвистике проблема восприятия художественного текста рассматривалась такими учеными, как Леонтьев А.А., Зимняя И.А., Белянин В.П., Залевская А.А., Адмони В.Г. и др. Все они выдвигали различные классификации художественных текстов на основе восприятия последних.

Но появились классификации, которые отличаются новизной подхода. Та-

кой, на наш взгляд, является классификация, предложенная В.П. Беляниным, основанная на принципе определения эмоционально-смысловой доминанты.

Психологический словарь определяет термин *доминанта* как временно господствующую рефлекторную систему, которая обуславливает работу нервных центров организма в данный момент времени и придает поведению определенную направленность [7, 98].

Впервые понятие эмоционально-смысловой доминанты (далее ЭСД) было употреблено А.А. Ухтомским еще в 1923 г. Он интерпретировал термин не только с точки зрения физиологии как очаг возбуждения, но и выделил его психологическую составляющую – как организующий принцип поведения, влияющий, в том числе, на характер восприятия мира [5, 68]. Автор полагает, что речь может идти о доминанте как речевого поведения, так и текстовой деятельности. И если при анализе поведения человека можно говорить о доминанте физиологического и психологического характера, то при анализе художественного текста речь идет об эмоционально-смысловом характере доминанты. Т.е. в данном случае обнаруживается прямой выход в психолингвистику: происходит влияние системы эмоциональности художественного текста, созданной автором, на адекватность его восприятия читателем.

В.П. Белянин, опираясь на концепцию А.А. Ухтомского, приводит свое определение ЭСД как «системы эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой вербализации картины мира в тексте» [1, 86]. Таким образом, предполагается, что в данной системе задействованы два коммуниканта: писатель и читатель. Писатель использует определенные языковые средства, которые должны привлечь внимание читателя. Как образно выразился И.Р. Гальперин, «эпитеты, сравнения, определения, детали группируются, образуя магнитное поле, к которому приковано внимание читателя» [3, 58].

В данном случае ЭСД позволяет понять семантику эмоций, заложенных в каждый художественный текст.

Интересной, на наш взгляд, представляется идея В.П. Белянина об использовании ЭСД в качестве одного из критериев классификации художественных текстов. Автор идеи выдвинул предположение, что, согласно принципу определения ЭСД, любой художественный текст может быть классифицирован по характеристикам эмоций, которые он вызывает у читателя. В рамках каждого типа текста можно выделить семантически довольно ограниченный список таких конструкций, которыми характеризуются выбранные объекты материального, социального, ментального и эмоционального мира человека. В свою очередь, этим конструкциям соответствуют наборы лексических элементов, которые встречаются наиболее часто в текстах одного типа, а в текстах других типов, входя в другие семантические пространства, имеют иные смыслы» [1, 82]. Автор предложил следующую классификацию художественных текстов: *светлые, веселые, красивые, печальные, темные, смешанные*. Данная классификация не является однозначной, т.к. есть тексты, содержащие в себе несколько доминант. Такие

тексты, содержащие, как минимум, два типа мироощущения, две ЭСД, Белянин назвал смешанными. Это случаи, когда в тексте, в котором в рамках одной ЭСД описывается мироощущение, обладающее характеристиками, соотносимыми с другой ЭСД. Это могут быть *светло - печальные, светло - веселые, светло - темные, печально - темные, печально - красивые* типы художественных текстов. Например, к *светло - темному* типу художественных текстов можно отнести такие, в которых отсутствует тема смерти (что характерно «светлым» текстам), но имеются тяжелые душевные переживания главного персонажа (характеризующие *темные* тексты) на фоне *умиротворяющего* и доброго описания природы, или тема смерти присутствует, но она является красивым избавлением от мук человека. На лексическом уровне *смешанными* называются те художественные произведения, в которых нет доминирования (по количеству) ЛЕ, свойственных одному типу классификации, над единицами другого (противоположного) типа, т.е. их число примерно одинаково. Во-вторых, имеется большое количество текстов, не вписывающихся в общую классификацию, т.е. зависящих от психологического подхода, который не охватывает все многообразие типов личности.

В состав каждого из шести типов художественных текстов по упомянутой классификации входит не только ряд тех синонимических эпитетов, которые позволяют отнести тот или иной текст к определенному типу, но и синтаксические особенности и специальная лексика, ее частотное использование. Все это влияет на эмоциональное состояние рядового читателя при восприятии каждого типа текста. Кроме того, восприятие художественного текста тесно связано с психическим состоянием реципиента.

На кафедре французской филологии КГУ в рамках НИРС было выдвинуто и опытным путем проверено предположение о возможности использования психолингвистических критериев определения ЭСД, предложенных В.П. Беляевым, для восприятия иноязычных, в частности французских, художественных текстов. Материалом для исследования были выбраны несколько новелл Ги де Мопассана. Задача ограничивалась выявлением роли лексического состава для определения ЭСД и последующей классификации текстов по оппозиции *темный / светлый* и *смешанный*.

В качестве исходной установки нами были учтены сведения, приведенные В.П. Беляниным относительно русскоязычных художественных текстов:

1. Для *светлого* текста характерно описание мира персонажа и того природного мира, который его окружает. При восприятии подобного текста реципиент обращает внимание на наличие и частое использование личного местоимения и на те эпитеты, метафоры или нейтральную лексику, которые окружают это местоимение. Существует мнение, что часто *светлые* тексты связаны с тематикой культуры, религии, общества или посвящены проблеме понимания сущности человека в мире.

2. Для *темного* текста характерно наличие более жесткой оппозиции добра и зла. Героями таких текстов часто являются люди профессий, связанных с риском

для жизни (военные, моряки и т.д.). Полагают, что именно *темные* тексты описывают действия простого человека в трудных условиях, который своими поступками пытается доказать наличие у него цели, достоинства, смелости и т.д., что всегда приводит к смерти главного персонажа в конце произведения. Некоторые исследователи считают, что *темный* текст отражает негативные, отрицательные эмоции персонажей, и у них наблюдается частая смена эмоционального состояния.

Тексты подбирались целенаправленно с ЭСД *светлого* («Лунный свет»), *темного* («Папаша Милон»), *смешанного* («Любовь»). В работе участвовали 10 студентов пятого курса, владеющие французским языком в достаточной степени для адекватного восприятия иноязычного текста.

Перед студентами ставились задачи:

- проанализировать лексический состав новелл;
- дифференцировать лексику по эмоциональным признакам (позитив, негатив);
- просчитать процент по оппозиции и выделить доминирующую группу;
- определить эмоциональный фон произведения и соотнести с собственным восприятием с учетом адекватности авторскому замыслу.

Характер текстов студентам предварительно не сообщался.

Заключение о проведенной работе составлялось на основании статистической обработки результатов и бесед со студентами об особенностях восприятия ими иноязычных художественных текстов. Анализ результатов подтвердил возможность использования при соответствующей обработке психолингвистических критериев определения ЭСД русскоязычных художественных текстов для восприятия иноязычных текстов не носителями языка оригинала. Методика исследования может быть использована на занятиях по интерпретации иноязычных текстов и при стилистическом анализе художественных произведений. Ряд задач исследования реализован одним из соавторов данной публикации в ходе дипломной работы.

Мы не ставили задачей осветить в данной статье проблемные вопросы, возникшие в ходе работы, которые касаются трудностей восприятия и классификации при наличии двух и более ЭСД, учета особенностей менталитета разноязычных коммуникантов (в данном случае автора и читателя), языковых реалий и т.п. Это проблемы самостоятельных детальных исследований в рамках разработки концепции в целом. Нас интересовала в принципе возможность использования некоторых психолингвистических критериев восприятия русскоязычных текстов применительно к иноязычным, в практике обучения иностранному языку.

Список литературы

1. Белянин, В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М.: Флинта, 2004. – 226с.
2. Белянин, В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В.П. Белянин. – М.: Флинта, 1988. – 123 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Галь-

- перин. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 139 с.
4. Кулибина, Н.В. Художественный текст в лингвистическом осмыслении / Н.В. Кулибина. – М.: Гос ИРЯ, 2000. – 304 с.
5. Ухтомский, А.А. Доминанта/ А.А. Ухтомский. – М.-Л.: Наука, 1966. – 293 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Психологический словарь / Гл. ред. В.П. Зинченко. – М.: АСТ, 2004. – 479с.

О.В. Владимирова
Кафедра общего языкознания

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Любой язык, если он жив и активно функционирует, развивается и переживает определенные изменения. Это в полной мере касается и его стилистической системы. Как отмечает А.И. Ефимов, «на разных этапах развития литературного языка меняется и ведущая роль его стилей» (Ефимов А.И., 1971, 14). На любом историческом этапе какой-либо функциональный стиль берет на себя главенствующую роль. Именно там в первую очередь находят воплощение те процессы, которые в данный момент характерны для языка в целом, отражаются те изменения, которые происходят в жизни людей и общества.

В настоящий момент, на наш взгляд, такую роль взял на себя язык публицистики, или, если точнее, язык СМИ. Для современной языковой ситуации характерны демократизация, свобода в использовании языковых средств, ориентация на речь большинства, а не на нормированные обработанные образцы, свободное включение в речь разностилевых элементов и слов, стоящих за пределами литературного языка. Трудно не заметить, что все эти тенденции находят сегодня свое отражение в первую очередь в языке СМИ. М.В. Горбаневский указывает на то, что газетная речь «размывается между двумя разнонаправленными стилистическими полюсами - деловой речью и речью разговорной. Кроме того, в газетную речь активно внедряются внелитературные элементы: жаргон и просторечие, которые, как признается многими, легко приживаются в газетной речи» [2].

Однако, как показывает анализ, это в большей мере касается языка центральной прессы. Районные газеты в гораздо меньшей степени отражают этот процесс. Данная статья посвящена особенностям языка районных газет Курганской области. Целью ее является выявить, какие из современных тенденций проникают на страницы районной газеты, а какие остаются за ее рамками.

Нами были проанализированы статьи из газет «Притоболье» (Притобольный район Курганской области), «Восход» (Мокроусовский район), «Голос целинника» (Целинный район), «Далматовский вестник» (Далматовский район),

«Заря» (Петуховский район), «Звериноголовские вести» (Звериноголовский район).

Во-первых, нельзя не упомянуть тот факт, что, к сожалению, в районных газетах зачастую работают энтузиасты, не имеющие специального журналистского или филологического образования, поэтому в языке статей отмечаем целый ряд речевых ошибок.

На уровне логической организации текста часто возникает двусмысленность:

Многое зависит и от пастухов – Александра Валькова и Григория Сартакова. Они тоже заинтересованы, чтобы надой молока не упал, и делают для этого все (Притоболье, № 58-59, 14 июля 2006 года). Что именно делают пастухи для сохранения надоев, не понятно.

В однородных рядах авторы могут неправильно располагать члены, призванные служить градацией:

Времени не то что на раскачку – даже на расслабление нет! («Восход», № 65, 9 августа 2006 года). Ясно, что раскачка – это хоть какое-то действие, а расслабление – это отсутствие дела, поэтому такой однородный ряд выглядит нелогично. Приведем еще один подобный пример:

Сотрудники вынуждены работать не только в выходные дни, но и в обеденные перерывы («Заря», № 59, 25 июля 2006 года). Как видим, та же ошибка: ведь затратить час обеденного перерыва для человека проще, чем выйти на работу в выходной день.

Язык районных газет продолжает пестрить штампами, причем часто не публицистическими, а канцелярскими. То и дело встречаются предложения, содержащие отглагольные существительные, свойственные для официально-делового стиля и отягощающие язык статьи:

Уже были случаи, когда собаки наносили укусы переписчикам (Притоболье, № 58-59, 14 июля 2006 года).

Пограничная служба запрещает местным жителям ловлю рыбы («Восход», № 65, 9 августа 2006 года).

В зимний период вся поселковая молодежь вместе со школьниками ходят играть в школьный спортзал («Заря», № 59, 25 июля 2006 года).

У нас имеется спортзал («Заря», № 59, 25 июля 2006 года).

Совершенно очевидно, что если бы вместо выделенных использовались формы «собаки кусали», «ловить рыбу», «зимой» и «есть спортзал», то они были бы гораздо легче для восприятия. Тем более, надо учитывать, что читатели районных газет – сельские жители, чаще всего люди немолодые, и задача автора и редактора – сделать материал максимально понятным, чтобы каждый знал, какую именно информацию до него хотят донести. Но авторы не учитывают личность читателя. Так, например, в газете «Далматовский вестник» (№ 129, 8 августа 2006 года) находим статью под названием «Как заплатить земельный и имущественный налог». Мы не будем в рамках данной статьи приводить весь текст, скажем только, что он абсолютно не адаптирован для сельского читателя, да и вообще для обычного человека, не знакомого с налоговыми терминами и тонко-

стями. Скажем только, что, прочитав эту заметку, не каждый найдет ответ на вопрос, как же заплатить эти налоги. Вот для примера небольшая выдержка:

Налогоплательщики земельного и имущественного налогов, проживающие в сельской местности, уплачивают денежные средства уполномоченному специалисту местной администрации и передают ему квитанцию по уплате налогов. Поступившие в администрацию денежные средства передаются вместе с квитанцией на уплату налога в кассы Сбербанка, имеющие возможность принимать налоговые платежи.

В ряде статей находим и «новые веяния» в виде попытки использования разностилевых средств для оживления повествования, но их тоже, к сожалению, нельзя назвать удачными. Так, например, в «Притоболье» (№ 58-59, 14 июля 2006 года) опубликована статья О. Бунина «Кто, если не мы?», в которой речь идет о нерадивом отношении сельчан к порядку на улицах райцентра:

Можно много перечислить замусоренных объектов. Это и усадьбы с покосившимися калитками и палисадниками, с кучами бытового мусора прямо за оградой, и торговые точки, за территориями которых совершенно не следят владельцы, где в зарослях всякой дурбени в избытке набросаны бутылки, полиэтиленовые пакеты, мешки и так далее.

Налицо попытка автора использовать облегченный, близкий к разговорному стиль. Но канцелярские слова «объекты», «бытовой мусор», «торговые точки» и др. в сочетании с диалектным «дурбень» не позволяют тексту быть по-настоящему живым и непринужденным. Далее читаем:

А у нас, к примеру, в лесах творится такое, что рискуешь ноги сломать, пробираясь через валежник и порубочные остатки.

И опять канцеляризм «порубочные остатки» сводит на нет усилия автора сделать текст легким для читательского восприятия.

Таким образом, язык районных газет в полной мере не отражает тех процессов, которые характерны для языка центральных печатных изданий. Он изобилует явными речевыми погрешностями, продолжая сохранять штампы, тяготение к официально-деловой речи, практически не ориентируясь на личность читателя.

Список литературы

1. Ефимов А.И. История русского литературного языка. – М., 1971.
2. Горбаневский М.В. Тексты массовой информации: особенности языка СМИ. <http://www.rusexpert.ru/books/lang/0005.htm>.

ГОГОЛЕВСКИЕ МОТИВЫ В ЯЗЫКЕ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Работая с текстами второй половины XIX в., поразила, как часто встречаются в художественных произведениях того периода фамилия Н.В. Гоголя, имена и фамилии его героев, отдельные словечки и даже фразы из его произведений. Еще в школе мы узнали, что в свое время текст пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума» «растасили по кусочкам», превратив их в крылатые слова, но у меня сложилось впечатление, что точно также поступили и с текстами произведений Н.В. Гоголя, а ведь в отличие от грибоедовской пьесы, гоголевские тексты прозаические, и, следовательно, труднее поддаются «расчленению»: *И он не без образования – Грибоедова и Пушкина много наизусть знает, и как выпьет, так и пойдет чертить из «Горя от ума» или из Гоголя* (1883-1884. Лесков. Справедливый человек).

Правда, удостоились такой чести только крупные сатирические тексты Н.В. Гоголя – «Ревизор» и «Мертвые души». И что удивительно, имена главных героев этих произведений почти все стали нарицательными или послужили основой для словопроизводства, что нашло отражение даже в толковых (!) словарях русского языка: *держиморда* (в словаре В.И. Даля и Д.Н. Ушакова: «жандарм, полицейский», в современном 20-томном: «грубый деспотичный человек») – *держимордовский*; *Хлестаков* – *хлестаковский* – *хлестаковство* – *хлестаковствовать* – *хлестаковщина*; *Манилов* – *маниловский* – *маниловски* – *маниловщина*; *Ноздрёв* – *ноздрёвский* – *ноздрёвщина*; *Чичиков* – *чичиковщина* и не зафиксированная в словарях форма *чичиковский*:

Они теперь служат гайдуками, или держимордами при каком-то приставе исполнительных дел по ведомству нигилистической полиции [...] (1865. Лесков. Обойденные).

Издавательство Дарьялова над этой сентиментальной хлестаковщиной только вызывало в ней особенную жалость к «бедному мальчику» (1890. Боборыкин. Три афиши).

В поэтической душе старичка, правда, было и нечто маниловское, но это маниловское выходило как-то так мило, что чувствующему человеку над этим никак нельзя было засмеяться ядовито и злобно (1864. Лесков. Некуда).

*Не умею уж вам сказать: мешали ли мне школьные воспоминания о ножнице и о чем-то худшем из области *haut école* или отталкивала меня от него настоящая ноздрёвщина [...]* (1884. Лесков. Отборное зерно).

Так точно и я верю в свою звезду.

– Не чичиковскую же?..

– О, нет! Он промышлял мертвыми душами, а я живыми (1870. Боборыкин. Солидные добродетели).

Ни один русский писатель не может похвастаться авторством такого большого количества слов, вошедших со временем в словарный запас русского языка: обычно с именем писателя мы связываем одну-две лексемы, например, Н.М. Карамзину приписываем слово *промышленность*, П.Д. Боборыкину – *интеллигенция*, Буренину – *макферлан* и т.д.

Нередко лексемы и выражения, родившиеся под пером Н.В. Гоголя (а может быть, и просто подслушанные писателем в речи, а затем попавшие на страницы его произведений), в силу своей яркости подхватывались потомками. Так, в пьесе «Ревизор» встречается искаженная форма от *шатен* – *шантрет*:

Анна Андреевна. *А собой каков он: брюнет или блондин?*

Добчинский. *Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.*

Позднее эта же форма (только без конечной буквы «т», что максимально офранцузивает данное слово) в окружении тех же лексем, что и в пьесе Н.В. Гоголя, – *блондин*, *брюнет* – возникает в романе аристократа Б.М. Маркевича «Четверть века назад» (1878):

[..] – *блондином или брюнетом прикажете вас поставить?* [..]

– *А ты меня средним колером пусти, – шантре потемнее, да чтоб и не совсем черно.*

Слово *клубничка* в специфическом значении («что-нибудь нескромное, скабрёзное, эротическое») вошло в широкое употребление (и попало в толковые словари) после выхода в свет поэмы «Мертвые души»: *А какой, если б ты знал, волокита Кувишников! Мы с ним были на всех почти балах. Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и черт знает чего не было... я думаю себе только: «черт возьми!» А Кувишников, то есть это такая bestия, подсел к ней и на французском языке подпускает ей такие комплименты... Поверишь ли, простых баб не пропустил. Это он называет: попользоваться насчет клубнички.* При этом, не ограничившись только лексемой *клубничка*, читатели на ее базе создали форму *клубничник* в значении «любитель “клубнички”»: *И тут же в целомудренном соображении объяснил себе, откуда могла произойти в ней эта перемена: «аристократ, рассудил он, клубничник, приударяет за нею всеконечно, а ей, дуре, лестно!..»* (1873. Маркевич. Марина из Алого Рога).

Даже встретившееся в ранее процитированном отрывке рифмующееся выражение *рюши-трюши* (*Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и черт знает чего не было*), не оставило равнодушными некоторых писателей-поклонников: *И такой зверек [...] ручки-ножонки свои будет надлежащим образом драпировать. Продумаешь здесь все до последней ниточки: какая отделка, рюши-трюши, аграманты и кисти, все придумаешь, лучше всякой портнихи* (1871. Боборыкин. Поддели!).

Очень интересен гоголевский цветовой образ, созданный выражением *наваринского дыма с пламенем*. Впервые данное наименование встретилось во втором томе романа «Мертвые души»: [..] *Отличный цвет! Сукно наваринского дыму с пламенем!* И с момента своего появления это цветообозначение интри-

гует всех исследователей языка Н.В. Гоголя: В.И. Чернышев в статье «Темные слова в русском языке» (1935) указал, что это коричневый цвет; современный крупный исследователь в области одежды Р.М. Кирсанова осторожно заметила, что «возможно, писатель мог сам изобрести это название» (2, 155), и считает, что сукно имело некий красный оттенок. Однако, думается, здесь надо просто повнимательнее вчитаться в текст поэмы, поскольку Н.В. Гоголь точно указал, сукно какого цвета стал предпочитать Чичиков, когда стал позволять себе «кое-какие излишества»: *«Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою»*. На этом основании думаем, что цвет *наваринского дыма с пламенем* – это не только коричневый, но еще и красноватый. При этом позволим себе утверждать, что цвет *с пламенем* – это цвет с искрою, тем более что настоящее пламя неразрывно связано с искрами. Сукно данной расцветки, как свидетельствует текст романа «Мертвые души», являлось признаком довольно хорошего общественного и материального положения, поэтому со временем выражение *сукно наваринского дыма с пламенем*, скорее всего, стало выступать как символ жизненного успеха: – *Что это у тебя за сукно? – спросил его Таманцев, – наваринского дыма с пламенем?* (1895. Боборыкин. Ходок).

Фразеологизм *шпрехен зи дейч, Иван Андрейч* (написание может варьироваться), оказывается, также восходит к тексту поэмы «Мертвые души»: *К почтмейстеру, которого звали Иван Андреевич, всегда прибавляли «Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч?»* – словом, все было очень семейственно. Распространенная немецкая фраза *Sprächen Sie Déutsch* переводится как «Говорите ли вы по-немецки?», а гоголевская рифмованная дразнилка русскими немцев *Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч*, видимо, понравилась потомкам: *Чтб такое неправда за меня? чтб я, в самом деле, за такое особенное? ведь я, говорю, господа, немец, шпрехензидейч, Иван Андрейч, колбасник!* (1866. Лесков. Островитяне).

В той же поэме в речи провинциальных дам нам встречается фраза *сконпель истоар*: – *Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконпель истоар*, – *говорила гостя с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом*. По свидетельству Н.С. и М.Г. Ашукиных, «Фраза эта употребляется иронически, шуточно, как восклицание при известии о каком-либо событии» (1, 320), при этом графика выражения могла несколько видоизменяться в соответствии с французским произношением фразы *Se qu'on appelle histoire* – «что называется история»: – *Батюшки! Надежда Степановна!.. Вы ли это?.. Сколько зим... Вот встреча... Скон апель истуар!*.. (1890. Боборыкин. Три афиши).

Сатирическое наследие Н.В. Гоголя было настолько популярно во второй половине XIX века, что даже слова, уже принадлежащие русскому словарному запасу и только единожды упомянутые Н.В. Гоголем, в творчестве поклонников этого писателя превратились в некие овеществленные символы и намертво связались с именем великого русского сатирика.

Так, городничий в «Ревизоре», мечтая о жизни в Петербурге, говорит: *Да,*

там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть. А спустя почти шестьдесят лет в повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз» (1894) рыба ряпушка уже предстает символом северной столицы России: [...] Петербург основал Петр Великий, и там есть рыба ряпушка, о которой бессмертный Гоголь упоминает, а потрясатели это что!

Просторечная лексема *толстобрюшка* во времена Н.В. Гоголя использовалась в значении «толстобрюхий человек или предмет»: *Городничий. [...] А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног.* Однако в творчестве того же Н.С. Лескова *толстобрюшка* по аналогии с текстом «Ревизора» ассоциируется исключительно только с «толстобрюхой» бутылкой спиртного: *Варенцовская мадера в роде гоголевской «толстобрюшки» тогда вся славилась по дворянству, и ее подавали Марфе Тихоновне, чтобы она старалась давать больному это полезное вино обманом вместо водки* (1881. Лесков. Дворянский бунт в Добрыньском уезде).

Список литературы

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М., 1988.
2. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. – М., 1989

Т.Е. Гайшина

Кафедра иностранных языков естественнонаучных специальностей

РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЫ

История многократно обнаруживала закономерные связи между уровнем и характером образования и благополучием страны. Еще Петр I осознал, что «окно» в Европу может прорубить только образованный человек, для чего и создавал неведомый до него на Руси европейский тип учебного заведения - университет. Великий государь и выдающийся реформатор Александр II стремился провести реформирование системы образования в соответствие с задачами перестройки государства: «Я обращаю особенное Мое внимание на дело народного просвещения, видя в нем движущую силу всякого успеха и утверждения тех нравственных основ, на которых зиждутся государства». Многочисленные исследования социологов показывают, что образованный человек становится важнейшим фактором развития общества, экономики, государства.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, представляя ежегодное Послание Президента Федеральному Собранию, заявил о ключевой роли образования в развитии страны, о том, что не только экономические показатели делают государство развитым и богатым, но и высокий уровень образования и культуры.

Сегодня очень важно научить подрастающее поколение жить в условиях идеологического плюрализма, вырабатывать собственную гражданскую позицию, уважать культуру других народов, осознавать свою свободу, но быть ответственным.

Образование должно содействовать культуре уважения к закону, приверженности демократии и миру, правовым и моральным ценностям, бережному отношению к окружающей среде и т. д.

В последнее время начинает складываться национальная образовательная концепция в России. Центральное место в ней занимает формирование человека культуры, приверженного общечеловеческим ценностям, вобравшего в себя богатство культурного наследия прошлого своего народа и народов других стран, стремящегося к взаимопониманию с ними, способного и готового осуществлять межличностное и межкультурное общение, в том числе средствами иностранного языка.

Предмет «иностраннный язык» занимает в этом ряду особое место. Он не только знакомит с культурой стран изучаемого языка, но путем сравнения оттеняет особенности своей национальной культуры, знакомит с общечеловеческими ценностями. Он содействует воспитанию в контексте «диалога культур». И.Л. Бим говорит о необходимости «...усилить роль обучения иностранным языкам (ИЯ) в воспитании человека культуры, использовать весь воспитательный потенциал иностранных языков как межпредметной учебной дисциплины, способствующей приобщению к мировой культуре и тем самым к лучшему осознанию своей собственной культуры».

Учёные утверждают, что иностранный язык – не «учебный предмет», а «образовательная дисциплина», в которой заложен огромный потенциал, способный внести весомый вклад в развитие человека как индивидуальности. Иностраннный язык, как и родной, не существует в обществе изолированно, а тесно связан со всеми сферами жизнедеятельности общества: экономикой, политикой, искусством и т.д. ИЯ, как и родной, выполняет четыре функции: служит средством познания, выступает хранителем национальной культуры, является средством общения и выражения отношения к миру, выступает в качестве инструмента развития и воспитания. Существуют и определенные отличия: ИЯ служит средством не только межличностного, но и межнационального, международного общения: ИЯ дает уникальную возможность познания того, чего познать на родном языке адекватно и своевременно нельзя; как хранитель другой культуры ИЯ оказывает неоценимую услугу родному языку и культуре, так как открывает другой мир, расширяет границы нашего мироощущения. Как средство воспитания, ИЯ совершенно незаменим, с его помощью мы можем максимально эффективно воспитать уважение к другим народам и личности вообще.

Термин «иноязычное образование» конкретнее отображает сущность современного образовательного процесса, нежели «обучение иностранному языку».

Содержание иноязычного образования значительно шире, богаче и важнее, чем это традиционно отражается – им является культура. Языковое образование

– залог овладения культурой. Л.В. Щерба: «Язык – кладезь педагогики, творец души ребенка, база для духовно-нравственных, умственных и гражданских качеств личности». Необходимо учитывать, что не всякое образование есть передача культуры, но иноязычное образование есть передача иноязычной культуры.

Еще К.Д. Ушинский писал о том, что «лучшее и даже единственное средство проникнуть в характер народа – усвоить его язык, и чем глубже мы вошли в язык народа, тем глубже мы вошли в его характер».

В современный период среди других иностранных языков, изучаемых в России, на первое место по международной значимости выдвигается английский язык.

Английский язык наряду с русским постепенно превращается в средство международного общения, общечеловеческого единения. Экспансия английского языка происходит независимо от нашего сознания, субъективного желания или мнения. Английский язык и западная культура проникают по каналам внешнеэкономических, политических связей, через теле- и киноэкраны, средства общения с представителями иных социокультурных общностей.

Таким образом, главной задачей иноязычного образования должно быть не понимание чужой культуры и даже не развитие межкультурной компетенции, а духовное совершенствование на базе новой культуры в ее диалоге с родной.

Список литературы

1. Бим И.Л. Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. - 2001. - №4. - С.7.
2. Запесоцкий А.С. Сильный университет – сильная Россия // Вестник российской академии наук. -2001. -Т.71. -№8. -С.716.
3. Пассов Е.И. Программа – концепция коммуникативного иноязычного образования. -М.: Просвещение, 2000.
4. Ткачук Т.Н. Проблемы межкультурной коммуникации... в современном образовательном пространстве. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2003. С. 111

А.И. Гольдберг, В.Е. Пазгалова

Кафедра иностранных языков естественнонаучных специальностей

О ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тема «Язык и культура» является центральной в деятельности Общества по развитию лингвистических исследований (Берлин) и Института немецкого языка и лингвистики Берлинского университета им. Гумбольдта.

Ю.Шарнхорст, председатель Общества по развитию лингвистических исследований, отметил, что эта тема имеет давнюю традицию именно в Берлине, так как здесь еще Лейбницем была разработана концепция культуры языка, ядро которой составила программа подготовки словарей [1; 2]. Проблемой теоретических исследований и практического использования словарей занимались и

занимаются многие лингвисты. И. Кларе различает во французском языке практическую лексикографию (подготовку словарей) и теоретическую лексикографию, или металексикографию, а в рамках последней: 1) теорию (и методологию) лексикографии; 2) лексико-графическую критику (*Wörterbuchkritik*); 3) историческую лексикографию; 4) исследования по практическому применению словарей (*Wörterbuchbenutzungsforschung*), т.е. исследования по общественному статусу словарей и социокультурному контексту их использования; 5) типологию словарей.

Во французской лексикографической традиции И. Кларе различает: 1) печатные словари, относящиеся к так называемой «галактике Гутенберга» (*Gutenberggalaxis*); 2) электронные словари, относящиеся к так называемой «электронной галактике». Достижения французской лексикографии связаны именно с ее вкладом в историческую металексикографию, причем этот вклад предлагается оценивать по трем аспектам:

1. Целевой группе и сфере применения словарей.
2. Месту и роли языка в существовавших системах образования.
3. Роли языка в процессе познания [1].

Стремление к языковой культуре и правильному использованию словарей привело также к созданию языковых консультационных центров. Б. Вольф-Блайс («Языковые консультации и использование словарей») отмечает, что первая такая языковая консультация была организована в 1930 г. при Библиографическом институте в г. Лейпциге, куда граждане обращались с письменными запросами по поводу своих языковых затруднений. А в 1999 году была создана «Грамматическая телефонная служба» по вопросам реформы немецкой орфографии [4].

Исходя из потребностей общества и следуя требованиям технического прогресса, современные словари создаются на основе компьютерных технологий. В. Кляйн («Компьютерный словарь немецкого языка в XX веке») сообщает о подготовке электронного словаря, который должен адекватно отразить весь массив немецкого языка в его основных характеристиках: фонологических, грамматических (морфологических и синтаксических), семантических. Для этого используется так называемый «модульный подход». Так, например, фонологическая информация подается не через транскрипцию, а через непосредственное звучание слова, что осуществляется с помощью клика по нему – выбранное слово прозвучит в различных произносительных диалектных вариантах, например, в венском, цюрихском и т.д.

Морфологическая информация будет представлена в виде морфологических парадигм каждой леммы и вызывается также простым кликом. Синтаксическая информация обрабатывается с помощью так называемых «парсеров» – автоматизированной программы, выявляющей синтаксический потенциал конкретного слова.

Семантическая информация подается в так называемых «частичных модулях» (*Teilmodule*), например, в моделях «глаголы движения», «локальные предлоги» и т.д. Аналогичным образом представлена и информация о фразеологии

ческих единицах, например, в модуле «глагол + имя существительное» (auf die Nerven fallen «действовать на нервы», Trübsal blasen «ныть», «сидеть, опустив руки»).

Кроме того, словарь должен отразить изменения немецкого языка в процессе его развития в 90-х годах XX века в различных функциональных сферах, что прослеживается на материале текстов прессы, беллетристики, науки, обиходно-разговорной речи, а также на материале институционных текстов, к которым автор относит юридические тексты и тексты различных инструкций и предписаний.

У. Хасс сообщает о создании электронного словаря – особой информационной системы, созданной на базе компьютерного корпуса текстов, имеющихся в Институте немецкого языка (г. Маннхайм). Целью словаря является представление лингвистических (т.е. специализированных) знаний о словах немецкого языка. Структура словаря характеризуется следующими «информационными параметрами» (Informationsdimensionen):

1. Написание и произношение.
2. Значение и использование (в том числе и по отдельным значениям многозначного слова).
3. Грамматика. В случае многозначности слова дается грамматическая характеристика каждой отдельной лексемы.
4. Языковая критика и норма. Приводятся коррективные и не совсем коррективные языковые формы, объясняется происхождение и изменение нормативных оценок данной конкретной языковой единицы.
5. История слов и специальная информация по их использованию.

Словарь содержит 250-300 тысяч опорных слов, причем сюда включены также несамостоятельные лексические единицы типа –lich и logic, а также устойчивые словосочетания (например: mit Kopf und Herz «разумом и сердцем», фразеологические выражения типа der Schwanz wackelt / wedelt mit dem Hund «хвост виляет собакой» и известные лозунги freie Fahrt für freie Bürger «свободный выезд для свободных граждан»).

О своем опыте использования словарей немецкого языка как иностранного в преподавании немецкого языка информируют авторы соответствующих словарей, вышедших под редакцией Г. Кемпке, Д. Гётца и Т. Вельманна [5].

Г. Кемке («Словарь немецкого языка как иностранного», вышедший в издательстве «de Gruyter») указывает, что его словарь адресован прежде всего иностранцам, изучающим немецкий язык в вузах. Словарные статьи содержат необходимые знания по произношению слов, грамматическим особенностям их употребления, значению, коннотативным признакам, участию во фразеологизмах и сочетаемости. Приводятся синонимы и антонимы к опорным словам, а также основные производные от опорных слов. В словаре впервые в лексикографической практике предпринимается попытка связать семасиологический и ономасиологический подходы к лексике: в качестве приложения даны важнейшие лексико-семантические поля немецкого языка, например, «Человек»:

1. Части тела, органы.
2. Свойства характера.
3. Способности к восприятию внешнего мира.
4. Умственная деятельность.
5. Умственные способности.
6. Психические процессы и т.д.

Эти словари могут использоваться в определенном объеме и под руководством преподавателей-германистов уже на ранних этапах освоения немецкого языка, что способствует развитию навыков и культуры использования словарей, а также способствует формированию адекватных представлений о мире иноязычной культуры [3].

В нашей стране проблемой отбора словаря для продуктивного усвоения занимались такие видные исследователи, как И.А. Грузинская, Л.В. Щерба, И.В. Рахманов. В 1960 году вышел словарь наиболее употребительных слов английского, немецкого и французского языков под редакцией И.В. Рахманова. Он охватывает полнзначные слова, служебные слова и фразеологизмы. В 1960 г. и 1968 г. появилось четвертое издание «Русско-немецкого словаря» и «Немецко-русского словаря» под редакцией А.А. Лепинга и Н.П. Страховой. В новых изданиях изъяты устаревшие и потерявшие свою актуальность слова и фразеологические сочетания. В словари вошли новые слова и словосочетания, имеющие актуальное общественно-политическое значение; расширена бытовая лексика, а также даны новые слова, отражающие развитие различных областей науки, техники, культуры. Кроме того, для облегчения правильного использования разных переводов одного и того же немецкого или русского слова, проведена дифференциация отдельных значений слов, выделены фразеологические сочетания, омонимы, например: *Figur machen* - импонировать, *die Flinte ins Korn werfen* - спастись перед трудностями, *auf frischer Tat ertappen* - поймать с поличным, *grosse Augen machen* - удивиться и др.

Омонимы: *die See* - море - *der See* – озеро
der Leiter – руководитель - *die Leiter* - лестница
der Band – том - *das Band* – лента
die Bank – скамья - *die Bank* - банк
erfahren – узнавать – *erfahren* - опытный [6], [7], [8].

Современные немецко-русские словари, рассчитанные на лиц, изучающих немецкий язык на разных этапах – в школе, лицее, гимназии, колледже, вузе, на курсах или самостоятельно, способствуют усвоению языковой культуры.

Большую ценность представляют специальные словари, составленные для различных отраслей науки. К ним относятся политехнические словари, словари по химии, медицине, математике и др. [3]. Следует отметить, что данные словари в большей мере способствуют как рецептивному, так и продуктивному усвоению языковых знаний, развитию навыков и умений в практическом использовании немецкого языка.

Список литературы

1. Sprachsituation und Sprachkultur im internationalen Vergleich: Aktuelle Sprachprobleme in Europa. Mit einem Geleitwort von Erika Ising / Hrsgs. Scharnhorst I. – Frankfurt am M. – 1995.
2. Leibniz G.W. Unvergleichliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache. – Zwei Aufsätze / Hrsgs. Pörksen U. – Stuttgart, 1983.
3. Duden: Deutsches Universal Wörterbuch / Hrsgs. u bearb. vom Wissensch. Rat u. den Mitarb. der Dudenred. unter der Leit. von Drosdowski G. – Mannheim, 2001.
4. Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer Herausgeber: Merder – Institut / Langenscheidt Leipzig, 2004 / Heft 3.
5. Sprachkultur und Sprachgeschichte: Herausbildung und Förderung von Sprachbewusstsein und wissenschaftlicher Sprachpflege in Europa / Hrsgs. Scharnhorst I. – Frankfurt am M. – 1995.
6. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Hrsgs. Klappenbarch R. Steinitz. – 1964-1977. – Bd 1-6.
7. Л.С. Блинова, Е.И. Лазарева. Современный немецко-русский словарь: - М.: ООО «Издательство Астрель», 2003.
8. К.К. Лейн, Д.Г. Мальцева. Большой немецко-русский словарь. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2004.

Н.В. Гончарова

Кафедра русского языка

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-НАИМЕНОВАНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Среди поэтических фразеологизмов подсубкатегории социального свойства, в группе наименований по роду занятий, трудовой деятельности продуктивны единицы (24 фразеологизма), характеризующие литературную деятельность лица, например: *автор возвышенных стихов, авторы гончарные, бирюзовый учитель, лирники слепые, писатель-гоголек, северные скальды, утешительно-грешный певец, чужие певцы* и др. В стихотворениях О. Мандельштама произведения «прозы и поэзии вместе с их создателями то встают в полный рост, то упоминаются вскользь и мимоходом. Это его достояние, которым он щедро делится с другими в стремлении преодолеть забвение и восстановить непрерывность человеческой истории. “Я получил блаженное наследство — / *Чужих певцов* [курсив наш. – Н.Г.] блуждающие сны”, – писал он в 1914 г. Историко-культурные ассоциации составляют неотъемлемую часть стиля О. Мандельштама и одновременно выражают свойственное ему пространственное ощущение мира» [2, 326-327].

Внутри исследуемой подгруппы можно выделить два типа единиц: в состав первого входят 19 поэтических фразеологизмов, называющих конкретных, реально существующих исторических лиц, которые занимались литературной дея-

тельностью, второй содержит 5 фразеологических единиц, обозначающих совокупность лиц, это обобщенные номинации вымышленных, абстрактных, созданных поэтом наименований поэтов и писателей.

Предметом исследования в данной статье является семантический тип поэтических фразеологизмов, содержащих информацию о реально существующих исторических лицах, занимающихся литературной деятельностью. О. Мандельштам в своих стихотворениях создает фразеологические номинации поэтов и писателей, исторических и современных ему, представителей различных стран и культур, например: XV век, Франция – поэт Франсуа Вийон (*беззаботного права истец, любимец мой кровный, наглый школьник и ангел воюющий, разбойник небесного клира, утешительно-грешный певец*); XVI век, Италия – поэты Лудовико Ариосто и Торквато Тассо (*посольская лиса, ученый советник, цветущий папоротник, чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз*); 19 век, Россия – поэт Николай Некрасов (*старик и неряха*), драматург Владислав Озеров (*автор возвышенных стихов*); XX век, Россия – поэт Андрей Белый (*бирюзовый учитель, конькобежец и первенец, писатель-гоголек, собиратель пространства, экзамены сдававший птенец*), поэтесса Анна Ахматова (*гитана гибкая*) и др. Э.А. Обухова отмечает, что у Мандельштама имена поэтов вводят в стихотворение свой контекст: «за одним именем может стоять эпоха, “слой культуры”... Другие имена сопряжены с миром личности поэтов, которые становятся “собеседниками” автора, между ними возникает контактный диалог» [6, 22].

По данным нашей картотеки, часть поэтических фразеологизмов составляют наименования А. Белого, по мнению О. Мандельштама, поэта особого дара, яркая и экспрессивная оценка которого дается в стихотворении «Голубые глаза и горячая лобная кость...»:

На тебя надевали тиару — юрода колпак,

Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!

Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек:

Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...

Собиратель пространства, экзамены сдававший птенец,

Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец...

Конькобежец и первенец, веком гонимый вашей

Под морозную пыль образуемых вновь падежей.

(Новые стихи;

«Голубые глаза и горячая лобная кость...»; 1934)

В комментариях к этому стихотворению встречаем следующее: «Стихи на смерть А. Белого условно назывались “Реквием”: “этими стихами О. Мандельштам отпел не только Белого, но и себя, и даже сказал мне об этом”, – пишет Н.Я. Мандельштам» [5, 791-792]. «В стихотворении виртуозно “разыграны” стилиевые особенности стихов и прозы Белого: оттенки синего цвета, излюбленные Белым (эпитеты “голубой”

и «бирюзовый»); самооценки, прозвища и псевдонимы (*Дурак*. Основывается на коллизиях юношеской биографии Белого, отразившихся в его мемуарах: в семье из-за писания стихов его считали не вполне нормальным. *Гоголек*. Так называл Белого, по его воспоминаниям, Вячеслав Иванов» [4, 600-601].

В поэтическом фразеологизме **бирюзовый учитель** опорный компонент, бывшее имя существительное *учитель*, обозначает человека, который, являясь высоким авторитетом для кого-либо, имеет последователей; зависимый компонент *бирюзовый* указывает на конкретный признак обозначаемого лица: А. Белый часто использовал в своих произведениях эпитеты «голубой» и «бирюзовый».

Индивидуальную семантику в единице **собиратель пространства** формирует именной компонент, который представляет собой преобразованное имя существительное: *собирателем* называют того, кто занимается сбором, собиранием чего-либо. Зависимый компонент, существительное в родительном падеже, является философским термином, имеет значение: «одна из основных всеобщих объективных форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом» [8, т.3, 528], служит средством распространения главного компонента, характеризует и делает его более определенным. В целом поэтический фразеологизм номинирует А. Белого, характеризуя его философские взгляды (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Вл. Соловьев, Р. Штейнер).

Грамматически главный компонент фразеологической единицы **экзамены славший птенец** – имя существительное *птенец* – употреблено в переносном значении: «ребенок или ученик, воспитанник», в сочетании с зависимым компонентом – причастным оборотом *сдавший экзамены*, формирует значение поэтического фразеологизма: поэт, ученик, вечный студент, находящийся в поиске ответов на многочисленные вопросы исторического, культурного, философско-религиозного характера. Эту фразеологическую номинацию подтверждают встречающиеся в мемуарах Белого автохарактеристики: «Я – ребенок, отрок, студент, писатель, мировоззритель...» [1, 234].

Компоненты поэтического фразеологизма **конькобежец и первенец**, слова одной части речи, связанные сочинительным союзом *и*, синтаксически и семантически объединяются. Компонент *конькобежец* находится в одной тематической группе с прилагательным *ледяной*, которое было выбрано в качестве одного из псевдонимов А. Белого – Леонид Ледяной. Фразеологическая единица в данном случае подчеркивает «необычную свободу и легкость мысли у Белого», отмеченные Мандельштамом в одной из статей.

Другую часть поэтических фразеологизмов составляют фразеологические наименования Франсуа Вийона, французского поэта эпохи позднего Средневековья, описывающего в своих балладах жизнь парижских низов и прославляющего земные радости: *беззаботного права истец, любимец мой кровный, наглый школьник и ангел ворующий, разбойник небесного клира, утешительно-грешный певец*. Сама личность Вийона, его необычная биография неоднократно привлекали внимание, его делали своим героем Р. Стивенсон, Ф. Карко, в России П.Г. Антокольский и др.

Ф. Вийона можно назвать давним героем и О. Мандельштама, статья о нем написана поэтом еще в ранней молодости (1910), позднее, в 1937 году, его образ создается в поэтическом тексте: все перечисленные выше поэтические фразеологизмы встречаем в одном контексте, в стихотворении «Чтоб, приятель и ветра и капель...» из сборника «Воронежские тетради»:

Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучьи права
Наглый школьник и ангел ворующий,
Несравненный Виллон Франсуа.

*(Третья воронежская тетрадь;
«Чтоб, приятель и ветра и капель...»; 1937)*

О. Мандельштам в стихотворении использует по отношению к Ф. Вийону разные номинации, называет *несравненным*, его фамилию произносит на французский манер, от Villon. Семантика поэтического фразеологизма **наглый школьник и ангел ворующий**, характеризующего французского поэта, обогащается метафорическим смыслом, за счет использования оксюморона *ангел ворующий* значение единицы становится экспрессивным. Компоненты – бывшие существительные, соединенные сочинительным союзом, препозитивное прилагательное, постпозитивное действительное причастие настоящего времени, – в составе фразеологизма преобразуются, формируя значение единицы: ‘дерзкий, бесстыдный, неунывающий, острый на язык поэт, в своих балладах называющий себя «бедным маленьким школяром» и «не сыном ангела», ведущий разгульный образ жизни и промышляющий воровством’. Подтверждение этой оценки находим в прозе Мандельштама: «Симпатии Виллона к подонкам общества, ко всему подозрительному и преступному – отнюдь не демонизм. Темная компания, с которой он так быстро и интимно сошелся, пленила его женственную природу большим темпераментом, могучим ритмом жизни, которого он не мог найти в других слоях общества. ... собственность всю жизнь манила Виллона, как музыкальная сирена, и сделала из него *вора... и поэта* [здесь и далее подчеркнуто нами. – Н.Г.]. Жалкий бродяга, он присваивает себе недоступные ему блага с помощью острой иронии» [3, 305]. Далее О. Мандельштам приводит цитату из поэмы Ф. Вийона «Большое завещание» (1462): «Я хорошо знаю, что я *не сын ангела*, венчанного диадемой звезды или другой планеты», – сказал о себе *бедный парижский школьник*, способный на многое ради хорошего ужина. *Такие* отрицания равноценны положительной уверенности» [3, 309].

В одном четверостишии этого же стихотворения встречаем сразу три единицы, характеризующие французского поэта:

То ли дело **любимец мой кровный,**
Утешительно-грешный певец, —
Еще слышен твой скрежет зубовный,
Беззаботного права истец...

*(Третья воронежская тетрадь;
«Чтоб, приятель и ветра и капель...»; 1937)*

Главный компонент поэтического фразеологизма **любимец мой кровный** – имя существительное *любимец* вносит в значение единицы положительную коннотацию, речь идет о человеке, которого особенно любят и ценят. Зависимый компонент, притяжательное местоимение *мой*, свидетельствует о том, что описываемое лицо очень близко Мандельштаму; это впечатление усиливается постпозитивным определением *кровный*, которое употреблено в переносном значении ‘очень близко касающийся, глубоко затрагивающий’. Фразеологическая единица в целом получает большую выразительность благодаря инверсивному расположению зависимых компонентов, которое является средством смыслового выделения и используется «для передачи последовательности восприятия предметов героями: сначала предмет, потом – его признак, детализирующий, уточняющий воспринятый образ» [7, 131].

Взаимодействие главного и зависимого компонентов обеспечивает формирование семантики поэтического фразеологизма **утешительно-грешный певец**. Опорный компонент *певец* имеет традиционно-поэтический характер и употребляется в значении ‘поэт’. Поэтические произведения Ф. Вийона имели огромную популярность, за полвека они переиздавались 32 раза, что для того времени является свидетельством его большого успеха. Зависимый компонент, сложное прилагательное *утешительно-грешный*, характеризует Вийона с двух сторон: во-первых, как человека, способного приносить другим успокоение, утешение и, во-вторых, как человека, ведущего разгульный, преступный образ жизни, совершающего предосудительные поступки, систематические правонарушения, что подтверждает его биография (участие в драках, разбойных нападениях, грабежах, ранение человека, неоднократные тюремные заключения, позже амнистия, спасшая его от смертной казни, и т.д.). В целом значение данного поэтического фразеологизма можно сформулировать следующим образом – ‘лирический поэт, способный приносить успокоение и в то же время совершающий много грехов’. Подобную характеристику встречаем в статье О. Мандельштама о Ф. Вийоне: «Весьма безнравственный, “аморальный” человек, как настоящий потомок римлян, он живет всецело в правовом мире и не может мыслить никаких отношений вне подсудности и нормы. Лирический поэт, по природе своей, – двуполюсное существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога. <...> Какой разнообразный подбор очаровательных дуэтов: огорченный и утешитель, мать и дитя, судья и подсудимый, собственник и нищий...» [3, 305].

Значение фразеологической единицы **беззаботного права истец** формируется под влиянием именного опорного компонента *истец*, который представляет собой юридический термин и обозначает ‘того, кто предъявляет иск – обращение к суду с требованием о защите гражданских прав’ [8, т.1, 676, 688]. Действительно, биографами установлен факт того, что в 1463 году Ф. Вийон попадает в тюрьму Шатле в связи с делом о драке, в которой он принимал только косвенное участие, но зато повлекшей за собой ранение папского нотариуса. Сначала Вийон приговаривают к повешению, но после поданной им апелляции и доследо-

вания устанавливается его невиновность. Прямое значение зависимого компонента-существительного в родительном падеже вместе с препозитивным определением *беззаботного права* переосмысливается, преобразуясь в обозначение права человека на защиту государства, на предоставление поэту свободы, возможности действовать согласно внутреннему состоянию, убеждению, хотя и беспечному.

По данным нашей картотеки, в стихотворениях О. Мандельштама также встречаются единичные фразеологические номинации поэтов и писателей, например: **старик и неряха** (поэт Николай Некрасов, которого Мандельштам определяет как неподкупного протестанта-разночинца 70-летней давности), **автор возвышенных стихов** (драматург Владислав Озеров, автор патриотической трагедии «Димитрий Донской», постановка которой была возобновлена на сцене театра), **гитана гибкая** (поэтесса Анна Ахматова, которая сравнивается с танцовщицей, испанской цыганкой), **кошмарный человек** (поэт Владимир Пяст (Пестовский), читавший стихотворение Э. По «Улялюм» на английском языке, которого Мандельштам не понимал) и др.

Таким образом, в текстах О. Мандельштама в подгруппе поэтических фразеологизмов, характеризующих литературную деятельность, продуктивны единицы, обозначающие реально существующих исторических лиц, которые занимались литературной деятельностью (А. Белый, Ф. Вийон, Л. Ариосто и др.). Фразеологические единицы, созданные Мандельштамом, характеризуют поэтов и писателей, показывают его отношение к литературной деятельности собратьев по перу и чаще всего выражают положительную оценку обозначаемых людей. Положительная коннотация складывается в результате взаимодействия главного и/или зависимого компонентов фразеологизма.

Список литературы

1. Белый А. На рубеже двух столетий / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. – М.: Худож. лит., 1989. – 542 с.
2. Ботникова А.Б. Поэзия распахнутого кругозора // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – С. 324-335.
3. Мандельштам О. Собрание сочинений в четырех томах / Под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Т. I. – М.: ТЕРРА, 1991. – 684 с.
4. Мандельштам О.Э. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца; Сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. – СПб.: Академический проект, 1997. – 720 с.
5. Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза / Сост. Ю.Л. Фрейдина; Предисл. и комм. М.Л. Гаспарова. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. – 896 с.
6. Обухова Э.А. Слово и имя в поэзии Осипа Мандельштама // Русская речь. – 1991. – № 1. – С. 16-22.
7. Попова З.Д. Изобразительные возможности русского порядка слов // Вопросы стилистики: Межвузовский научный сборник. Вып. 11. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. – С. 127-133.
8. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русск. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

ПРЕДМЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПАРЕНТАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование фразеологических единиц (ФЕ) с парентальным компонентом в современном французском языке показало, что наиболее многочисленным является класс предметных фразеологизмов. Нами было обнаружено 139 ФЕ. В качестве парентального компонента выступают такие лексемы, как *père* (отец) – 29 ФЕ; *fils* (сын) – 28 ФЕ; *mère* (мать) – 27 ФЕ; *fille* (дочь) – 18 ФЕ; *frère* (брат) – 9 ФЕ; *sœur* (сестра) – 8 ФЕ; *oncle* (дядя) – 5 ФЕ; *marî* (муж) – 3 ФЕ; *tante* (тетя) – 2 ФЕ; *cousin* (двоюродный брат) – 2 ФЕ; *femme* (жена) – 1 ФЕ, т.е. лексемы, отражающие в основном близкую степень родства.

Основываясь на семантико-грамматической классификации фразеологизмов, разработанной А.М. Чепасовой [4, 6-9], мы можем выделить 3 субкатегории предметных ФЕ с парентальным компонентом:

1. ФЕ, обозначающие одно лицо или собирательное множество (116 ФЕ);
2. ФЕ, обозначающие предметы неживой природы, обозначения времени, места (12 ФЕ);
3. ФЕ, служащие для обозначения отвлеченных понятий (11 ФЕ).

Наибольшее количество фразеологизмов включает первая субкатегория. ФЕ данной субкатегории можно разделить на следующие группы:

а) ФЕ, обозначающие человека по внешнему виду, по некоторым биологическим признакам: *gros père* – толстяк, карапуз; *beau-fils* – молодой франт; *fille mère* – дочь на выданье; *frères siamois*, *sœurs siamoises* – сиамские близнецы; *les oies du frère Philippe* – женщины;

б) ФЕ, обозначающие человека по свойствам характера: *père Picous* – скряга; *père la joie* (прост.) – весельчак, заводила; *père la colique* (ирон.) – трус; *fils de Satan* – исчадие ада; *foux frère* – лицемер, предатель; *frère soupe-chou* (разг.) – простак; *mère des pauvres* – добрая женщина, щедро подающая милостыню, и др.;

в) ФЕ, обозначающие человека по социальным признакам, которые можно разделить на следующие подгруппы:

· ФЕ, именующие человека по профессии, по роду его деятельности: *sœur de la marmite* – сиделка, сестра милосердия; *fille de sale* – санитарка; *père presseur* (арго) – сборщик налогов; *le Père guillotine* – тюремный священник; *bonne sœur* – монахиня, ухаживающая за больными детьми; *cousins de la gueule noire* – рабочие кузнечных цехов; *frères de la cote* – пираты (Антильских островов); *les fils d'Apollon*; *les fils de la lyre* – поэты (Аполлон (в греческой мифологии) – покровитель искусств); *les Pères conscrits* – сенаторы Древнего Рима и др.;

· ФЕ, характеризующие человека по материальному положению: oncle d'Amérique – американский дядюшка (=богатый дядюшка); oncle à l'héritage – богатый дядюшка; père aux yeux – богатый скряга;

· ФЕ, обозначающие человека по отношению к другим людям: mère d'occase – сводня; mère d'accueil – женщина, вынашивающая ребенка для другой женщины; mari complaisant – снисходительный муж, который закрывает глаза на поведение супруги; fils de maître – человек, наследовавший отцовский талант; frère d'arme – соратник по оружию; frère de la maniche (арго) – соучастник в краже; frère du lait – молочный брат; une soeur – родственная душа и др.;

· ФЕ, называющие человека по прямому или непрямому родству: la belle mère – свекровь, теща; fils de la maison – хозяйский сын; cousin à la mode de Bretagne – дальний родственник; les fils de la France – законные сыновья короля; les filles de la France – законные дочери короля;

· ФЕ, именующие человека по национальному признаку и месту проживания: les fils d'Albin – сыны Альбиона, англичане (Альбион – название, данное древними греками Великобритании); fils du ciel – китайцы; fils des gaulois – галлы (название кельтов, данное римлянами); les Fils de l'Orient – сыны Востока; les fils de l'Helvétie – сыны Гельветии (швейцарцы); oncle Sam – дядя Сэм, американец. Последний фразеологизм является обобщенным наименованием человека как представителя нации;

д) ФЕ, служащие для наименования сверхъестественных существ. В данной группе можно выделить две подгруппы:

· ФЕ, называющие Бога: le père éternel – Бог-отец; le Père céleste – Бог; le Père la Tuile (арго, устар.) – Бог-отец;

· ФЕ, служащие для наименования различных богов и персонажей римской или греческой мифологии: le père des hommes et des dieux – Зевс; le père du vin – отец вина (о Бахусе/ Дионисе); les fils de la terre – Гиганты (в греческой мифологии – чудовищные великаны, рожденные богиней земли Геей от капель крови бога неба Урана); les 9 soeurs, les Filles de Mémories – музы (богини – покровительницы наук, поэзии и искусства); les Filles de l'enfer – Фурии (в римской мифологии – богини мщения, обитающие в подземном царстве); les soeurs filandières, les Filles de Destin – Парки (в римской мифологии – богини судьбы) и др.;

е) ФЕ, обозначающие какой-либо вымышленный персонаж: mère Gigogne – Матушка Жигонь, многодетная мать (народный персонаж); ma mère l'Oie – «матушка-гусыня» (рассказчица сказок); la mère fouettard – баба-яга; le père Fouettard – дед с розгами (вымышленный персонаж, которым пугают детей); le Père Noël – Дед-Мороз. Фразеологизм «le Père Noël» может также указывать на человека в связи с его профессиональной деятельностью, если человек является ведущим на новогоднем празднике;

ж) ФЕ, обозначающие лицо в религиозной сфере, среди которых можно выделить следующие подгруппы:

· ФЕ, именующие человека по церковному сану: le Saint Père, le Père des

Fidiles – папа Римский; риге аббй – настоятель, игумен; les Riges de l’Eglise – отцы церкви;

· ФЕ, называющие человека по его принадлежности к какому-либо религиозному объединению, ордену: petites soeurs – монахини; les filles du Carmel – кармелитки; soeurs grises – сестры милосердия общества Св. Франциска;

· ФЕ, указывающие на человека по отношению к другим лицам: риге spirituel – духовный отец; fils spirituel – духовный сын;

· ФЕ, обозначающие персонажей Библии: notre premiёге миге – Ева; le риге des humains – Адам; le fils de Dieu – сын Божий, Иисус; le fils de l’Homme – сын человеческий (о Христе); le fils de perdition – Иуда.

Вторая субкатегория включает ФЕ, обозначающие предметы неживой природы или обозначения времени, места: миге-goutte – первое вино; notre миге commune – мать сыра - земля; maison-миге – основное предприятие фирмы; fille аîñйе des rois de France – Сорбонна; риге du jour (поэт.) – солнце; filles de la nuit (кн.) – звезды и др.

К ФЕ **третьей субкатегории** относятся фразеологизмы, используемые для обозначения отвлеченных понятий: tante Anastasie (разг.) – цензура; la миге – patrie – отечество; coup du риге Franzois – предательский удар; contes de la mёге l’Oie – бабьи рассказы, небылицы; maison du риге – рай, небо и др.

Таким образом, проведенное исследование позволяет установить, что наибольшее количество предметных фразеологизмов с парентальным компонентом относится к первой субкатегории. ФЕ данной субкатегории являются фразеологизмами-наименованиями человека и характеризуются семантическим разнообразием, отражая различные стороны жизни и деятельности человека, а также же указывая на его физические и моральные качества.

Список литературы

1. Гак В.Г. Новый французско-русский фразеологический словарь/ В.Г. Гак [и др.]; под ред. В.Г. Гака. – М.: Изд. «Русский язык», 2005. – 1625 с.
2. Рагушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. – С. 10-14.
3. Рецкер Я.И. Французско-русский фразеологический словарь / Я.И. Рецкер [и др.]; под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
4. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. пед. ун-та, 2006. – 144 с.

КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЯЗЫКЕ М.ЦВЕТАЕВОЙ

Понятие «стереотип» рассматривается не только в работах лингвистов, но и социологов, этнографов, когнитологов, психологов, этнопсихолингвистов (У. Липпман, И.С. Кон, Ж. Коллен, Ю.Д. Апресян, Ю.А. Сорокин, В.А.Рыжков, Ю.Е. Прохоров, В.В. Красных, П.Н. Шихирев, А.В. Михеев, С.М. Толстая, Е. Барминский, А.К. Байбурин, Г.С. Батыгин, С.В. Силинский и др.).

Представители каждой из названных наук выделяют в стереотипе те его свойства, которые они замечают с позиций своей области, и поэтому выделяются социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т.д.

Впервые понятие стереотипа использовал в 1922 г. У. Липпман, который считал, что это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. При таком понимании стереотипа выделяются две его важнейшие черты - детерминированность культурой и функция быть средством экономии трудовых усилий и, соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы «экономят» саму личность.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». Такое понимание стереотипа встречается в работах Е. Барминского и его школы; языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. В.А. Маслова считает языковым стереотипом не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: *лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский*. Использование таких стереотипов облегчает и упрощает общение, экономя силы коммуникантов.

Стереотипы всегда национальны, а если встречаются аналоги в других культурах, то это квазистереотипы, ибо, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение.

Рассматривая стереотип как явление культурного пространства, В.А. Маслова отмечает, что «это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная

«картинка», устойчивое культурно-национальное представление (по Ю.Е. Прохорову, «суперустойчивое» и «суперфиксированное») о предмете или ситуации. Он являет собой некоторое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Но это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе, поэтому стереотипы считаются преценетными (важными, представительными) именами в культуре. Стереотип - это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой - проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего».

В основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы - культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя их элементом».

По мнению Н.И. Толстого, наиболее яркой языковой особенностью, в которой отражена культура народа, являются фразеологизмы, метафоры и символы. В языке закрепляются мифологемы, архетипы, эталоны, стереотипы, обычаи, ритуалы, верования.

Национально-культурное своеобразие фразеологических единиц, метафор, символов формируется посредством культурной коннотации. И тем не менее язык не является хранилищем культуры. Единица языка - слово - является лишь сигналом, функция которого - пробудить человеческое сознание, затронуть в нем определенные концепты, готовые откликнуться на этот сигнал.

Язык же является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. Истинным хранителем культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает.

Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Именно такими единицами в первую очередь являются фразеологизмы, метафоры и символы. Так, *сорок* в значении «много» встречается только в русской культуре, поэтому фразеологизм *сорок сороков* в составе метафоры *сорок сороков - колокольное семихолмие* является культурно специфическим. Число *семь* символизирует в русской культуре что-то чрезмерное:

Семь холмов - как семь колоколов,

На семи колоколах - колокольни.

Всех счетом: сорок сороков, -

Колокольное семихолмие.

«Стихи о Москве»

М. Цветаева широко использует пословицы и поговорки русского народа, которые включаются в ткань стихотворений в виде авторского варианта или реализуются на уровне аллюзии, выступая в качестве одного из мотивов или даже лейтмотива. Так, например, в стихотворении «О, слезы на глазах!» поэт протестует против расхожей людской морали, советующей личности подстраиваться под порядок, создаваемый и поддерживаемый обществом, невзирая на то, что этот порядок ей не по душе:

В Бедламе нелюдей
Отказываюсь - жить.
С волками площадей
Отказываюсь - выть.

При восприятии этих строк явно ощутима их ассоциативная связь с пословицей, оказывающейся исходным мотивом: *С волками жить - по-волчьи выть*. Налицо почти все слова пословицы: *с волками, жить, выть* и слышна мысль о том, что решивший *жить в Бедламе нелюдей* вынужден будет *выть* одинаково с этими самыми *волками-нелюдями*. Сюжет стихотворения «Волк» построен на пословичной аллюзии:

Было дружбой, стало службой.	Чем на вас с кремнем-огнивом
Бог с тобою, брат мой волк!	В лес ходить - как Бог судил.-
Подыхает наша дружба	К одному бабьё ревниво:
Я тебе не дар, а долг!	Чтобы лап не остудил.
Заедай верстою версту,	Удержать - перстом не двину.
Отсылай версту к версте!	Перст не шест, а лес велик.
Перегладила по шерстке -	Уноси свои седины.
Стосковался по тоске!	Бог с тобою, брат мой клык!
Не взвожу тебя в злодеи,-	Прошевай, седая шкура!
Не твоя вина - мой грех:	И во сне не вспомяну!
Ненасытностью своею	Новая найдется дура -
Перекармливаю всех!	Верить в волчью седину.

Это произведение интимного плана; оно повествует о расставании героини с волком, которого она любила, но не смогла удержать. Образ убегающего животного поддерживается лексемами *лапы, шерстка, шкура, клык*. Упоминаются атрибуты охоты на волка (*на вас с кремнем-огнивом/ в лес ходить*). Да и уходит персонаж от лирической героини в привычное место обитания - *лес*. Но неожиданно у волка обнаруживается человеческая черточка во внешности - *седина*.

Этот штрих сразу позволяет оценить все стихотворение как развернутую метафору с исходным образом *волк* - «человек, имеющий сходство с волком». Намек на пословицу поддерживается как лексико-фразеологическим составом стихотворения, так и всей системой образов произведения. С одной стороны, это фрагменты, описывающие отношения лирической героини к волку в недавнем прошлом: *было дружбой; перегладила по шерстке; перекармливаю; К одному бабьё ревниво, / Чтобы лап не остудил*. С другой - это словосочетания,

изображающие поведение волка: он *стосковался по тоске*, тяготится дружбой героини, которая ему *не дар, а долг*. Кроме того, во втором и предпоследнем четверостишиях возникает образ убегающего существа, в первом случае за счет повторения разных словоформ одного слова (*Заедай верстою версту/ Отсылай версту к версте*), а во втором - за счет выражения *Уноси свои седины*, переключаясь с фразеологической единицей *уносить ноги* («убегать, удирать»). Все эти элементы текста (метафоры) вызывают в памяти пословицу *Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит*. Она является лейтмотивом стихотворения.

Вывод о необратимости разлада, разрыва между героиней и ее возлюбленным дан уже в первой строфе, сначала в антитезе *Было дружбой, стало службой* (вспомним соответствующую фразеологическую единицу *не в службу, а в дружбу*, которая противопоставляет искреннее теплое отношение к человеку, заставляющее поступиться чем-либо для его блага, и холодное, равнодушное, ведущее мелочный счет каждой оказанной услуге), а затем в метафоре *Подыхает наша дружба*. Героиня осознает ту изначальную пропасть, которая лежала между нею и любимым. О том, что они и не могли быть вместе, говорит фраза, сообщающая о предопределенности вражды свыше: *на вас с кремнем-огнивом/ В лес ходить - как Бог судил*. Между тем сама героиня готова пренебречь волей судьбы. Женская - нежная, слепо любящая - душа страдает от невозможности уберечь, оградить от всех бед и неприятностей любимое существо. Героиня забывает при этом о себе как о личности, она - просто одна из обыкновенных женщин: *К одному бабьё ревниво:/ Чтобы лап не остудил*.

Лирической героине горько осознавать необратимость разрыва, но она смиряется, понимая, что сущность волка изменить нельзя. Поэтому, обращаясь к нему, она признается, что не держит на него зла: *Не взвожу тебя в злодеи*. Дважды повторенная фраза *Бог с тобою, брат мой* становится как бы формулой прощания. Интересно, что в первый раз к этой фразе добавляется обращение *волк*, а во второй - *клык*. Слово *клык*, думается, не было случайной заменой. Его появление помогает создать впечатление оскалившегося, рычащего, огрызающегося, враждебно настроенного зверя, которого утомила чрезмерная чужая привязанность, ласка, забота. Ценой любви для волка оказывается утрата свободы. И эта цена для него слишком высока.

Лирическая героиня осознает возникшее у нее раздвоение разума и чувств. Поэтому свою воображаемую будущую соперницу, которая, как и она сама, поверит в возможность дружбы с волком, героиня называет *дурой*, очевидно, полагая, что именно подмена рационального начала не позволяет влюбленному человеку трезво оценить обстановку.

Итак, стихотворение «Волк» системой образов (волк и лирическая героиня), всем сюжетом (прощание с убегающим волком) и, наконец, лексическим составом (*волк, перекармливаю, лес*) переключается с пословицей *Как (Сколько) волка ни корми, он все в лес глядит (смотрит)*. Естественно, что М. Цветаева использует параллельно оба плана пословицы: образный - как исходный, на котором строится изобразительно-выразительная сторона, и собственно семанти-

ческий, метафорический - как мысль, заложенную в стихотворении: чужого по духу, эгоистичного, не любящего тебя человека невозможно расположить к себе никакими усилиями, а потому не стоит и пытаться переделать его.

К другой пословице - «Назвался груздем - полезай в кузов» восходит метафора *Белые грузди песенки русской*:

Белогвардейцы!	Гордиев узел Белогвардейцы! Белые звезды!
Доблести русской!	С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Белые грузди	Белогвардейцы! Черные гвозди
Песенки русской!	В ребра Антихристу!
«Белогвардейцы!»	

Все стихотворение состоит из единой метафоры, в которой наблюдается антонимия черного и белого цветов, служащая поэтической задаче – воспеть Белый Поход. Дважды употребленное в стихотворении прилагательное «русский» призвано показать исконность, русские корни Белого дела. Метафора *Белые грузди / Песенки русской*, перекликаясь с пословицей, призывает к выполнению взятых на себя обязательств и подчеркивает свойственную белогвардейцам, по мнению М. Цветаевой, верность долгу.

Интертекстуальные связи со сказками обнаруживаются в поэме «Царь-Девица» (ее сюжет был заимствован из одноименной русской сказки) и в цикле «Стихи о Москве»:

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом-пряник, а вокруг плетень
И церкви златоглавые.

Метафора *Дом-пряник* уходит корнями в фольклор и широко используется как зарубежными, так и русскими писателями. Например, в сказке Братьев Гримм «Гензель и Гретель» есть такие слова: «Подошли они ближе, видят – сделана *избушка из хлеба, крыша на ней из пряников*, а окошки все из прозрачного леденца» или в «Азбуке вежливости» Л.П. Васильевой-Гангнус дано описание сказочного города: «Дома тут сложены из шоколада. Крыши леденцовые. В каждом доме ставни из кренделей. А на остроконечных *пряничных городских башнях* вертятся флюгерные петушки».

Некоторые фольклорные образы и мотивы стали сквозными - авторскими в творчестве М. Цветаевой: красный цвет, конь, Всадник, огонь:

Смущается Всадник,	Смирит лазоревую ярость
Гордится конь.	Ресниц моих – единый взмах!
На дохлого гада	Дыханием надут твой парус,
Белейший конь	И не нуждается в ветрах!
Взирает вполоборота.	«Вестнику»
В пол-ока широкого	
Вслед копыю	

В пасть красную – дико раздув ноздрю -

М. Цветаева широко использует различные образы русской и мировой лите-

ратуры. В поэзии Цветаевой сосуществуют разные пласты, разные потоки. «Меня вести можно только на контрастах, то есть на всеприсутствии всего... - справедливо доказывала она. - Я - много поэтов, а как это во мне спелось - это уж моя тайна».

Стихи и поэмы М. Цветаевой содержат цитаты из других текстов, часто открываются эпиграфами, устанавливающими межтекстовые переклички. К образам русской и мировой литературы отсылают и заглавия цветаяевских произведений: «Царь-Девница», «Роландов Рог», «Диалог Гамлета с совестью», «Офелия - в защиту королевы», «Дон-Жуан», «Златоустой Анне - всея Руси» («Ахматовой») и др.

М. Цветаева нередко использует христианские образы и символы. Например, в стихотворении:

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит,
Там Иверское сердце,
Червонное горит.

«Стихи к Блоку»

упоминается Иверская часовня, где находилась икона Иверской божией матери в окладе из червонного золота. В четверостишии

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
- Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

«Стихи к Блоку»

- аллюзия к религиозно-христианскому учению, согласно которому в момент смерти душа освобождается от земной оболочки, «воскресает в иную жизнь».

К библейскому преданию восходят метафоры *скорбит об упавшем ввысь по сей день Давид* и *вяз - яростный Авессалом* :

Говорю, не льстись	<u>Вяз - яростный Авессалом!</u>
На орла, - <u>скорбит</u>	На пытке вздыбленная
<u>Об упавшем ввысь</u>	Сосна! - ты, уст моих псалом:
<u>По сей день - Давид!</u>	Горечь рябиновая...

«Берегись»

«Деревья»

В них вложен тот же смысл, какой имеет предание: нельзя «льститься на орла», даже если он и является сыном, так как и тот может предать, восстать против отца (Давида). В метафоре «вяз - яростный Авессалом» скрыта причина скорби Давида «об упавшем ввысь»: Авессалом погиб, попав в руки врагов из-за несчастной случайности: спасаясь на коне от преследователей, он зацепился волосами за ветви дерева и повис; конь ускакал, а Авессалома настигли враги.

Библейской реминисценцией является метафора *верблюды в иглу пролезли*:

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.

...За их взгляд, изумленный насмерть,
Извиняющийся в болезни,
Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы -
Да...

«Хвала богатым»

Используя слова Иисуса о том, что «легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царствие небесное», Цветаева хочет сказать, что богатым в рай не впустят, так как «сытость сытых» им не простится и не будет забыта на Страшном суде.

Интересна метафора *женою Лота насыпью застывшие столбы*. Для ее понимания нужно обратиться к библейскому преданию о жене Лота. Оно гласит, что Господь вывел из греховного города семейство праведника Лота, запретив ему оглядываться на преданный огню город; жена Лота, испуганная грохотом разрушений и свистом огненного смерча, оглянулась - и в тот же миг была превращена в соляной столб. Данная метафора является реминисценцией к этому преданию и представляет своего рода метафору в метафоре: жена Лота, оглянувшись от испуга и ужаса, превратилась в столб, а у Цветаевой сами столбы застыли насыпью, как жена Лота.

Это - остаются. Боль, как нота
Высящаяся... Поверх любви
Высящаяся... Женою Лота
Насыпью застывшие столбы...

«Рельсы»

Видимо, М. Цветаева, показывая боль женщин от разлук, охлаждений в любви, подчеркивает трагичность ситуации «пейзажными» зарисовками вокзала, среди которых и «насыпью застывшие», словно «остолбеневшие» от женской боли и плача столбы.

К метафорам с библейскими интертекстуальными элементами относятся «точечные цитаты» - имена персонажей Библии: Измаил, Моисей, Адам, Христос, Соломон, Савл, Иов и др. Например:

А ты, что меня крестил	Сновидеть: <u>рай Давидов</u>
<u>Водой исступленной Савловой</u>	Зреть и Ахиллов шлем
(Так Савл, занеся костьль.	Священный. - стен не видеть!
Забывчивых останавливал)...	В постель иду – затем.

«Крестины»

«Сон»

Есть у меня - сказал, так в ладони!-
Для девочек лани, для мальчиков кони.
Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков - войны, для девочек - свадьбы.
Весь мир - нараспев
И ласка для всех.

«Крысолов»

Среди интертекстуальных элементов дискурса М. Цветаевой встречаются и

точные цитаты, взятые из религиозно-христианской литературы:

- из Псалтыри:

Дом, это значит: из дому

В ночь.

(О, кому повеем

Печаль мою, беду мою,

Жуть, зеленее льда?...)

«Поэма Горы»

- из Песни Песней:

Колечко на память дать?

- Нет. – Взгляд широко разверстый

Отсутствует. (Как печать

На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!

Съем.)

«Поэма Конца»

- из молитвы «Свете тихий», в которой есть такие слова: «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний» и «Свете тихий - святые славы»:

Ты проходишь на запад солнца.

Ты увидишь вечерний свет.

Там, где поступью величавой

Ты прошел в снеговой тиши,

Свете тихий - святые славы -

Вседержитель моей души.

(«Стихи к Блоку»)

Эти строки обращены к А. Блоку, который для Цветаевой был божеством, мифическим существом, ирреальным, абстрактным - «свете тихий», «Вседержитель души». Очевидно, поэтому само стихотворение по иконописи, интонации так похоже на молитву - религиозный текст, обращенный к Богу, святым.

Еще шире, чем библейские образы, Цветаева использует образы мифологические, античные (Зевс, Психея, Гений как божественный творческий дух в человеке и т.д.). Все это - свидетельство эрудиции, органичного, глубинного освоения духовной культуры человечества, а не «веры» в буквальном смысле слова. Обилие мифологических героев и богов в поэзии Цветаевой не случайно. Ее детство прошло в доме, пронизанном духом Эллады и великого Рима. Геракл и Ахилл, Ариадна и Дионис, Эвридика и Орфей, Венера и Психея - это были не просто имена, они воспринимались Цветаевой как реальные люди, ожившие сначала в сознании юной девушки, а затем в зрелом творчестве поэта.

Из древнегреческой мифологии Цветаева берет довольно много точечных цитат (Зевс, Психея, Сивилла, Эол, Эрос, Атлант, Тезей, Дионис, Эвридика, Афродита, Ахиллес, Орфей, Ариадна, Аид) и аллюзий, которые помогают ей нарисовать собственную картину мира, где отражены представления поэта о том, что

несмотря на развитие цивилизации, человеческие переживания не уменьшились, они остались такими же, как и во времена Эллады:

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про-о-стите...
Это - снасти над морем нив.
Атлантический путь тихий:
Выше, выше - и *сли-лись*
В Ариаднино: ве-ер-нись,
Обернись!..

«Провода»

В этой метафоре узнается аллюзия древнегреческого мифа, по которому Ариадна (дочь критского царя Миноса) помогла афинскому царевичу Тезею победить человека-быка Минотавра и выйти из лабиринта. Но Ариадна не была создана для земных забот и радостей: ее, покинувшую вместе с Тезеем Крит, отобрал у героя бог Дионис (бог праздников и веселья, покровитель певцов, поэтов). По требованию Диониса Тезей оставил Ариадну на острове Наксос, с которого несчастная, глядя в море, умоляла Тезея вернуться. И Ариадна (по ветру), и лирическая героиня М. Цветаевой (по телеграфным проводам) просят своих возлюбленных не оставлять их; где-то в небе, минувя время и пространства, их голоса слились.

Образ Орфея, по мифологическому преданию разорванного вакханками, проходит через многие стихотворения Цветаевой, усиливая мотив трагической участи поэта, его несовместимости с реальным миром. Цветаева осознает себя сестрой трагического певца Орфея:

Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гебра -
Брат нежный мой! Сестра моя!

«Орфей»

Цветаева показывает гибель Орфея, погибшего, по преданию, на берегах реки Гебр. Однако М. Цветаева изменяет семантику общепринятых выражений, придавая им новые смысловые оттенки. Гебр в ее лирике «оживает», принимает на себя часть эмоционального состояния самой Цветаевой и «обмирает», подобно горюющему человеку.

Культурные стереотипы в языке М. Цветаевой являются одной из составных частей ее индивидуальной картины мира. Они придают культурно-значимую маркированность поэзии М. Цветаевой, так как связаны с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире.

Список литературы

1. Зубова Л.В. Поэзия М. Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во Ленигр. ун-та, 1989. – 264с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб.

- заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
3. Павловский А.И. Куст рябины: О поэзии М.Цветаевой. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 350 с.
4. Саакянц А.А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1999. – 816 с.
5. Цветаева М. Избранное. – М.: Просвещение, 1989. – 367 с.
6. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. - Т.1. – М.: Эллис Лак, 1994. – 639 с.
7. Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. – М.: Сов. Россия, 1988. – 416 с.
8. Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. – М.: Сов. писатель, 1989. – 480 с.

В.И. Кабыш

Кафедра русского языка

КОНВЕРСИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ БРАТЬ/ВЗЯТЬ

Целью настоящего исследования является описание свойств фразеологических конверсивов процессуальных фразеологизмов с компонентами брать/взять. В этой связи необходимо решить следующие задачи: дать определение, выявить свойства фразеологической конверсности; определить процессуальные фразеологизмы с компонентами брать/взять, вступающие в конверсивные отношения; выявить структурные типы исследуемых фразеологических конверсивов.

Конверсивы стали предметом детального научного анализа в 50-70-е годы XX века, хотя впервые эта семантическая категория была замечена еще античными авторами.

Понятие конверсности, или обратного отношения, возникло первоначально в высшей алгебре: бинарное отношение $R(-1)$ называется обратным к отношению в данном множестве элементов M , если из $aR(-1)b$ следует bRa , и наоборот, из определения следует, что обратное и прямое отношения обладают тождественными свойствами. Идея конверсности, т.е. идея имен, описывающих одну и ту же действительность, но в разных направлениях: от B к A (bRa) или от A к B ($aR(-1)b$), была воспринята лингвистами.

Отдельные замечания о конверсии мы находим в работах Ш. Балли и О. Есперсена (20-е гг. XX века).

Предметом детального научного анализа конверсивы стали в 50-70-е годы XX века с появлением работ З. Харриса, М. Мастерман, Жолковского, Мельчука, Лайонса. В 60-е годы конверсивы изучались с точки зрения синтаксического аспекта (работы Бабицкого, Гака, Апресяна, Стала, Бар-Хиелла, Филмора, Лайонса, Ломтева). К концу 60-х годов появляются работы, в которых предметом исследования становятся семантические аспекты лексической конверсии (исследования Филмора, Апресяна). В 90-е годы лексическую конверсию ученые

описывают в ее прагматическом аспекте (статьи Эпштейна, Покровской). Данные исследования касаются лексических конверсивов.

Под лексической конверсией как лексико-семантической категорией Л.А. Новиков понимает «отражение в языке обратных отношений с помощью разных слов (ЛСВ), противопоставленные семы которых позволяют таким единицам выражать субъектно-объектные отношения в обращенных высказываниях (предложениях), обозначающих одну и ту же ситуацию, т.е. имеющих один и тот же денотат» [2, 214].

Ю.Д. Апресян считает, что «... лексические единицы R и S суть конверсивны, если они удовлетворяют следующим условиям: (1) в толкованиях R и S участвуют одни и те же более элементарные предикаты P(1), P(2), ..., P(n), причем для любой пары вида P(i) \perp P(j) в толковании R, в толковании S найдется либо точно такая же пара (если 1 – не атрибутивное отношение), либо пара P(j) \perp P(i) (если 1 – атрибутивное отношение), и наоборот, (2) R и S имеют обращенные ролевые (или актантные) структуры, (3) R и S относятся к одной и той же (глубинной) части речи» [1, 261].

Авторы «Лингвистического энциклопедического словаря» определяют конверсию (*conversio* – лат. «изменение, превращение») как «способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях» [3, 234].

Авторы «Энциклопедического словаря юного филолога» определяют лексические конверсивы как «слова, которые одно и то же событие показывают с разных точек зрения, как бы поворачивают его разными сторонами. На это указывает и само название: в переводе с лат. *Convertere* значит «поворачивать», «обращать» [4, 132].

Лингвисты выделяют следующие синтаксические и семантические свойства лексических конверсивов:

- «семантическое назначение конверсивов состоит в том, чтобы передавать различия в логическом ударении (выделении, подчеркивании)... в логическом аспекте, в членении предложения на тему и рему» [1, 257-258];

- конверсивам «... не свойственно контактное, одновременное употребление в речи, так называемая совместная встречаемость в тексте. Один из конверсивов обычно употребляется в тексте, а другой – остается за его пределами, в «системе возможностей», но всегда подразумевается, благодаря закономерной мене субъекта и объекта, связанных конверсивными отношениями... «Вывод» в текст всей парадигмы конверсивов – явление редкое. Это особый экспрессивный прием, подчеркивающий значимость той или иной мысли» [2, 180].

Исследователи приводят структурную (Жилиев, Новиков, Апресян), синтаксическую (Апресян), семантическую (Новиков, Апресян) классификации лексических конверсивов.

По мнению ученых, от собственно конверсивов следует отличать квазиконверсивы (от лат. *Quasi* – «мнимый, ненастоящий») – «приблизительные, не совпадающие полностью по значению конверсивы, частичные различия которых

могут нейтрализоваться в контексте или быть несущественными для данного текста» [2,220]. Например, *Завешать стену картинами – Повесить картины на стену* (различаются степенью покрытия стены картинами).

Ю.Д. Апресян считает лексические единицы квазиконверсивами, «если они удовлетворяют следующим условиям: (1) в толкованиях X-а и У-а имеется большая общая часть (совпадающая часть значения не меньше, чем сумма их различий), но они не совпадают полностью; (2) X и У имеют частично обращенные или обращенные ролевые (или актантные) структуры; (3) X и У относятся к одной и той же (глубинной) части речи» [1, 275].

Данные исследования касались лексических конверсивов, о фразеологической конверсии были высказаны лишь отдельные замечания в работах Ю.Д. Апресяна, Л.А. Новикова.

В частности, Ю.Д. Апресян отмечает: «Помимо лексически однозначных конверсивов ..., глагольная лексика богата фразеологизированными в своих связях элементами, находящимися в конверсных отношениях: брать – давать (деньги взаймы), брать – сдавать (землю в аренду)» [1, 263] или «... конверсивами могут быть не только слова, но и слова и фразеологические единицы или пары фразеологических единиц» [1, 265]. Л.А. Новиков выделяет структурный тип конверсивов-фразеологизмов [2, 219]. Оба исследователя в качестве иллюстрации лексической конверсии неоднократно приводят фразеологический материал: «вызывать страх – бояться, быть причиной гибели – погибнуть от, изучать – быть предметом изучения» [2, 217, 218], «впадать в отчаяние – овладевать, у него сосет под ложечкой – он голоден» [1, 263, 280] и др.

Определения свойств, типов фразеологических конверсивов исследователями представлено не было.

Под **фразеологическими конверсивами** мы будем понимать пару фразеологических единиц, выражающих обратные отношения между субъектом и объектом в обращенных высказываниях, обозначающих одну и ту же ситуацию.

Таким образом, для фразеологической конверсии, так же как и для лексической, необходимо:

- денотативное тождество;
- разнонаправленность;
- наличие по крайней мере двух актантов, обладающих способностью обмениваться функциями (ролями) антецедента (предшествующего члена) и консеквента (последующего члена);
- наличие фразеологических предикатов-конверсивов с обращенными ролевыми (актантными) структурами.

Для иллюстрации основных свойств конверсии обратимся к примеру. Пусть нам дана определенная ситуация (денотат), которая может быть по-разному, с точки зрения различных ее участников (актантов), описана двумя семантически равнозначными предложениями: *Журналист берет интервью у звезды – Звезда дает интервью журналисту*. Фразеологические конверсивы *берет – дает интервью* выражают двусторонние субъектно-объектные отношения, представ-

ля одно и то же содержание как бы в разных направлениях: от А к В и от В к А. С точки зрения объекта отражения (ситуации) предикаты имеют одинаковую предметную отнесенность (интервью). В структурном (синтаксическом) отношении фразеологические единицы характеризуются наличием соотносительных прямой и обратной, обращенной ролевых (актантных) структур: субъект исходного высказывания становится объектом обращенного, объект исходного высказывания – субъектом обращенного, а процессуальный фразеологизм, выражающий субъектно-объектные отношения, заменяется в обращенном предложении на свой конверсив:

Обычно газетные **работники берут у Гребенщикова интервью** и отражают, как правило, его мнение. *В. Попов. Обретешь в бою.*

Знаете, в марте я **давал интервью Рою Стиллману**. *С. Довлатов. Иностранка.*

По данным нашей картотеки, в конверсивные отношения вступают 58 процессуальных фразеологизмов с компонентами брать/взять (*брать/взять аванс – давать/дать аванс, брать/взять интервью – давать/дать интервью, брать/взять слово – давать/дать слово*).

Фразеологический материал показывает, что конверсивные отношения, в которые вступают процессуальные фразеологизмы с компонентами брать/взять, структурно выражаются в чередовании глагольных и именных компонентов. Мы выделяем следующие структурные типы исследуемых фразеологических конверсивов:

I. Выражение конверсивных отношений посредством именных компонентов (*А берет в жены В – В берет в мужья А*).

В процессуальных фразеологизмах с компонентами брать/взять именные компоненты муж - жена, находящиеся в комплементарных отношениях, создают условия конверсивности единиц. При этом

1) субъект исходного высказывания становится объектом обращенного высказывания;

2) объект исходного высказывания, компонент-имя, изменяется на именной компонент, находящийся с данным компонентом в свободном употреблении в комплементарных отношениях, и становится субъектом обращенного высказывания;

3) процессуальный фразеологизм, выражающий субъектно-объектные отношения, в обращенной конструкции в итоге заменяется на свой конверсив.

Например:

Эта редкая девушка отличалась безмерным спокойствием и молчаливостью, за что **Лева и взял ее в жены**. *Л. Петрушевская. Рассказы.*

В подложном манифесте Мировича **она** прочла о себе, что мужа извела («опоен смертным ядом»), что родственникам в Германии отправила 25 миллионов золотом и «через свои природные слабости» **берет в мужья подданного своего Григория Орлова**. *В. Пиккуль. Фаворит.*

II. Выражение конверсивных отношений посредством глагольных компонентов.

Конверсивные отношения выражаются за счет разнонаправленных по отно-

шению к актантам компонентов-глаголов брать/взять – давать/дать (*Продавец берет плату с покупателя – Покупатель дает плату продавцу*).

Подобные конверсивы А.Д. Апресян называет «готовыми конверсивами» (Апресян 1974: 263)

В свободном употреблении исследуемые глаголы в значении брать/взять – «получать/получить что-л. в свое обладание, пользование, распоряжение» и давать/дать – «вручить, отдать в руки непосредственно» вступают в конверсивные отношения (*Библиотекарь дает читателю книгу – Читатель берет у библиотекаря книгу*). Становясь компонентами фразеологических единиц и принося различные семы в значения процессуальных фразеологизмов, они делают возможными и конверсивные отношения фразеологических единиц. Например: *Чиновник берет мзду с крестьян – Крестьяне дают мзду чиновнику; Государство берет налоги с граждан – Граждане отдают налоги государству; Магазин дает напрокат платье клиенту – Клиент берет напрокат платье в магазине; Мать берет обещание с дочери – Дочь дает обещание матери; Юноша берет телефон у девушки – Девушка дает телефон юноше; Репетитор дает уроки ученикам – Ученики берут уроки у репетитора; Милиционер берет штраф с нарушителя – Нарушитель дает штраф милиционеру.*

При этом

1) субъект исходного высказывания становится объектом обращенного высказывания;

2) объект исходного высказывания становится субъектом обращенного высказывания;

3) процессуальный фразеологизм, выражающий субъектно-объектные отношения, заменяется в обращенной конструкции на свой конверсив путеммены глагольного компонента на противоположный, разнонаправленный по отношению к актантам.

Таким образом, в конверсивные отношения вступают как лексические, так и фразеологические единицы. 58 конверсивов процессуальных фразеологизмов с компонентами брать/взять структурно представлены чередованием глагольных и именных компонентов.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. - М., 1974.
2. Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1990.
4. Энциклопедический словарь юного филолога. – М.: Наука, 1984.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ СКАЗКИ

Фольклор содержит такую информацию, которая позволяет понять корни, источники тех явлений, состояний, обычаев, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время в нашей повседневной жизни.

Прецедентные тексты, к которым относятся в том числе и сказки, содержат не только моральные правила поведения, советы. Они позволяют выявить различные лингвокультурологические особенности отдельных наций, понять различия между различными этнокультурными сообществами.

Еще представители мифологической школы, среди которых немецкие собиратели и исследователи сказок братья Вильгельм и Якоб Гримм, указывали на наличие общих сюжетов в сказках разных народов. Но при наличии общих сюжетов в них всегда есть что-то особенное, индивидуальное, свойственное только лишь конкретному народу.

Наше исследование направлено на изучение особенностей французской фольклорной сказки в сопоставлении с русской.

Большинство имеющихся работ в области сказки связаны с их структурно-типологическим исследованием. Основоположником данного подхода заслуженно является В.Я.Пропп, идеи которого были подхвачены и развиты в работах К.Бремона, Х.Яссон, Б.Кемберлите, А.Греймаса и др.

Г.В.Белая рассматривает лингвострановедческий и аксиологический аспекты французской фольклорной сказки.

Н.А.Фененко останавливается на некоторых особенностях французской сказки при рассмотрении вопроса о французских реалиях в контексте теории языка.

Что касается особенностей французской фольклорной сказки, то необходимо прежде всего отметить, что многим сказкам характерны детали, которые характеризуют ту или иную провинцию Франции. Недаром большинство сборников сказок так и называются: либо *Contes de Bourgogne* (Сказки Бургундии), *Contes de Provence* (Сказки Прованса), *Contes de Bretagne* (Сказки Бретани) и т.д., либо *Contes merveilleux des pays de France* (Волшебные сказки регионов Франции). Это явление имеет свое историческое объяснение: до 1789 года (год Великой Французской буржуазной революции) Франция была достаточно раздробленным государством, состоящим из провинций. Некоторые провинции (чаще всего Бретань, Лотарингия, Эльзас и некоторые другие) то отделялись от Франции, то вновь входили в состав ее территории. В связи с этим тенденции национального самосознания остаются достаточно сильными и в настоящее время.

Своеобразие французских фольклорных сказок различных регионов проявляется на различных уровнях: сюжета и композиции, языковых средств, пред-

ставления описываемой действительности. Так, например, в бретонских сказках действуют такие фольклорные персонажи, как *la Morganès* (подобие русалочки, живущей в море), *les korrigans* (карлик, злой дух), в бургундских сказках о животных упоминается такое животное, как *le limaçon* (виноградная улитка), т.к. в Бургундии большие площади земли заняты именно виноградниками.

Говоря в целом об особенностях французской фольклорной сказки, следует отметить присущий ей более реалистический характер изображаемых событий, что сближает ее с мифами и легендами. Поль Делярю, известный французский исследователь фольклора, указывал на близость сюжетов некоторых французских сказок к сюжетам древних мифов. В качестве примера можно привести сказки *La bête à sept têtes* и *Le roi des poisons*, сюжеты которых близки мифу *Персей и Андромеда*. Сюжет сказки *La fille du diable* можно сопоставить с сюжетом мифа о Мееде и Ясоне.

Реалистичность французской фольклорной сказки имеет различные проявления.

Сюжет французской фольклорной сказки максимально приближен к существующей действительности. В русских народных сказках мы постоянно перемещаемся вместе с героем в тридешатое царство, тридешатое государство, Кощеево царство, некоторое царство, некоторое государство, за тридевять земель, т.е. ее действие пространственно локализовано в какой-то неведомой, вымышленной, несуществующей в действительности стране.

Во французской сказке вместо дальних неведомых стран нам понадобится неделя, чтобы добраться до замка, в котором живет принцесса (*La gardeuse de dindons*), великаны живут в соседнем лесу (*Le lièvre argentü*).

Более того, действие сказок локализовано во Франции. Некоторые сказки так и начинаются: *Il йtait une fois un roi de France...* (*Жил-был король Франции...*). В других сказках упоминаются названия конкретных географических мест: одна из сказок называется *Le fils du roi d'Espagne* (*Сын короля Испании*), в сказках употребляются названия городов Франции (*Dijon* в сказке *Le loup et le limaçon*), островов (остров *Ouessant* в Бретани в сказке *La Morganès*), рек (река *Gers*, приток Гаронны упоминается в сказке *Le pou*). Что касается короля, то он живет в своей резиденции, в Лувре (*Le fils du roi d'Espagne*).

Героями французских сказок являются не просто дед да баба, мужик, крестьянин, царь. Они часто имеют собственные имена (*Finon-Finette, Chuzet, Yamm, Gaelle* и т.д.), они являются представителями той или иной профессии или социальной группы.

В русских народных сказках наиболее частотным именем главного героя является *Иван*: *Иванушка-дурачок, Иван-Царевич, Иван-Стрелец*. Вторая часть имени создает у читателя/слушателя либо положительные, либо комические ассоциации. Во французских сказках мы не наблюдаем частого употребления того или иного имени. Некоторые герои имеют не только имя, но и фамилию (*Jean du Ramier, Ewen Kongar*). Это создает впечатление, что герои французских сказок находятся среди обычных людей в реальных обстоятельствах.

Во французских сказках речь идет не о каком-то абстрактном короле, а, как уже говорилось, о короле Франции.

Главными героями являются представители различных социальных групп: и богатые (короли, принцы), и бедные, а иногда и просто нищие. Среди простого народа встречаются хозяева хуторов, ферм (*Grain-de-Millet*), угольщики (*La fève de Saint-Pierre*), лесорубы (*Courtillon-Courtilette*), портные (*Le Tailleur et l'Ouragan*), охотники (*Le conte de Roitelet*, *Le lièvre argenté*) и др. Это позволяет увидеть быт французского народа, его традиционные занятия.

Что касается богатых, то часто они представлены как благородные, благотворительные и щедрые люди. Сказка *Le Dragon doré* начинается так: “*Il ūtait une fois, au château de Lamothe-Goas, un comte et une comtesse, riches à millions, charitables autant que riches*” (*Однажды жили в замке Ламом-Гоас богатые, но щедрые граф с графиней*). В другой сказке *Le prince des sept vaches d'or* также говорится о том, что принц был очень богат, но еще более щедр, чем богат: *Il ūtait une fois un prince riche comme la mer et encore plus gūnūreux que riche*.

Основываясь на результатах структурно-типологических исследований сказок, можно заметить, что начало большинства сказок описывает сложную проблемную ситуацию, обозначенную в схемах К.Бремона как ухудшение состояния А (героя). Это либо бедность героя, либо несправедливое отношение одних героев к другим (*La fille sans mains*, *La gardeuse de dindons*, *La biche blanche au bois*), либо отсутствие чего-либо (чаще всего, детей).

Обращает на себя внимание и окончание сказок. Традиционно сказка имеет счастливый конец: добро торжествует, положительный герой, преодолев серию серьезных испытаний, получает награду, ложный герой – наказание по заслугам. Как в русских, так и во французских сказках, конец связан с восхождением на трон, женитьбой, пиром. Но наказание ложного героя во французских сказках иногда оказывается достаточно жестоким. Речь идет не о Кошее и чудище семиглавом, которые в конце сказок погибают, а о людях. В сказке *La fille sans mains* мать, которая завидовала красоте своей дочери до такой степени, что решила ее убить, в конце сказки сама оказывается в яме с дикими зверями, которые ее раздирают: *La mūchante mēre, qui avait froidement ordonnū de mettre sa fille à mort, fut enfermūe dans un souterrain et divorūe par les bētes*. Старших сестер из сказки *La gardeuse de dindons*, ведьму в человеческом образе из сказки *La biche blanche au bois* умерщвляют.

Специфика французских сказок проявляется также и в особом представлении волшебного предмета. В русских народных сказках - в качестве животного-помощника встечаются как реально существующие животные, которым свойственны необычные способности (например, корова в «*Крошечке-Хаврошечке*»), щука в «*Емеле*», *Сивка-Бурка* в одноименной сказке), так и вымышленные. Во французских сказках чаще всего это реально существующие животные: мул, волк, филин, заяц, лошадь и др.

Ложные герои во французских сказках мало чем отличаются от обычных людей. Отрицательные герои, такие как Баба-Яга, Кощей Бессмертный, характерны только для русских сказок. Во французских сказках мы имеем дело с людоедами, великанами, чертями, феями и другими героями, которые в том или ином

образе встречаются в европейских сказках в целом.

Во французских сказках в большей мере находят отражение особенности религиозного вероисповедания. Так, когда человек проникает в царство Кощея, во владения Бабы-Яги или Чуда-Юда, они говорят, что *русским* (иногда *человеческим*) *духом пахнет*. Во французских сказках в подобной ситуации говорят *за sent l'odeur du chrétien* (*христианским духом пахнет*). Уже позднее в литературной сказке организуют пир на весь *православный мир*.

Другой особенностью является то, что святые часто становятся героями французских сказок: Святой Петр в сказке *La fève de Saint-Pierre*.

Реалистический характер проявляется и в особенностях использования языковых средств. Язык французских сказок прост, используются идиоматические выражения и конструкции, свойственные обыденной разговорной речи.

По своей стилистической организации французские сказки носят в основном нарративный характер, поэтому в них практически нет живописных описаний природы, отсутствуют более или менее развернутые характеристики персонажей, нет описания чувств. Лишь в некоторых сказках используются устойчивые, а потому повторяющиеся сравнения для того, чтобы показать красоту (*beau / belle comme le jour – красивый, -ая как день*), уродливость (*laide comme le pûchû – уродливая как грех*), благоразумие (*sage comme une sainte – благоразумная как святая*) и некоторые другие. Можно сказать, что русской народной сказке свойственно использование особой «сказочной» лексики, которая делает ее более живописной, создает ее особый колорит.

При этом во французской сказке намного больше диалогов и прямой речи.

В заключение хотелось бы отметить, что французские сказки содержат достаточно большое количество культурологической информации. Уже в сказках говорится о традиции приглашать нотариуса для составления завещания (*La gardeuse de dindons*), с целью омоложения вместо молодильных яблок король выпивает вино (*Le fils du roi d'Espagne*), лиса вместо рыбы с аппетитом отведывает сыра (*Le loup et les petites chevrettes*) и многое другое, что может стать предметом рассмотрения в отдельной статье.

Е.Н. Коваль

Кафедра французской филологии

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-АНТРОПОНОМИАНТЫ С КОМПОНЕНТОМ - ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Изучение цвета – одна из традиционных тем лингвистики. Установлено, что в каждом языке существует своя система цветов и способов их обозначения.

Вопрос изучения цвета тесно связан с культурной спецификой народа. Цветовосприятие во многом зависит от национальных обычаев, традиций и религии-

озных воззрений. Многие явления культуры не могут быть поняты без учета знания семантики цвета. Цвет – одна из категорий культуры, так как он фиксирует информацию об окружающей среде, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии традиций и т.д. [1, 110].

Первоначально цвет являлся одним из способов описания внешних признаков предметов, окружающих человека, но со временем в языке сформировались и переносные значения на основе ассоциаций, вследствие чего некоторые из них приобрели оценочную коннотацию.

Цель данной статьи - исследовать семантику фразеологизмов-антропонимантов с компонентом-цветообозначением и фразеобразовательную активность данных компонентов во французском и русском языках.

Нами был проанализирован 71 фразеологизм во французском языке и 34 – в русском.

Исходя из анализа фразеобразовательной активности, все прилагательные, обозначающие цвет, можно разделить на 3 группы: максимальная (больше 10 ФЕ), средняя (10-5 ФЕ) и минимальная (менее 5 ФЕ) активность. В целом соотношение этих групп можно представить в следующей таблице.

Таблица 1 - Фразеобразовательная активность прилагательных, обозначающих цвет

Как отмечалось выше, семантика цветообозначения может не совпадать в различных языках. Сопоставим семантику ФЕ-антропонимантов с компонентом «цвет» в русском и французском языках.

Фразеологизмы с компонентом «**белый**» в сопоставляемых языках могут называть человека по следующим признакам:

- а) профессия: *белые воротнички, белые штаны; col blanc, cul blanc;*

- б) социальное положение: *canne blanche*; белая кость, белые крестьяне;
- в) религиозная принадлежность: белое монашество; *Bûnûdictincs blancs*;
- е) особенность, редкость: *merle blanc*; белая ворона;

Основные отличия заключаются в том, что белый цвет в русском языке ассоциируется с политическими взглядами людей, благодаря революции 1917 года и следующими за ней событиям (*белый офицер*). Во французском же языке белый цвет имеет значение неопытности, невинности: (*petit*) *oie blanche*.

ФЕ с компонентом «**красный**» как во французском, так и в русском языках называют человека по:

1. Политической принадлежности: красный командир; *bonnet rouge, chemise rouge*;
2. Профессии: *красный следопыт; col rouge, cul rouge, habit rouge*;

Красный цвет в русском языке этимологически восходит к прилагательному «красивый» («*красна девица*). Красный в русском языке ассоциируется с чем-то хорошим, прекрасным, самым лучшим. Во французском языке прилагательное «красный» имеет и отрицательную коннотацию. Например, фразеологизм «*talon rouge*» имеет значение «*повеса и распутник*».

В русском и французском языках ФЕ с компонентом «**черный**» называют человека по следующим признакам:

1. Религиозная принадлежность: *черный клобук, черный non; la Vierge noir*;
2. Социальное положение: *черная кость, черный народ; collets noirs, habits noirs*;

В русском языке черный цвет встречается во ФЕ, имеющих значение «злой, плохой» (*черная душа*). Во французском языке черный цвет ассоциируется с незаконной деятельностью (*bande noire*).

Фразеологизмы - антропониманты с компонентом «**серый**» в русском языке имеют значение «посредственный, ничем не замечательный, необразованный, малокультурный, бесправный» (*серый человек*). Во французском языке ФЕ с этим же компонентом имеют значение «тайный» (*eminence grise*), «старик» (*barbe grise*).

Зеленый цвет в обоих языках совпадает в основном значении «*незрелый, неспелый*», но если в русском языке ФЕ с этим компонентом имеют значение «неопытность» (*зеленая молодежь, зеленый юнец*), то во французском языке - «свежесть, бодрость» (*un vieillard encore vert*).

Фразеологизмы с компонентом «**желтый**» имеют общее значение «неопытный» (*желторотый птенец, bec jaune*). Во французском языке данное цветообозначение встречается также в ФЕ, называющих: жителей Бресса (*un ventre jaune*), лидера велогонки (*maillot jaune*).

Фразеологизмы с компонентом «**голубой, синий**» употребляются в обоих языках для обозначения человека по профессии (*голубые каски; cols bleu*). Кроме того, в обоих языках существует заимствованное выражение из испанского языка: *синий чулок – bas bleu*.

Для ФЕ с компонентом «**голубой**» во французском языке характерно значение неверности и обмана (*jupe bleu*), наивности и неопытности определения возраста человека (*menton bleu*).

Фразеологизмы с компонентом «каштановый» и «малиновый» были выявлены только во французском языке. Каштановый цвет ассоциируется с незаконной деятельностью (*avocat marron – адвокат, занимающийся темными делами; médecin marron – врач, занимающийся незаконными делами*). Алый цвет используется во ФЕ, определяющей возраст человека (*carte vermeille – пенсионер*).

Общие и специальные значения цветов в русском и французском языках можно представить в следующей таблице.

Таблица 2- Значения прилагательных, обозначающих цвет

№ п/п	Цвет	Значения ФЕ-антропонимантов	Русский язык	Французский язык
1	2	3	4	5
1	красный	политика	1	2
2		сказочный персонаж	1	1
3		профессия	1	6
4		внешность	3	2
5		красивый	2	-
6		социальное положение	1	-
7		характер	-	3
8		раса	-	1
9	белый	особенный	1	1
10		социальное положение	2	1
11		профессия	3	6
12		религия	1	3
13		русский, хороший	1	-
14		благополучие	1	-
15		наивность, невинность	-	2
16		удача	-	1
17		опыт	-	1
18		кличка	-	2
19		одежда	-	1
20		трусость	-	1
21		бесправие	1	-
22		незнание, непричастность	-	1
23		политика	1	-
24	черный	религия	2	1
25		социальное положение	2	3

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5
26		искусство	-	1
27		профессия	-	5
28		кличка	-	1
29		неприятный человек	-	1
30		политика	1	-
31		внешность	1	-
32		характер	1	-
33		желтый	неопытность	1
34	раса		1	-
35	спорт		-	1
36	название жителей региона		-	1
37	кличка		-	1
38	синий, голубой		кличка	1
39		профессия	1	1
40		социальное положение	1	1
41		одежда	-	1
42		возраст	-	1
43		умение, искусность	-	1
44		измена	-	1
45	серый	возраст	-	1
46		религия	-	2
47		Тайный	-	1
48		кличка	-	1
49		невоспитанность, необразованность	1	-
50	зеленый	профессия	1	2
51		политика	-	1
52		неопытность	2	-
53		ум	1	-
54		социальное положение	-	1
55		бодрость	-	1
56		кличка	-	2
57	каштановый	незаконный	-	2
58		профессия	-	1
59	малиновый	возраст	-	1
60	пурпурный	родственные отношения	-	1

Таким образом, анализ основных значений ФЕ-антропонимантов с компонентом «цветообозначение» позволил выявить их общие сферы употребления: политика, профессия, социальное положение, религия, эмоции и характер человека.

Несмотря на большое количество совпадений значений цвета во французском и русском языках, в семантике фразеологизмов – антропониматов гораздо больше различий, что связано с культурной спецификой народа.

Список литературы

1. Жаркынбекова Ш.К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание. // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.- 2003. - №1. – С. 109-116.
2. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под. ред. Н.Ю. Шведовой. - 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. С.43.
3. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т/ Сост. А.И. Федоров. – Новосибирск: Наука, 1995.
4. Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц /Под ред. Л.Г. Ведениной. – М.: «Интер-диалект +» / «АМТ»; 1997.- 1040 с.
5. Шамова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
6. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. – М.: Русский язык, 1997. – 845с.
7. Dictionnaire du français contemporain par J. Dubois. – Paris: Librairie Larousse, 1971.- 527p.
8. Le Robert. Dictionnaire d'apprentissage de la langue française par A. Rey. - Paris: Dictionnaires Le Robert, 1998. – 1507 p.

Е.А. Корикова

Кафедра английской филологии

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-ЖАРГОНА

Жаргон – социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Лексика и фразеология жаргона строятся на базе литературного языка путем переосмысления, метафоризации, звукового искажения, усечений, а также активного освоения англо-американских слов и морфем [1, 129].

Предметом нашего рассмотрения стал популярный сегодня жаргон Интернета, который в настоящее время постепенно переходит из виртуальной жизни в реальную: все чаще его можно встретить в рекламе и на витринах магазинов.

Интернет-жаргон («жаргон падонков», «алббнский язык») — широко распространенный в Рунете в конце XX - начале XXI века стиль употребления русского языка с фонетически адекватным, но намеренно неправильным написанием слов (эрративом), частым употреблением ненормативной лексики и определённых штампов, характерных для сленга. Наиболее часто используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и интернет-форумах. Авторов текстов называют «аффтарами», комментарии - «каменты», а комментаторов - «каментатарами».

Особенность интренет-жаргона заключается в преднамеренном нарушении норм орфографии русского языка в сторону фонетического письма («декоративных транскрипций»). В первую очередь это выражается в смещении фонетически адекватных форм в сторону орфографически неправильных (употребление «а» вместо безударного «о» и наоборот, «и» вместо безударного «е»; «щ» вместо «тс», «тсь», «дс»; «жы» и «шы» вместо «жи» и «ши»; «щ» вместо «сч» и наоборот; «йа» вместо начального «я»; «ф» или «фф» вместо «в»), в противоположном использовании оглушённых звонких и глухих согласных, а также в слиянии слов воедино без пробела, замена фонетически адекватных слов на искажённые (например, **превед** или **красафчег**).

Большая часть слов и выражений Интернет-жаргона используется в современной устной речи молодежи и может относиться к различным коммуникативным ситуациям общения [2]. Рассмотрим в качестве примеров некоторые лексико-фразеологические способы выражения положительных и отрицательных оценок в блогах, чатах и интернет-форумах.

Положительная оценка предмета разговора заключена в следующих лексемах и фразеологизмах:

Жызненна — «положительная оценка, подчёркивающая жизненность ситуации»;

Пешы исчо — «положительный отзыв на реплику автора»; **зачот, зочот, зочод** — «высокая положительная оценка. Очевидная студенческая пародия на двухбалльную систему оценок (зачет/не зачет)»;

ЛОЛ — транслитерация LOL (Laughing Out Loud — буквально с английского — очень громко смеюсь);

Жжош, жжот (эративы от глагола *жечь*) — «зажигать», «ярко самовыражаться». Например, «*аффтар жжот*» (наиболее известный штамп), «*жжжжж*», «*каменты жжгут*», «*жжжжж как агниьмот*». Выражает восхищение мастерством самовыражения собеседника или третьего лица (например, **аффтара**). Иногда трактуется как **ЖЖошь** (то есть «*зажигашь в ЖЖ*», «*Живо Журналишь*») от «ЖЖ» (то есть «Живой Журнал»); **отжыг, отжег** — «хорошая шутка означает высшую положительную оценку для креатива. Вечеринка, процесс зажигания на вечеринке»;

Отжыгать, формы отжжог, отжег — «хорошая шутка, означает высшую положительную оценку для креатива. Например: «*Быыы, ну ты отжжж!*», «*Аффтар жжжжж*»;

Сотонб, Соттуна — «сатана, мастер *отжжжга*». Например: «*Аффтар — аццкий сотона!*, *Аффтар — аццкемй соттумна*»;

Ы, ыыы (также как «гы»/«хы») — «смех».

Отрицательная оценка ситуации общения выражается в таких единицах речи: **Йад** — «яд». Обычно **йаду** предлагают (выпить) неинтересному и излишне циничному, самоуверенному автору или комментатору. Реже — автору крайне депрессивного поста. Также автор может обыгрывать вариант собственного самоубийства (*пойду вытью йаду*) на почве недовольства собой или депрессии

или, наоборот, призыва не депрессировать (*не пей йаду, пешы ещо*). Популярны также альтернативные «способы самоубийства», например, «убить себя апстену», «убицца венником», но они, как правило, применяются только в комичном контексте.

Многа б́укаф — «слишком много текста. Чаще всего употребляется в выражении «*Ниасилил — многа букаф*» и его производных — «*слишкaм многа букаф*»;

Ниас́илил — «не осилил, то есть не прочитал полностью». Иногда дополнительно уточняется причина — «*слишкaм многа букаф*», «*патамушто вайна и мир*» (много текста), «*патамушта стехи*». Также используется в смысле «*нипонил*»;

Убей себя апстену, убейсибяапстену — «низкая оценка творчества автора и предложение покончить с жизнью по причине очевидной бессмысленности и вреда окружающим от такого существования». Аналог «*Выпей йаду*». Существует масса модификаций: «*убей себя тапкам*», «*убейся венником*», «*убейсибямаркерамфухо*», «*укуси себя гадюкай*», «*убейсибя абугол*» и гибридов: «*убей себя с расбегу апстену вымазаную йадом*»;

Учи албанский! (возможны эрративные модификации **олбанский**, **албанцкий** и **алпанский**) — «широко применяется для указания на некомпетентность, проявляющуюся в суждениях комментируемого автора»;

Фтопку!, Ф печь!, Фпекло!, Ф Газенваген! — «крайне отрицательная оценка»;

В Бобруйск, животное!, Ф Бабруйск, животнайе — «восклицание, призванное донести до того, кому оно адресовано, всю его моральную, эстетическую и интеллектуальную несостоятельность».

По нашему мнению, молодежный жаргон сети Интернет представляет собой знаковое и интересное речевое явление. Он отражает тип мышления молодежи. Относиться к «албанскому языку» можно по-разному: с одной стороны, такое использование языковых средств говорит о креативности молодежи, а с другой — о языковом хулиганстве, о грубости и языковой некомпетентности.

Список литературы

1. Русский язык: Энциклопедия. – М., 2003. – 704 с.
2. <http://ru.wikipedia.org>

Н.В. Кудрина
Кафедра русского языка

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, НАЗЫВАЮЩИЕ МУЗУ ПОЭТА, В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Тема поэта и поэзии является сквозной в творчестве Анны Ахматовой, поэтому репрезентирующие её фразеологизмы занимают одно из центральных мест в лирике поэтессы. Обращаясь к этой теме, Ахматова продолжает и развивает традиции русской литературы.

В лирике XVIII – XX веков образные наименования поэзии и Музы как покровительницы поэтического творчества претерпевали постоянные изменения. Фразеология, обозначающая данные явления, в своих истоках опиралась на представление о божественной сущности процесса творчества. В лирике XVIII века тема творчества трактовалась как высокая, поэтому поэты-классицисты при наименовании Музы использовали аллегорические выражения, например: *убранство Парнасское* (В.К. Тредьяковский), *Нимфы Кастальски* (М.В. Ломоносов), *сонм небесных дев* (Г.Р. Державин) и др. [6, 316-317]. Представители романтического направления предпочитали интимное решение темы творчества и потому широко обращались к средним жанрам. Используя те же символы, что и классицисты, они допускали большую свободу в выборе компонентов, составляющих поэтические фразеологизмы, что вносило в текст дополнительную экспрессию [4, 107-108]. Поэтому в качестве наименований Музы в начале XIX века выступали такие фразеологизмы, как *богиня своенравная, богиня скромная и весёлая, нежная подруга уединённого досуга* (Н.М. Языков), *утеха и краса сельских дней* (К.Н. Батюшков) и др. [6, 316-317].

Постепенно поэзия освобождалась от стандартных, трафаретных воплощений темы творчества. Поэты XIX века отказываются от большого количества условных выражений, устраняют присущие языку поэзии штампы; они используют такую фразеологию, которая помогает им раскрыть сложные душевные движения, тонко и лаконично описать особое психическое состояние поэта, сопровождающее творческий процесс. В состав фразеологизмов в качестве их компонентов активно вводится нейтральная и сниженная лексика. Особенно ярко эта тенденция проявила себя в творчестве А.С. Пушкина [3; 4; 5], в лирике которого представлено большое количество фразеологизмов, называющих Музу: *наперсница волшебной старины; подруга дней моих; друг мечты лёгкой; старушки милые; болтуня резвая, шалунья; хороводец старушек Муз*; и др. [6, 316-317].

В литературе XX века мифологическая символика отступает на второй план, появляются новые образные центры, на основе которых строится фразеология, обозначающая поэзию и связанные с ней явления. Тем не менее, тема творчества по-прежнему остаётся одной из наиболее значимых в русской поэзии, так как помогает постичь внутреннюю, духовную суть творческого процесса, а образ Музы неизменно присутствует в стихах представителей разных литературных направлений.

Муза является одним из самых постоянных персонажей лирики А. Ахматовой. Однако образ богини изменяется в зависимости от того, как меняется восприятие действительности самой поэтессой. Чаще всего Ахматова прибегает к лексическим наименованиям Музы. Например: «А не дописанную мной страницу, // Божественно спокойна и легка, // Допишет *Музы* смуглая рука» (Белая стая, 74); «И *Муза* в дырявом платке // Протяжно поёт и уныло» (Белая стая, 96); «О, знала ль я, когда в одежде белой // Входила *Муза* в тесный мой приют, // Что к лире, навсегда окаменелой, // Мои живые руки припадут» (Подорожник, 179).

Фразеологизмы - наименования Музы отражают представление о сущности поэзии как вида искусства, сложившееся в творчестве Анны Ахматовой. ФЕ *Муза-сестра, стройная гостья, милая гостья с дудочкой в руке, Муза Плача* относятся к поэтической фразеологии, их использование привносит в авторский текст дополнительные смыслы, так как данные единицы отражают особенности мировосприятия поэтессы и указывают на связь её поэзии с литературной традицией. Наименования Музы формируют мифологический пласт ахматовской лирики. Поэтесса широко обращается к традиционным поэтическим образам, однако воплощает их в новаторских, нестандартных сочетаниях, расширяет традиционные синонимические ряды образных фразеологических средств, создаёт новые образы.

Предметно-логическое содержание лексических и фразеологических единиц, называющих Музу, в лирике Ахматовой неоднозначно: с одной стороны, они обозначают существо высшего порядка, с другой стороны, контекстное окружение слов и фразеологизмов способствует персонификации, «очеловечиванию» персонажа. Поэтесса отказывается от абстрактных наименований богини. В творчестве Ахматовой Муза имеет вполне реальный, «земной», видимый и осязаемый облик. Она становится полноправным действующим лицом стихотворений, лирическая героиня не только общается с Музой, но и осознаёт своё творческое родство с нею.

Образ Музы в творчестве Ахматовой не совсем традиционен для русской поэзии – это образ *Музы-сестры*, которая отнимает у лирической героини «Божий подарок» - женское счастье, жизненную силу, но взамен даёт чудо поэзии.

В русской лирике, творцами которой чаще были поэты - мужчины, слово-образ «сестра» применительно к Музе использовался достаточно широко, но семантическое наполнение его было иным, нежели у женщины - поэта. Чаще всего муз – богинь, покровительниц искусств и науки, называли сестрами по отношению друг к другу, например: *сёстры бессмертно-молодые* (А.А. Дельвиг), *девять сестёр* (И.А. Крылов), *сёстры Парнасские* (А.С. Пушкин), *сёстры чистые* (К.Н. Батюшков) и др. [6, 316-317]. В рамках этого образа Ахматова, используя приём умолчания, создаёт перифразу «*все девять*»: «А теперь бы домой скорее // Камероновой галереей // В ледяной таинственный сад, // Где безмолвствуют водопады, // Где *все девять* мне будут рады, // Как бывал ты когда-то рад...» (Поэма без героя, 333). В некоторых случаях муз называли сёстрами по отношению к кому-либо. Например, у А.С. Пушкина – это *сестрицы Фебовы*, а Н.А. Некрасов свою Музу называл *сестрой народа* [6, 316]. Ахматова впервые в русской лирике создаёт поэтический фразеологизм *Муза-сестра*, указывающий на творческое родство лирической героини её стихов и Музы: «*Муза-сестра* заглянула в лицо, // Взгляд её ясен и ярк. // И огня золотое кольцо, // Первый весенний подарок» («Музе» - Вечер, 39).

В качестве образной основы окказиональных поэтических фразеологизмов *стройная гостья, милая гостья с дудочкой в руке* выступает слово-образ «гостья», которое является метафорой-символом, обладает диффузным значением и в языке поэзии может быть наименованием других реалий. По данным «Сло-

варя языка поэзии», в творчестве разных поэтов оно выступает в качестве основы поэтических наименований весны, волны, души, зимы, мечты, надежды, птицы, радости, скуки, смерти и др. [6, 619]. В стихах Ахматовой образное слово «гостья» формирует собственную парадигму, входя во фразеологические наименования Музы. Например: «Я голубку ей дать хотела, // Ту, что всех в голубятне белей, // Но птица сама полетела // За *стройной гостьей* моей» (Белая стая, 78); «Когда я ночью жду её прихода, // Жизнь, кажется, висит на волоске. // Что почести, что юность, что свобода // Пред *милой гостьей с дудочкой в руке*» («Муза» - Тростник, 185). В последнем примере «дудочка» выступает как неизменный атрибут Эвтерпы, Музы лирической поэзии [7, 225, 379].

Очевидно, под влиянием стихотворения Марины Цветаевой, посвящённого Ахматовой: «О, Муза Плача, прекраснейшая из Муз!» [8, т. 1 (1), 303], в творчестве Анны Ахматовой появляется ФЕ *Муза Плача*, которая не только называет Музу поэта, но и указывает на особенность ахматовской лирики – умение передать тончайшие переживания человеческой души: «Покинув рощи родины священной // И дом, где *Муза Плача* изнывала, // Я, тихая, весёлая, жила // На тихом острове...» («Эпические мотивы» – Anno Domini, 159). Первоначально вторая строка этого стихотворения читалась так: «...дом, где *муза, плача, изнывала...*» [2, 160].

С образом *Музы* в творчестве А. Ахматовой связаны поэтические фразеологизмы *голос Музы, ворота в её (Музы) страну, чудесный сад*, называющие поэтическое творчество. Эти единицы отражают представление о сущности поэзии как вида искусства, сложившееся в лирике Ахматовой. В их основе лежат звуковые (*голос Музы*) или пространственные образы (*ворота в её страну; чудесный сад*). Например: «Муза ушла по дороге // Осенней, узкой, крутой, // И были смуглые ноги // Обрызганы крупной росой <...> // Я, глядя ей вслед молчала, // Я любила её одну, // А в небе заря стояла, // Как *ворота в её страну*» (Белая стая, 77-78); «А я иду владеть *чудесным садом*, // Где шелест трав и восклицанья муз» (Anno Domini, 165).

Итак, образ Музы занимает особое место в творчестве Анны Ахматовой, несмотря на то, что в её стихах он подвергается существенной трансформации по сравнению с предшествующей литературной традицией. Обращение к нему связано с осознанием поэтессой божественной силы и значимости поэзии. Поэтические фразеологизмы – наименования Музы отражают особенности мировосприятия поэтессы, указывают на связь её лирики с литературной традицией.

Список литературы

1. Ахматова, А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 1. / Анна Ахматова; [сост., подгот. текста и коммент. М.М.Кралина]. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
2. Виленкин, В. Я. В сто первом зеркале / В.Я. Виленкин. – М.: Советский писатель, 1990. – 336 с.
3. Виноградов, В. В. Стиль Пушкина / В.В. Виноградов – М., Наука, 1999. – 704 с.
4. Григорьева, А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина / Поэтическая фразеология Пушкина. – М.: Наука, 1969. - С. 5 – 292.

5. Иванова, Н. Н. Поэтическая глагольная перифраза у Пушкина/ Н.Н. Иванова // Поэтическая фразеология Пушкина. – М.: Наука, 1969. – С. 293-372.
6. Словарь языка поэзии : Образный арсенал русской лирики конца 18 – начала 20 века / Н.Н.Иванова, О.Е.Иванова. – М.: АСТ и др., 2004. – 666 с.
7. Холл, Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл. Пер. с англ. А. Майкапра. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 656 с.: 80 л. ил.
8. Цветаева, М. И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. Кн. 2: Стихотворения / Марина Цветаева; [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М.: ТЕРРА, 1997. – 320 с.

О.А. Мальцева, И.И. Макарьева
Кафедра английской филологии

К ВОПРОСУ ВЫДЕЛЕНИЯ ЖАНРА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ М. МУРА «DUDE, WHERE’S MY COUNTRY?»)

В данной статье мы выдвигаем следующую гипотезу: в борьбе за своего читателя современная публицистика тяготеет к новым нетрадиционным формам изложения, максимальному задействованию стилистических приемов выразительности, что позволяет говорить о художественной ценности некоторых ее образцов. Наше исследование во многом определяется самим материалом. Для исследования мы выбрали книгу популярного американского журналиста и документального режиссера, обладателя нескольких кинопремий – М. Мура. Книга «Где моя страна, чувак?» стала бестселлером во многих странах. В ней выражается резко осуждающее отношение автора к существующей в США политической, экономической и социальной обстановке. Используя различные приемы воздействия на общественное мнение, М. Мур обосновывает свое видение действительности и призывает читателя поддержать его. Определение жанровой специфики данного произведения явило собой непростую задачу. Притом, что книга является классическим примером публицистического стиля, в ней легко прослеживаются элементы художественной и разговорной речи, она близка по стилю ораторской речи. Изучив имеющиеся точки зрения, мы пришли к выводу, что для более точной характеристики своеобразия данного произведения можно использовать термин «художественно-публицистическая книга».

Для начала заметим, что взгляды исследователей на публицистический стиль в целом весьма противоречивы. В пример приведем сам термин «публицистика». Ведь в стилистике не используются названия типа «газетё» или «официаловка» для обозначения других функциональных стилей. Создается впечатление, что под данным термином склонны объединять совершенно разные тексты, как бы «сбрасывая их в одну кучу». Справедливым будет сказать, что исследователи

до сих пор не пришли к более или менее общей точке зрения на следующие вопросы: стоит ли отделять газетный стиль от публицистического, в чем состоят их отличия, какое место по отношению к ним занимает термин «журналистика», в чем особенности публицистических жанров и другие.

М.Н. Кожина отмечает, что публицистический стиль оказывается весьма сложным явлением из-за неоднородности его задач и условий общения. Составляя учебник по стилистике русского языка, этот автор озаглавливает один из параграфов «Публицистический стиль» [3, 183-198], однако уточняет, что речь пойдет об особенностях газетной речи как одной из наиболее популярных его разновидностей. Заглавие же параграфа выбрано сознательно ради сохранения единства терминологии.

Наше исследование опирается на некоторые положения, высказанные И.Р. Гальпериным и В.Г. Кузнецовым. У И.Р. Гальперина мы выделяем идею разграничения газетного и публицистического стиля, а также мысль о промежуточном статусе последнего между стилями научной прозы и художественной речи. Подход В. Г. Кузнецова ценен для нас в первую очередь упоминанием о жанре художественной публицистики. К сожалению, мы не находим у исследователя дальнейшей разработки этого вопроса: лишь в сноске он указывает на особое положение «художественной публицистики, тесно связанной с художественным стилем». В качестве отличительной черты называется заимствование образности художественного стиля. Примерами французской художественной публицистики могут служить Монтескье, Вольтер, Дидро, Руссо, Мориак и др. В.Г. Кузнецов считает, что основа существования жанра – это специфический характер и способ отражения действительности, а также реальная его необходимость для обслуживания определенной сферы человеческой деятельности [4, 17]. Интересными для нас оказались также взгляды следующих ученых на проблему жанра и стиля: В.А. Тырыгина, Г.Я. Солганик, К.А. Долинин, И.К. Архипов.

В стилистике более или менее признано разделение газетно-публицистических статей на информационные и аналитические. Восприятие и освещение определенного факта общественно-политической жизни может быть различной степени сложности и глубины. Самым простым является их восприятие просто во времени и пространстве (пространственно-временная информация). Такое конкретно-фактологическое восприятие лежит в основе наиболее простых и, что логически объяснимо, исторически первых, информационных жанров. Общественно-значимые факты и события обобщаются, анализируются, объясняются, комментируются, оцениваются с определенных идеологических позиций. В результате первичная фактологическая информация осложняется информацией о подобных фактах, прошлых и настоящих, об их причинно-следственных связях, о значимости для различных сторон общественно-политической жизни. В отличие от информационных, аналитические жанры имеют меньшую общность языковых особенностей, отличаются своеобразием жанровых черт и связанной с ними текстовой композицией. Связанный с проявлением субъекта речи аналитизм обнаруживает себя в социальной оценочности, определенной аргументации фактологической информации. Многие исследователи указывают на общ-

ность некоторых элементов художественного и публицистического стилей, имея в виду, в первую очередь, его аналитические жанры: четкая авторская позиция, живая образность, идиоматика, не столько логическое аргументирование, сколько апелляция к эмоциям. Г.Я. Солганик утверждает, что образность – одна из главных слагаемых публицистики, что сближает этот стиль с художественной речью. Ученый отдает публицистическому стилю второе место после художественного по степени проявления индивидуальности языка [5, 176-177]. По мнению Г.Я. Солганика, оба этих стиля тематически неисчерпаемы, обладают огромным жанровым диапазоном и яркими выразительными средствами, предполагают широкое использование нетрадиционных приемов. Говоря о жанрах публицистики, Г.Я. Солганик отмечает, что каждый из них – это «определенный способ организации речи, определенная речевая форма, в которой большую роль играет образ автора» [5, 207-209].

В качестве примеров публицистических жанров с наивысшей степенью проявления авторского «я» исследователи обычно называют очерк, памфлет, эссе, передовую статью в газете. Мы уверены, что выбранная нами книга не может быть классифицирована как произведение, написанное в рамках данных жанров. Даже по самому построению произведение больше напоминает роман – это отдельная книга в двести с лишним страниц, разделенная на главы, каждая из которых имеет свое название. Можно даже сказать, что у книги есть главные герои – американский президент, американский народ и, конечно, сам М. Мур. Есть и второстепенные герои – чиновники, террористические группировки, публичные люди. Конечно, образы этих персонажей во многом документальны – они взяты из жизни, хотя порой наделяются несуществующими чертами. Однако мы находим и вымышленных героев, среди них еще пока не существующая правнучка автора, которую он видит во сне, и даже Господь Бог. Автор-публицист стремится как можно более полно осветить интересующую его тему, поэтому ему сложно загнать себя в рамки одного жанра, например, памфлета, отличительным свойством которого является небольшой объем – обычно не более брошюры. Используя все возможные средства – сатира, аллегория, пародия, метафоры и сравнения, оценочные эпитеты, оксюморон, гипербола, эффект обманутого ожидания, сарказм – М. Мур обличает абсурдность политики администрации Дж. Буша-младшего и доказывает необходимость перемен. Интересно, что сам автор определяет свою работу как *nonfiction hardcover book*, что можно перевести как «нехудожественная проза» или, буквально, «документальная книга в твердой обложке». С одной стороны, такое определение жанра заставляет нас разделять публицистический и газетный стили, ведь в последнем не может быть и речи о подобных книгах в переплете. С другой стороны, мы не можем назвать произведение художественным, так как оно повествует о реальных людях и событиях. Используя термин «художественная публицистика», мы считаем, что он объясняет сам себя: то, о чем говорится, относится к слову «публицистика», а то, как об этом говорится, – к слову «художественная».

Исходя из данных положений, мы попытаемся дать определение жанру художественной публицистики.

Жанр художественной публицистики рассматривает актуальные политические, экономические, философские, литературные и другие проблемы. От других жанров публицистического стиля его отличают большое общественное звучание темы в сочетании с образностью художественного стиля. Данный жанр выполняет две основные функции публицистического стиля – сообщение и воздействие, из чего следует, что он объединяет черты информационных и аналитических публицистических жанров. Для реализации воздействующей функции используется целый арсенал художественных средств всех языковых уровней. В отличие от других публицистических жанров, где экспрессивность носит документальный характер, в художественной публицистике она зачастую является продуктом идейно-эмоционального осмысления автором темы.

Главным направлением нашего анализа мы выбрали следующее: проследить обозначенные особенности на примере отражения в книге таких текстовых категорий, которые ярко выражаются в публицистическом тексте – категории интертекстуальности и адресованности.

Категория адресованности играет важнейшую роль в текстах публицистического характера. В рассматриваемой нами книге мы обнаружили случаи ее эксплицитного (прямые обращения к читателям-американцам, к президенту США Дж. Бушу, к политическим и экономическим деятелям; использование экспрессивных графических средств; вопросительные и побудительные предложения; формы второго лица) и имплицитного (пояснения, комментарии, переводы, (т.е. авторские толкования лексических единиц); употребление лексики, обозначающей концепты, актуальные только для жителей США; показатели важности сообщаемой информации или выражаемой оценки) выражения. Отдельную группу средств, связанных с образом читателя, составляют сигналы обобщения описываемого и показатели установки адресата на определенный стиль и способ изложения, из которых нами были рассмотрены ориентация на социальные стереотипы в сознании читателя и использование в этой связи определенной эмоционально-оценочной лексики.

Особый интерес представляет анализ случаев проявления категории интертекстуальности в книге М. Мура. Мы пришли к выводу о полижанровости данного произведения, о сознательном заимствовании элементов других стилей, что свойственно художественным текстам. Также отметим, что наряду с обычным для публицистики цитированием и использованием аллюзий, М. Мур задействует арсенал средств, характерных прежде всего для художественных книг: посвящение, реминисценция, пародия, точечные цитаты, отсылки к художественным произведениям. Попутно мы выявили случаи аллегории, игры слов, развернутые оригинальные метафоры.

В данной статье мы сделали попытку обозначить основные положения для дальнейшего исследования жанра художественной публицистики. Нашей задачей является, с одной стороны, показать, что книга “Dude, Where’s My Country?” написана в публицистическом стиле, так как основная цель М. Мура – склонить читателя на свою сторону, используя в качестве доказательства реальные факты.

С другой стороны, мы утверждаем, что автор в значительной мере пользуется художественными выразительными средствами языка, что придает книге особую ценность, а также оправдывает издание публицистического произведения отдельной книгой.

Рассмотрев книгу М. Мура «Dude, where's my country?» как пример современного публицистического произведения, мы сделали следующие выводы:

1. Роль публицистики в современной жизни нельзя переоценить. Об этом свидетельствует огромное количество периодических изданий аналитического характера. Однако в последнее время все большую популярность приобретают так называемые публицистические монографии – произведения размером в несколько сот страниц, посвященные определенному аспекту общественной жизни. Их авторы, как правило, прекрасно разбираются в данной области, являясь профессиональными журналистами, политиками, социологами. Именно этот профессионализм вызывает доверие у тех читателей, которые хотели бы получить более подробную, чем позволяет газетный формат, информацию на какую-либо тему, но не имеют достаточно времени или доступа к первоисточникам: документам, договорам, законопроектам и т.п. Одна из основных тенденций современного общества – узкая специализация и высокая профессиональная компетенция – находит здесь свое выражение. Таким образом, в одной публицистической книге собрано большое количество описаний событий, мнений различных деятелей, приводятся достоверные факты, касающиеся излагаемого вопроса.

2. С другой стороны, эти книги рассчитаны на широкие общественные массы, в том числе на людей, которые «делают свои первые шаги» в политике. Так как все больше людей интересуются общественно-политическими вопросами, авторы-публицисты (в основном, приверженцы своего дела, люди идеи) не упускают шанса завоевать новых читателей. Одним из способов сделать это является популяризация публицистики, т.е., во-первых, отказ от сдержанного изложения фактов, которые, в большинстве случаев, мало о чем говорят рядовым гражданам, и, во-вторых, анализ этих фактов на доступном уровне абстракции, объяснение их на примерах, аналогиях и т.п.

3. Другой верный способ заинтересовать читателя – необычность, индивидуальность автора, его манеры письма. Это может быть художественная обработка излагаемого и анализируемого материала, введение в ткань публицистического произведения художественных образов и деталей, небольших сюжетных линий. Основной целью всех этих приемов остается пробуждение читательского интереса и доверия, стремления отстоять свое мнение, которое, как изначально задумывается, должно совпадать с мнением публициста.

4. Таким образом, мы приходим к выводу о взаимосвязи современного общества и современной публицистики. Общество диктует публицистике свои требования одновременного упрощения и изобретательности языка. Публицистика, в свою очередь, формирует общественное мнение, вкусы, пробуждает политическую активность населения, используя целый арсенал лингвистических и экстралингвистических средств.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1958.
2. Горшков А. И. Русская стилистика: Учеб. пособие / А. И. Горшков. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1983.
4. Кузнецов В. Г. Функциональные стили современного французского языка (публицистический и научный): Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1991.
5. Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2001.

Н.А. Медведева

Кафедра русского языка

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ И АДРЕСАТОВ В ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Политическая реклама всегда играла и играет большую роль в предвыборных кампаниях. Агитационный предвыборный текст строится по принципам рекламы или антирекламы. Многие тексты реализуют однотипные стратегии психологического воздействия: политический субъект обращается к избирателю с предложением своих услуг и с критикой политического противника.

Поэтому содержание предвыборного текста строится на следующих ключевых элементах:

- 1) субъект, продвигающий себя к власти;
- 2) контрагент, которого стараются не допустить к власти;
- 3) адресат (объект пропагандистского воздействия);
- 4) цель (пропагандируемое будущее).

Для системного лингвистического описания этих понятий будем использовать термин «идеологема». Идеологема – номинация ключевых понятий текста политической рекламы, обусловленных его пропозициональной схемой: субъект, адресат, контрагент, цель, антицель.

Идеологема отражает элементы предвыборной ситуации – ее участников, политических субъектов и адресатов, и их цели.

В качестве исследовательского материала нами были использованы тексты политической рекламы предвыборной кампании в Курганской области 2004 года.

Для номинации субъекта политической рекламы часто используется лексема *кандидат*. Она может употребляться безоценочно, для информирования избирателей:

- кандидат в депутаты Курганской городской Думы по избирательному округу №7 Евсеев О.В.;

- кандидат в депутаты областной Думы 4 созыва по избирательному округу №3 – «Западный» Юрий Куньшин;

- кандидат на должность главы Кургана Сергей Кузьмин.

Оценочный характер нейтральной идеологеме придает ее окружение. Мы рассмотрели не широкий, а только ближний контекст идеологем, который проясляет их оценочность, заданную предвыборной концепцией. Чаще всего позитивная коннотация формируется за счет использования притяжательного местоимения «наш», позволяющего включить кандидата и избирателей в одну зону – «мы»: «... мы будем голосовать за нашего кандидата – Багдасаряна Эдуарда Александровича» (А. Андреева, председатель Совета ветеранов КСТ); «Игорь Прозоров – наш кандидат!».

Использование местоимения «ваш» позволяет создать иллюзию, что кандидат выдвинут самим народом:

«Цветочные» советы от Евгении Степановой, Вашего кандидата в депутаты городской Думы. Использование прописного аллографа еще более усиливает эффект уважительности по отношению к избирателям, и можно говорить о реализации стратегии лесты.

Еще более усиливается эффект единения политического субъекта и объектов, если используется плеонастическое определение «наш народный»: *Ю. Куньшин – наш народный депутат.*

Активно употребляется цельное сочетание «№1», даже если кандидат идет не под этим номером: *Евгений Собакин – кандидат №1.*

Нередко политические субъекты выдают желаемое за действительное, и тогда в рекламных текстах начинают фигурировать лексемы, называющие реальные цели (депутат, мэр): *Уважаемые земляки! Если вы доверите мне быть депутатом, основными целями и задачами у меня будут...* (В. Палтусов).

Активно используется лексема «человек», но не самостоятельно, а с определениями, которые и придают идеологеме позитивную оценочность:

- человек неординарный (Т. Сажина);

- светлый человек (Н. Крачковская о С. Капчуке);

- замечательный человек (Н. Крачковская о С. Капчуке);

- человек власти (*Вячеслав Подольков: «Важно не разочароваться в человеке власти»*);

- чуткий человек (об А. Дудиче);

- человек производства (о П. Назарове);

- человек из народа (о П. Назарове).

Часто номинация политического субъекта осуществляется с помощью лексем со значением лица по профессии, должности, роду деятельности, но такие лексемы, как правило, создают ближайший контекст идеологемы:

- Борис Шалютин. Кандидат в депутаты Курганской городской Думы, проректор по учебной работе КГУ, доктор философских наук, профессор;

- Кандидат Кунышин Ю.Б. как раз такой: честный, профессионал, преподаватель высшей категории, почетный работник среднего профессионального образования РФ;

- грамотный и ответственный управленец (о С. Кузьмине);
- молодой, опытный, успешный управленец (об А. Дудиче);
- сильный специалист (об А. Дудиче);
- настоящий государственный (В. Жириновский об О. Богомолове).

Нередко политические субъекты номинируются с помощью лексем со значением родства:

- бабушка (Т. Сажина);
- брат, ближний (*к С. Капчуку относятся, как к брату, как к близнецу...*).

Номинация политического субъекта может производиться по национальному признаку:

- русский (В.А. Палтусов);
- армянин, русский, курганец:

По крови я – армянин,

По воспитанию – русский,

А по национальности – курганец! (Э. Багдасарян)

Иногда встречаются лексемы, характеризующие политического субъекта по нравственным качествам:

- не болтун (об Э. Багдасаряне);
- патриот России (В. Жириновский об О. Богомолове).

Номинативную функцию субъекта политической рекламы может выполнить и фразеологизм:

- **молодая кровь**, которая нужна Кургану! (об А. Дудиче).

Для того, чтобы оригинальнее охарактеризовать кандидата, создатели агитационного текста используют цитаты из известных кинофильмов: *студентка, комсомолка, актриса и просто красавица – это все она, Татьяна Ампеловна Сажина*.

Постоянная оценочная коннотация идеологемы обусловлена позицией обозначаемого ею понятия в пропозициональной схеме. Идеологема «враг» во всех текстах имеет отрицательную оценку, так как всегда обозначает контрагента, противника в предвыборной борьбе: Собакин – враг России. Отрицательную оценочность имеют и сочетания: *прилежный «яблочник»* (о Собакине); *«друзья России»* (об А. Чубайсе, И. Хакамаде и др.). Здесь мы наблюдаем скрытую иронию:

- господинчик Дудич (уничжительная форма этикетной лексемы);
- безвестные доброхоты; друзья – подручные; разрушители от политики (о кампании А. Дудича);

Таким образом, ряд идеологем являются однооценочными, то есть во всех текстах имеют одно, негативное или позитивное, оценочное значение, а ряд – амбивалентными, то есть обладающие способностью менять свою коннотацию от негативно-оценочной до позитивно-оценочной в зависимости от того, кто является адресантом и адресатом конкретного текста, то есть от авторской позиции.

Всегда положительную оценку имеют идеологемы, обозначающие адресата политической рекламы. В качестве таких идеологем выступают следующие лексемы:

- курганцы (*Уважаемые курганцы!* А. Ельчанинов);
- жители города Кургана (*Обращение к жителям города Кургана* А. Ельчанинова);
- заводчане (*Заводчане приветствовали Петра Назарова и потенциальных руководителей города*);
- земляки (*Земляки! Поразмыслим о том, кого будем избирать.* П. Назаров);
- зауральцы (*Зауральцы сильные!* О. Богомолов; *Зауральцы будут богатыми!* Е. Собакин; *Зауральцы достойны лучшей жизни.* КПРФ);
- земляки-зауральцы (*Уважаемые земляки-зауральцы!* О. Богомолов);
- горожане (*Курганцы! Горожане!* О. Богомолов);
- женщины Зауралья (*Женщины Зауралья достойны лучшей доли.* П. Назаров).

Довольно часто использовались метонимические наименования адресата политической рекламы, которые создавали иллюзию общенародной поддержки того или иного кандидата:

- Зауралье (*Зауралье за Капчука*);
- Курган (*Курган за Дудича! Курган! Прояви характер!* А. Дудич);
- город (*Город устал.* А. Дудич).

Иногда дискурс ведется от 1 лица, и тогда адресат самономинируется с помощью местоимения «мы»: *Мы – за Дудича!*

К числу идеологем-целей предвыборной кампании в Курганской области 2004 г. можно отнести следующие, выраженные лексемами и предложениями:

- будущее: *будущее Кургана* (С. Кузьмин);
- преобразование: *преобразование Зауралья* (П. Назаров);
- жить по-новому: *Мы должны жить по-новому!* (П. Назаров);
- развитие города: *Моя программа – стратегический план развития города* (П. Назаров);
- защищать права людей труда (В. Воденников);
- новое Зауралье (П. Назаров);
- развитие социальной сферы: *О задачах развития социальной сферы* (О. Богомолов);
- зауральцы будут богатыми (Е. Собакин);
- реформы: *Реформы придут в Зауралье!* (Союз правых сил);
- новая историческая орбита: *Россию пора выводить на новую историческую орбиту* (партия «Родина»);
- лучшая жизнь: *Зауральцы достойны лучшей жизни!* (КПРФ);

Как видим, большинство целей носит локальный характер и позиционирует лучшее будущее для зауральцев. Это явные цели, направленные на сознание избирателя. Имплицитной же целью является, как правило, реализация узкособственных интересов политических субъектов, активно использующих вербальные средства для их достижения.

Список литературы

1. Амиров В.М. Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации: Автореф. дис... филол. наук. – Екатеринбург, 2002 – С.25.
2. Анатомия рекламного образа/Под общ. ред. А.В. Овруцкого. – СПб.: Питер, 2004.
3. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. – М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2001.
4. Рюмина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе: Учебное пособие. – М.: ИКЦ «Март», 2004.
5. Шатин Ю.В. Построение рекламного текста.- 2-е изд. – М.: Бератор-Пресс, 2003.

М.А. Поманисочка
Кафедра английской филологии

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ДИСКУРСА

Достижения современного языкознания, если говорить об основных направлениях развития, ставят перед высшей школой ряд задач, требующих неотложных решений. К таким задачам следует отнести вопросы, связанные с умением студентов старших курсов языковых специальностей правильно формировать свой собственный дискурс для предъявления его в учебной аудитории. Их высказывания часто оказываются концептуально ограниченными ментальностью родной культуры, с точки зрения лексики и синтаксиса порожденное высказывание является слепком русской фразы. Без особого труда в речевом отрезке, состоящем из нескольких предложений, можно узнать использование традиционной для современного русского языка риторики.

Вполне очевидно, что умение самостоятельно построить высказывание в виде объемного, цельного, логически законченного текста необходимой формы с использованием полноценных аргументов, нужных риторических приемов и есть то, над чем нужно работать. Умение правильно и убедительно строить свою собственную речь при обсуждении абстрактных тем, изучаемых на старших курсах, учитывая вполне реальную перспективу участия в межкультурном посредничестве, предполагает решение совершенно других задач.

Полезным окажется практическое применение теоретических разработок, традиционно причисляемым к прагматике.

На первый взгляд может показаться, что созданная Дж.Остином, Дж.Р.Серлом и другими теория речевых актов должна оказаться весьма полезной для этих целей. Действительно, изучение речевого сотрудничества не как обмена высказываниями, а как последовательности и сочетаемости определенных действий позволит и сместить акценты, и сосредоточить внимание на том, что мы, собственно, делаем и чего пытаемся достичь, предъявляя своему собеседнику то

или иное сообщение. Таксономические исследования, дающие в наше распоряжение средства для анализа, классификация и определение взаимоотношений между речевыми действиями, будь то констатация, вопрос, объяснение, описание и т.п., должны оказаться важным подспорьем для внесения изменений в плане содержания и в плане выражения. Анализ речевых образцов для установления явных и скрытых целей высказывания, так называемых «иллокутивных сил», моделей речевого поведения, речевой стратегии, умение различить коммуникативную установку (прагматическое значение высказывания), определить содержащиеся в тексте высказывания референции, прагматические пресуппозиции, обнаружить прогнозируемый автором перлокутивный эффект, иначе говоря, ожидаемое воздействие на адресата, предоставят в распоряжение участников общения ряд нужных средств. Эти средства могут стать прочной основой для создания благоприятных условий перехода от речи, которая создается больше по наитию, с опорой, как правило, на алгоритмы, традиционные для родного языка, к другим, приближающим нас к речевой парадигме для культур англоговорящего мира.

Применение этой теории кажется тем более привлекательным, что в ней получила развитие теория речевых максим Пола Г.Грайса, одним из основных принципов которой является принцип сотрудничества в процессе общения. Как утверждает Г.В.Елизарова, П. Грайс «первым сделал попытку сформулировать правила любой человеческой коммуникации». Сформулированные им максимы (иначе говоря, принципы, правила) призваны четко регламентировать построение речи. Он предлагает ограничить дискурс четырьмя главными максимами: максимами количества, качества, отношения и образа действия. Первые из них регулируют объем сообщаемой информации, вторые призывают сообщать достоверные сведения и аргументировать утверждения адекватными доводами, третьи требуют изложения по существу, а четвертые – избегать двусмысленности, добиваться краткости, не нарушать линейности.

Дж.Остин, создавая свою теорию, дифференцировал речевые действия, выделив локутивные, иллокутивные и перлокутивные акты и заложив тем самым основы стандартной теории речевого воздействия. Эта теория получила успешное развитие в работах Дж.Сирля, который создал более подробное таксономическое описание, выделив репрезентативы (высказывания, описывающие ситуацию), директивы (команды, просьбы, указания), комиссивы (высказывания, содержащие в себе обязательства), экспрессивы (выражение психического состояния), декларативы (оповещение об изменении состояния). Он таким образом создает дополнительный план пропозициональных актов, объединяющих акты референции и акты предикации. С точки зрения Г.В.Елизаровой, особого внимания заслуживают его исследования косвенных речевых актов. Помимо изучения речевых моделей английского языка, выполняющих точно означенные коммуникативные функции, его выводы способствовали появлению большого количества работ, сопоставлявших и анализировавших речевые акты различных культур, «релевантных как для понимания культур, так и для обучения иностранным языкам».

В нашей стране появилось большое количество работ, созданных в рамках деятельности нескольких научных школ и описывающих отдельные типы и виды речевых действий в монологической и диалогической речи и невербальных средств реализации локутивных актов.

Не менее интересными и полезными, если говорить о понимании мотивов создания определенных речевых высказываний и способов реализации коммуникативных целей, могут показаться и другие направления лингвистической прагматики, такие как теории референции, этнометодология, функциональная прагматика.

Основными объектами анализа прагматической теории референции являются: отнесенность актуализированных имен, именных групп и их эквивалентов к объектам действительности, коммуникативные интенции, фонд знаний участников общения, коммуникативная организация высказывания в зависимости от контекста и языковой конвенции. Помимо Дж.Серла, который рассматривал акт референции как релевантность коммуникативной интенции и ее трактовки со стороны адресата, иной взгляд на эту проблематику представили Л.Лински и С.А.Крипке. В отличие от Л.Лински, рассматривавшего референцию как проявление интенции говорящего, С.Крипке настаивал на необходимости дифференциации референций говорящего и семантических референций речевых единиц, обусловленных языковой конвенцией.

Новые горизонты в разработке подходов к проблемам формирования академического дискурса открывают и другие развивающиеся в настоящее время области лингвистики.

Особый интерес представляет изучаемая социолингвистикой межличностная коммуникация, начавшаяся с работ американских исследователей И.Гофмана и Дж.Гамперца. По мнению И.Гофмана, наше повседневное общение, являясь результатом взаимодействия с окружающим миром, ведет к формированию социальной и личной индивидуальности (*social and personal identities*), и немалая доля усилий с нашей стороны в процессе коммуникации направлена на создание и сохранение социальной и личностной роли. «Разнообразные приемы, используемые в повседневном общении, служат не только для того, чтобы конструировать и поддерживать социальное взаимодействие, но и в равной степени для того, чтобы конструировать наше представление о самих себе и о тех, с кем это взаимодействие осуществляется».

И.Гофман выделяет в дискурсе два типа коммуникативных актов: одни индивид использует для оповещения окружающих о том, как он их воспринимает (*presentational rituals*), а вторые, именуемые Гофманом *avoidance rituals* (ритуал избегания), служат для «выражения уважительного отношения, при помощи которого автор может держаться на расстоянии от реципиента». Он предлагает считать участвующую в общении личность сложным социальным конструктом, «позитивной социальной ценностью, утверждаемой в процессе коммуникации и принимаемой другими участниками общения». Взаимодействие личности в социуме выражается в выработке соответствующей коммуникативной

стратегией, реализуемой в том числе и в употреблении не прямых речевых актов, например, просьба будет выражена фразой «Shall we...», имплицитная составляющая которой предполагает общую сопричастность к принятию оговариваемого решения. При этом средства для осуществления стратегии определяются существующими социальными институтами и достаточно узкими конвенциональными установками.

Вклад И.Гофмана в развитие теории межличностной и межкультурной коммуникации не ограничивается постулированием релевантности социального статуса личности и выбором речевых средств. Его работы вместе с работами П.Грайса, П.Браун, С.Левинсона, которые разработали теорию лингвистической вежливости, считаются основополагающими для дальнейшего развития этого направления. Обращение к ним стало важным шагом к осознанию того, как используется язык в различных эпизодах общения, «что мы должны делать с языком, как именно его использовать». Остается надеяться на скорейшее появление созданной на единой концептуальной основе и общепринятых аналитических процедурах общей теории вербальной коммуникации.

С точки зрения задач по формированию академического дискурса, это даст необходимый инструментарий языковых средств для правильного построения высказываний в плане выражения и плане содержания. Существование огромного числа частных теорий в рамках развития фундаментальной и прикладной лингвистики непременно приведет к появлению такой теории. Основную роль в этом призваны сыграть стремительно эволюционирующие в настоящее время отрасли языкознания: когнитивная лингвистика, анализ дискурса и лингвистическая философия.

Для понимания значимости когнитивной лингвистики целесообразно воспользоваться определением Ю.С. Степанова: «Когнитивная лингвистика - одна из частей когнитологии, или когнитивной науки (cognitive science), занимающейся операциями человека со знаниями» [цит. по: 3, 130]. Она изучает процессы усвоения, накопления и использования информации человеком для построения моделей вербального и невербального поведения при решении интеллектуальных задач. Ее появление многие исследователи связывают с возникновением потребности в создании искусственного интеллекта.

А.Т.Хроленко и В.Д.Бондалетов справедливо считают когнитивную лингвистику наукой особого рода, утверждая, что она объединяет все дисциплины, изучающие ментальные процессы, имеющие место в человеческом интеллекте и направленные на создание фонда знаний как собственности отдельного индивидуума и культурной общности. Когнитология в этом смысле объединяет лингвистику, психологию, философию, математику, а также теорию информации, математическое моделирование, нейролингвистику и другие науки. Причем ведущая роль, по их мнению, принадлежит лингвистике, «в силу того, что она уже накопила много знаний о связи языка с сознанием человека, и в силу того, что через внешнюю оболочку языка легче, чем иными способами, составить представление о глубинно-внутренней мыслительно-познавательной деятельности человека» [цит. по: 3, 131].

Новый взгляд на язык стал началом новых направлений в исследованиях: изучение языковой картины мира, переосмысление принципов категоризации и концептуализации, появление когнитивных грамматик, когнитивной лексикологии, когнитивного дискурса, новых аспектов в изучении семантики.

Базовым понятием когнитивной науки является когниция – совокупность видов познавательной деятельности: восприятие мира, категоризация, символизация, соотнесение, размышление, логические выводы, создание мысленных образов, разработка планов и стратегий. Поступающая извне информация в результате многократных трансформаций преобразуется в ментальные репрезентации типа образов, пропозиций, фреймов, сценариев и хранится в памяти до того момента, когда возникает потребность использовать их результаты в мыслительных процессах, которых затем находят воплощение в дискурсе.

Многие исследователи в рамках когнитивной лингвистики выделяют особое научное направление - лингвистическую философию или философию обыденного языка. Это философское течение, видящее свою задачу в анализе естественного языка строгими методами и рассматривающее язык как средство достижения определенной цели. В работах этого направления значение слова определяется особенностями его употребления, контекстом и целями коммуникации, другими словами, прагматикой, и описывается в виде набора норм употребления различных единиц языка, например, изучается логика прилагательных, создается грамматика одного прилагательного. При этом первостепенное значение в исследованиях этого направления отводится инструментальной функции языка, функции воздействия, а целями являются изучение философских концептов, таких как «добро», «зло», «долг», «свобода», правил, которым подчиняется язык в повседневном употреблении.

Для изучения иностранного языка как составляющей культуры другого этноса концепт является своего рода инвариантом, без осмысления которого само изучение другого языка превращается в попытку механически запомнить его лексические элементы и их взаимодействие в пределах одной фразы. Лишенные надлежащей концептуальной основы, результаты такого рода деятельности оказываются постоянно отторгаемыми сознанием изучающего. При должном количестве усилий психика человека находит в этом случае самый простой выход: подмена малоизученных концептов сколько-нибудь схожими, существующими в родной культуре. Неудивительно, что этот процесс приводит к интерференции. Верным выходом в настоящее время ученым представляется создание системы концептуальных образов в их взаимной связи в сознании изучающего иностранный язык. Путь выполнения этой задачи видится в применении методик дискурсного анализа.

Возвращаясь к задачам, оговоренным в начале статьи, а именно обучению студентов старших курсов языковых специальностей умению правильно формировать свой собственный дискурс для предъявления его в учебной аудитории, самым простым делом представляется формулирование целей. Бесспорным для социальной роли посредника в межкультурной коммуникации является

ся и наличие языковой и лингвокультурной компетенции. Соответственно возникает задача создания способности самостоятельно исследовать аспекты концептосферы культуры иностранного языка и сопоставлять их с концептосферой родной культуры. Роль посредника между представителями разных культур невозможна без изучения речевых конвенций соприкасающихся культур. Совершенно необходимым представляется владение методикой дискурсного анализа, умение различать глубинное и поверхностное в содержании речи. Любого рода профессиональная деятельность нуждается в умении идентифицировать цели коммуникации и средства вербальных и невербальных элементов речи, рационально применять традиции классической риторики в сочетании со знанием особенностей риторики современной речи и создавать свою собственную речевую стратегию, исходя из конкретных целей данного эпизода общения. Много более сложным, в отличие от формулирования задач, видится достижение обозначенных целей.

Список литературы

1. Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. - СПб.: Гуманитарная академия, 2004. – 336 с.
2. Елизарова Г.В. Культура речи и обучение иностранным языкам. – СПб.: Каро, 2005. – 352 с.
3. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка. - М.: Флинта. 2006. – 528 с.

Е.Р. Ратушная
Кафедра русского языка

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЩЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ МАТЬ, МАТУШКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лексема *мать* и ее производное *матушка* занимают центральное положение среди терминов родства в русском языке. Номинируемое ими понятие входит в число базовых культурных ценностей русского народа, являясь основой семейных отношений. Лексема *мать* принадлежит к древнейшему фонду русской лексики и в современном языке имеет сложную, разветвленную семантическую структуру, включающую множество ЛСВ с различными семантическими оттенками. В прямом, основном значении субстантивы *мать* и *матушка* содержат релятивную сему «отношение», именуя человека по прямой родственной связи с другим лицом: *мать* – «женщина по отношению к рожденным ею детям». В процессе формирования фразеологического значения данная сема выходит на первый план и получает статус фразеобразующей; при этом сема «родственные отношения», как правило, утрачивается. Например, фразеологизм *мать моя* часто употребляется для обращения к лицу женского пола, не

состоящему в родственных отношениях с адресантом, - к знакомой женщине, равной или младшей по возрасту, положению:

(Аграфена Кондратьевна): Что ж ты, Фоминишна, проклажаешься? Беги, *мать моя*, проворнее (А.Островский. Свои люди – сочтемся).

Сема «родственные отношения» может сохраняться, если фразеологизм употребляется по отношению к родственнику. Например, в романе И.Гончарова «Обыкновенная история» Марья Михайловна, мать молодой девушки Наденьки, ласково называет свою дочь *мать моя*:

- Прихожу к Наденьке – она еще и не просыпалась. Я разбудила ее. «Пора, мол, *мать моя*: скоро двенадцать часов, что это с тобой?». Я ведь целый день за ней, как нянька. Я и гувернантку отпустила нарочно, чтобы не было чужих». Другой пример: – А где же ягоды, что ты приготовила для Александра Федорыча? – спросила мать. – Ягоды? – Да, ягоды. – Ведь вы их скушали за обедом... - отвечала Наденька. – Я! Опомнись, *мать моя*: ты спрятала и мне не дала.

В тексте фразеологические обращения с компонентами *мать*, *матушка* выступают как грамматически независимые и интонационно обособленные части предложения, называющие лицо, к которому обращается субъект речи. В русском языке такие обращения достаточно широко представлены и функционируют обычно в сфере устной диалогической речи, выполняя двойную функцию: с одной стороны, они выражают призыв к адресату, с другой – передают отношение говорящего к объекту речи.

Так, в приведенных выше контекстах фразеологизм *мать моя* выполняет оценочно-характеризующую функцию, передавая нежное, заботливое отношение матери к любимой дочери.

Кроме того, данный фразеологизм способен использоваться и в других ситуациях, в которых в роли коммуникантов выступают лица, не связанные родственными отношениями. Например:

Лизанька встала из-за пяльцев и стала убирать свою работу. – Что ты, *мать моя*! Глуха, что ли! – закричала графиня. – Вели скорей закладывать карету! – Сейчас! – отвечала тихо барышня и побежала в переднюю (А.Пушкин. Пиковая дама). – В приведенном контексте фразеологическое обращение адресовано к молодой девушке-воспитаннице, занимающей низкое, подчиненное положение. Фразеологизм передает пренебрежительное, фамильное отношение графини к Лизаньке.

(Советница): Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии. (Бригадирша): Ах! *Мать моя*! Да какая церемония меж нами, когда (указывая на советника) хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою... (Д.Фонвизин. Бригадир). – Коммуникантами являются лица, равные по социальному положению; фразеологизм выражает дружески-фамильное отношение к собеседнице со стороны субъекта речи.

(Госпожа Простакова) (к мужу): Завтра в шесть часов чтоб карета подвезена была к заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозевай. (Простаков): Слушаю, *мать моя*. (Д.Фонвизин. Недоросль). – В данной речевой ситуации коммуникантами являются супруги.

Таким образом, фразеологизм *мать моя* функционирует в различных речевых ситуациях, наполняясь различным коннотативным содержанием в соответствии с характером отношений между коммуникантами.

В разговорной речи лексема *мать* активно функционирует в качестве самостоятельного обращения в различных речевых ситуациях. В роли адресанта может выступать муж, взрослый сын, зять, подруга, соседка и т.д., т.е. круг субъектов речи очень широк: в него входят как лица, находящиеся в родственных отношениях с адресатом, так и посторонние люди. При этом обращение наполняется ярким коннотативным содержанием, передавая в целом позитивный эмоциональный настрой субъекта речи по отношению к собеседнику. Лексема *мать* в диалогической речи способна использоваться как доброжелательное обращение к знакомой женщине, как приветливо-фамильярное обращение младшего по возрасту к незнакомой женщине, равной или ниже по положению, как шутовское молодежное обращение к девушке-подруге, как обращение мужа к жене и т.д. Например:

Вошла жена Никифора с прутом и, прижав пальцами прут примерно на середине, сказала: «Вот сколько осталось (зерна)». – Обожди, мать. Что там есть – наше с тобой дело. (С. Антонов. Лена).

Лексема *матушка*, производная от субстантива *мать*, также способна выполнять апеллятивно-характеризующую функцию, выступая как в роли самостоятельного обращения, так и в составе фразеологизмов. Первичной функцией является номинация женщины по прямому родству, передающая почтительное, уважительное отношение адресанта к своей матери. Кроме того, данная лексема может использоваться в различных речевых ситуациях, в которых в роли коммуникантов выступают лица, не являющиеся родственниками. Например, лексема *матушка* выступает в качестве ласково-фамильярного обращения к пожилой женщине, иногда в сочетании с именем собственным. Так, например, в романе И. Гончарова «Обыкновенная история» обращается помещик Антон Иваныч к своей соседке-помещице:

- Здравствуйте, матушка Анна Павловна! - С обновкой честь имею вас поздравить. – С какой это, Антон Иваныч? - спросила Анна Павловна, оглядывая себя с ног до головы. – А мостик-то у ворот! Видно, только что сколотили?

Смысловое содержание лексем *матушка* в сознании русского человека наполняется устойчивой позитивной коннотацией, что находит яркое выражение во фразеологических обращениях с данным компонентом. Фразеологизм *матушка (ты) моя* функционирует в роли доброжелательного обращения к собеседнице, причем компонент-притяжательное местоимение «мой» усиливает положительный эмоционально-экспрессивный настрой фразеологизма, придавая значение наибольшей эмоциональной близости к адресату.

В русском языке также имеются фразеологические обращения с компонентом *матушка*, построенные по модели рядоположенного сочетания слов. В их состав входит компонент, называющий лицо женского пола по социальному положению: *матушка-барыня, матушка-сударыня, матушка-царица* и т.д. Компонент

нент матушка передает позитивное, уважительное отношение субъекта речи к адресату. Так, фразеологизм *матушка-барыня* выступает как почтительное обращение крестьян, прислуги к госпоже, помещице. Обращение *матушка-сударыня* (*сударыня-матушка*) может использоваться в разных ситуациях: 1. Коммуникантами являются лица, находящиеся в отношениях прямого родства: мать - дети. В данной ситуации фразеологизм используется как почтительное обращение сына или дочери к матери. 2. В роли коммуникантов выступают лица, не находящиеся в родственных отношениях: «низший по социальному положению» – «высший по социальному положению». В этом случае фразеологизм выступает в качестве почтительного обращения нижестоящего лица к вышестоящему лицу, например, к хозяйке, госпоже:

- Я видела, - прибавила Глафира Ивановна, приветливо взглянув на него, - ты уже в саду распорядился: дорожки подчищены – спасибо». – «Рад стараться, *сударыня-матушка*», - промолвил он (И. Тургенев. Собственная господская контора). /Лука/: Эх, *барышня-матушка!* Молодая, красивая, ... только бы жить в свое удовольствие (А. Чехов. Медведь).

В современной речи такие обращения практически не употребляются, т.к. они являются составной частью речевого этикета, функционировавшего в дореволюционной России.

Таким образом, лексемы *мать*, *матушка* в русском языке характеризуются ярко выраженной позитивной, доброжелательной коннотацией, проявляющейся во фразеологических и лексических обращениях, для которых характерно преобладание оценочно-характеризующей функции над апеллятивной, что связано с качественным характером их семантики.

Список литературы

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Рагушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. – 223 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КРАСНЫЙ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – XIX ВЕКОВ

Концепт как когнитивная единица является составной частью концептуальной картины мира, это мыслительное образование, объединяющее понятия, представления, знания, ассоциации, переживания, образы (связанные с каким-либо явлением); концепт включает в себя вербализованную (языковой концепт) и невербализованную части. В результате исследования вербализаторов концепта в текстах художественной литературы можно увидеть как отражение субъективного сознания говорящего, присущего конкретному автору, так и развитие (изменение) содержательной структуры концепта – его инвариантного ядра.

Если судить по текстам древнерусской литературы, вербализованная часть концепта «красный» до XV века не содержала значения цвета, но смыслы, которые передавались словами с корнем «крас-», ассоциативно связывались иногда и с красным цветом – символом жизни, радости, торжества. В результате концепт «красный» изменил объем понятийно структурированного ядра. В дальнейшем на инвариантное содержание концепта «красный» повлияли революционные события во Франции, России и советский период истории страны. Премущественность в выражении смыслов, заложенных в концепте «красный», в речи писателей XVIII века можно проследить через анализ вербализаторов концепта. Прежде всего, нужно отметить частотность использования в стихотворных текстах народно-поэтического «красна девица», «красны дни», т.е. активизацию смысла «красивый, приятный, яркий; благоприятный».

*Не столь сияют в небе звёзды,
Не столь **красен денницы** восход,
Не столь торжественные въезды
Верх римских в древности высот
Блистательны и пышны были,
Коль мысль и сердце мне пленили
Различны вкупе **красоты**.*

В.П. Петров. Ода на великолепный карусель...

В данном контексте «в пользу» значения «красивый, прекрасный, дорогой, богатый» говорит последняя строка. Без нее выражение «красен денницы восход» можно понять как указание на цвет, но цвет в этом случае является основанием сравнения: так же красив, как восход солнца.

В значении «приятный, радостный, яркий» используется выражение «красные дни» в других стихотворениях.

*Расстались они с приятностью весны,
Оплакивая все веселие тогдашнее <...>
Которо при струях было во дни красны.*

Н.Н. Поповский. Начало зимы

То, что выражение «красны дни» метафорически связано с ощущением тепла и света, которое дает солнце, ясно благодаря использованию рядом других вербализаторов концепта «красный», т.е. сознание говорящего реагирует на ассоциативную связь понятий: теплый – приятный – радостный – яркий – красивый – солнечный = «красное солнце».

*На небе, как в ночи царица, луна звездам;
Дней красных нам – так Нисса есть зарница:
В ее очах два солнца сьют,
В своих лучах остро блистают по сим местам.*

А.А. Нартов. Идиллия Ниссы

Метафоричность красного цвета можно проследить при использовании любых вербализаторов. Например, у Тредиаковского румяный – цвета розы, у других авторов алый – цвета розы и т.п. Прослеживается и традиция связывать данный цвет с красотой, украшенностью. Другими словами, этот цвет воспринимался и воспринимается носителями языка как бросающийся в глаза, выделяющийся среди других цветов, заставляющий обращать внимание на предметы, окрашенные красным.

*Илидара здесь жила вся белейша снега,
А на теле всем ее сама зрилась нега,
Долговатое лицо и румяно было,
Белизною же своей все превосходило.
Будь на белость зришь лица – то Лилей зряся;
На румяность буде зришь – розы той красятся;
Обе превосходно в ней краски те играли,
Обе несравненно ту в жизни украшали.*

В.К. Тредиаковский. Элегия

В литературе XVIII века, как и в древнерусской, в значении красного употребляется прилагательное «червлёный», но уже параллельно с «красным» в значении цвета.

Славяне, наблюдая течение года, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы: Генварю - Просинец (вероятно, от синеты неба), Февралю - Сечень, Марту - Сухий, Апрелью - Березозол (думаю, от золы березовой), Машю - Травный, Июнью - Изок (так называлась у Славян какая-то певчая птица), Июлью - Червен (не от красных ли плодов или ягод?)... (Н.М. Карамзин. История государства российского).

Не изменилась, по сравнению с текстами древнерусской литературы, и частотность использования слова «красный» в значении «красный=красивый» – приятный для глаза, богатый, и «красный=красивый» – яркий, солнечный, теп-

лый, погожий. Такое употребление, например, находим в произведениях Н.М. Карамзина.

*Олег, следуя за течением Днепра, возлюбил **красные** берега его и в благословенной стране киевской основал столицу своего обширного государства* (Н. Карамзин. История государства Российского).

*Друзья! прошло **красное** лето, золотая осень побледнела, зелень увяла <...> Дуб и береза **пылают** в камине нашем — пусть свирепствует ветер и засыпает окна белым снегом! Сядем вокруг **алого огня** и будем рассказывать друг другу сказки и повести, и всякие были* (Н.М. Карамзин. Остров Борнгольм).

Как видим, в литературе XVIII века, как и в древнерусской, широко используются для обозначения красного цвета и его оттенков не только слова с корнем «крас-», но и другие вербализаторы концепта.

*Алая заря не угасла еще на светлом небе, розовый свет ее сыпался на белые граниты и вдали, за высоким холмом, освещал острые башни древнего замка. <...> Везде царствовала тишина, вдали шумело море, последний луч вечернего света угасал на **медных** штицах башен* (Н.М. Карамзин. Остров Борнгольм).

Румяный как оттенок красного используется говорящими в значениях «красивый, приятный, здоровый (о лице)» и «цвет, вызванный приливом крови к лицу вследствие переживания какого-либо чувства: смущения, стыда, гнева, раздражения». В следующем контексте «закраснеться» означает «испытать чувство неловкости, смущения».

*Лука покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы — и **закраснелась*** (Н.М. Карамзин. Бедная Лиза).

В субъективном восприятии конкретных говорящих красный может ассоциироваться, во-первых, не с кровью, но эта ассоциация общая не только для носителей русского языка, поэтому так часто в художественной литературе используется метафора «кровоавый=красный», где основанием переноса названия является цвет — ассоциация красного цвета с кровью, а крови со смертью, убийством и т.п.

*Настал ужасный день, и солнце на восходе,
Кровавы пропустив сквозь пар густой лучи,
Дает печальный знак к военной непогоде.*

М.В. Ломоносов. Тамира и Селим

Немало употреблений прилагательного «красный» в значении «яркий, уместный, выразительный» или «искусно-витиеватый, украшенный» в сложном образовании с корнем «речь», что также было традиционным и для древнерусской литературы.

*Историк России <...> написал бы легко 200 или 300 **красноречивых**, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя. <...> Древние имели право вымышлять речи согласно с характером людей, с обстоятельствами, пользуясь этим правом, Ливий обогатил*

свои книги силою ума, **красноречия**, мудрых наставлений (Н.М. Карамзин. История государства российского).

Литература XVIII века продолжает традицию использования вербализаторов концепта «красный», но по сравнению с древнерусской литературой расширяет их круг за счет употребления прилагательного «красный» в значении цвета (чего нет в текстах, написанных до XV – XVI веков). Современный объем смыслов концепта «красный» во многом определяется значением цвета. Смысл «революционный» и «советский» ассоциативно связан именно с красным цветом – цветом Великой французской революции. Это в советскую эпоху термины «красные» и «белые» предсказуемо ассоциировались с гражданской войной в России. А до 1917 года термины «белые» и «красные» были соотнесены с другой традицией, другой гражданской войной. Начало – Великая французская революция. Противостояние монархистов и республиканцев. Как известно, на рубеже XIX—XX веков многие социалисты объявляли себя наследниками коммунаров. А в начале XX века таковыми называли себя прежде всего большевики, коммунисты. Они и красное знамя считали своим.

В русской литературе смысл «революционный» в связи с концептом «красный» и оценочные вербализаторы этого смысла появились в произведениях писателей первой половины XIX века. Революция во Франции стала для русских писателей романтической эпохи великим историческим уроком, научила их видеть в изменчивых судьбах стран и народов железную цепь трагических закономерностей. Этот переворот воспринимался русскими писателями прежде всего как пророчество, был понят ими как трагическое предостережение. Понимание того, что революция несёт с собой не свободу, а кровь невинных людей, заставляет А.С. Пушкина использовать в стихотворении, посвященном казненному поэту Андре Шенье (в котором Пушкин видел порождение революции и ее жертву), ассоциирующиеся с красным понятия «топор», «убийца». Красная гвоздика – символ Французской революции – в результате становится символом насилия и несправедливости, а следовательно, и красный цвет в сознании современников связывается с жертвенной и напрасно пролитой кровью. Именно кровь становится новым символом революции, а лексема - частотным вербализатором концепта «красный».

*...А ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу **кровь**, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный <...>
Меж тем как нищих буйный миллион
Кричал, смеясь: «Да здравствует закон!» -
И, в недостатке хлеба или злата,
Просил одной лишь **крови** у Марата.*

А.С. Пушкин. Андре Шенье. 1825 г.

Та же ассоциация «красный=революционный=кровавый» и у Лермонтова. Если бы русский народ в массе своей в начале двадцатого века не представлял собой «нищих буйный миллион», вслушался бы в строки лермонтовского «Предсказания», то, возможно, для россиян красный цвет не стал бы настолько трагичным, эквивалентом смысла «революционный», а вербализаторами его в произведениях художественной литературы были бы иные слова.

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет **смерть и кровь**;
Когда детей, когда невинных жён,
Низвергнутый, не защитит закон; <... >
И станет глад сей бедный край терзать;
И **зарев** окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! Твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем...*

М.Ю. Лермонтов. Предсказание. 1830 г.

Ассоциативная цепочка «революция («царей корона упадёт») – кровь (смерть) – красный («зарев окрасит»)» поддерживается в рассуждении поэта оценочным планом, передающим негативное отношение автора к предмету речи. Отрицательная оценка выражена словами: смерть, горе, низвергнутый закон, плач, стон, ужасно, мрачно, России чёрный год.

Итак, «красный» в значении «революционный» уже в первой половине XIX века приобрел смысл «трагический, опасный, тревожный, кровавый». Однако употребление концепта «красный» в русской литературе XIX века, естественно, не ограничивалось связью с революционным смыслом. В произведениях писателей как первой, так и второй половины XIX века «красный» используется в уже описанных нами значениях.

*«Я вас люблю, – сказал Бурмин, – я вас люблю страстно...» Мария Гавриловна **покраснела** и наклонила голову ещё ниже* (А.С. Пушкин. Повести Белкина).

Краснеть – становиться красным от прилива крови к коже; покрываться румянцем. Перен. Стыдиться, смущаться [2, II, 121].

*Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. **Красный** дым вился над кровлею. Стёклы трещали, сыпались, **пылающие** брёвны стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите!» – «Как не так, – сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на **пожар*** (А.С. Пушкин. Дубровский).

В данном контексте значение прилагательного «красный» – цвета огня, пламени. Вербализаторами этого смысла являются и слова «пылающие», «пожар»,

т.е. «красный» в данном случае называет один из оттенков цвета. В этом же смысле может употребляться и прилагательное «огненный».

Он сопровождал стоявшей впереди его на тротуаре девушке, лет пятнадцати, одетой как барышня, в кринолине, в мантильке, в перчатках и в соломенной шляпке с огненного цвета пером; всё это было старое и истасканное (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Огненный – цвета огня, пламени, ярко-красный, оранжево-красный [2, II, 585]. В словаре В.И. Даля этот цвет назван как «ярко-рыжий, красный» [1, II, 645]. Красный цвет в одежде означает праздничность, торжественность или используется как средство привлечения внимания, тогда он может восприниматься как агрессивный или просто вульгарный. До наших дней сохранилось оценочное отношение к любителям красного цвета: «дураки любят красное». Так, например, в XIX веке о кружке московских западников, собиравшихся в салоне Е.В. Салиас де Турнемир на улице Швивая горка, сказал Николай Федорович Щербина:

Монтаньяры Вишовой горки! «Красный цвет лишь дурню мил!» (Эпиграмма «Московским красным». 1858 г.).

Таким образом, в русской литературе XVIII – XIX веков вербализованная часть концепта «красный» расширилась: увеличился объем содержания и количество вербализаторов, передающих в речи как новые, так и старые смыслы, связанные с представлением говорящих о красном.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. М.: Русский язык, 1978-1980.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988.

Г.И. Сапожникова

Кафедра иностранных языков гуманитарных специальностей

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Одной из актуальных проблем современности, интересующих ученых и практиков в настоящее время, стало культурное образование, т.е. не просто образование, а образование на основе передачи не только знания, но и культурного пласта, накопленного человечеством. И это понятно, ведь культура – это один из существенных признаков человеческого общества. Только человек из биологических существ на земле обладает способностью к мышлению, накоплению продуктов своего труда и передачу всего накопленного опыта своим потомкам.

Культура – это зеркало прошлого и настоящего, это возможность прогнозирования путей развития наций и общества. Ученых-лингвистов особенно интересует проблема соотношения культуры и языка. Многие из них утверждают, что именно язык является одной из важнейших составных культуры, а есть и мнение, что только в форме языка культура находит свое выражение. «Под именем языка мы преподаем культуру», – пишет А.А.Леонтьев. Э.Сепир писал: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык есть то, как думают». В последнее время распространилось понимание культуры как системы знаков, которая может использоваться как средство общения. Каждая культура – это закодированная система, коды которой необходимо расшифровать. Другая культура, как отмечал Ю.Лотман, – это память, закодированная реальным языком. «Язык – это код плюс его история». Таким образом, язык и культура являются равноправными, взаимообусловленными, взаимовлияющими объектами изучения.

Знакомство с любой культурой будет неполным и даже поверхностным, если не обратиться к складу мышления нации. Национальный склад мышления зафиксирован в национальном языке. Следовательно, проникнуть в образ мышления нации можно только, познав содержание этого мышления. В науке даже долгое время господствовало мнение, что процессы человеческого сознания носят в основном вербальный характер. Значит, культура находит свое выражение в языке. Человеческий язык выполняет, как минимум, три основные функции: социальную функцию общения, семиотическую функцию репрезентации явлений различной природы и когнитивную функцию формирования мысли (Г.В.Елизарова). Каждый язык – это способ фиксации всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества в мире. Такое универсальное знание есть результат работы коллективного сознания, что передается языком. По высказыванию академика В.Н.Топоркова, «история, культура, национальное мироощущение – все в языке». Прав К.Д.Ушинский, утверждая, что язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, исторически живое целое. В этом плане проблема взаимодействия языка и культуры представляется наиболее закономерной и плодотворной.

Данная проблема стала предметом изучения таких ученых, как И.Гербер, В.фон Гумбольдт, которые отмечали активное и конструктивное свойство языка и его способность воздействовать на формирование народной культуры, психологии и творчества. Язык, по своему происхождению, связанный с культурой, отражает все ее развитие и совершенствуется или угасает вместе с ней. В.Гумбольдт считал изучение языка наиболее плодотворным путем к разгадке тайны человека и характера народов. «Язык нельзя рассматривать как протяженное, обозримое во всех своих частях вещество или постепенно сообщаемый нам материал, но его следует рассматривать как вечно создающийся, как такой, где законы творчества определены, но совершенно неопределенным остается объем и в известной мере также вид созданной продукции ... Подобно тому, как отдельный звук занимает место между предметом и человеком, так и весь язык находится между ним и воздействующей на него внутренне и внешне природой. Он

(т.е. человек) окружает себя миром звуков для того, чтобы принять в себя мир предметов и переработать его».

Одним из ярчайших примеров развития культуры под влиянием иностранного языка является XVIII век, явившийся для русской культуры эпохой наибольшего приближения к западным нормам и ценностям, которые формировались под влиянием европейских языков. Эпоха Петра I связана с процессом переустройства административной системы, развития военно-морского флота, торговли, фабрично-заводских производств. Реформы в области образования и были обусловлены этими прагматическими потребностями в людях, способных обеспечить прогресс в этих сферах. Все это сопровождалось появлением новой терминологии, частично заимствованной из английского, немецкого, голландского языков, частично созданной на основе русского языка. Например: бриг, мичман, баржа, бот, шхуна из английского; баркас, штоф, штольня, шахта, формуляр, цех, бухгалтер - из немецкого. Иностраный язык становится языком познания, средством получения научной информации, мощным средством интеллектуального развития. Просветители XVIII века рассматривали процесс проникновения иностранного языка как необходимое условие приобщения России к общеевропейской культуре. Язык позволил человеку ощутить свою принадлежность к мировой истории.

Но возможно ли взглянуть на мир глазами другой культуры? Взаимопроницаемы ли понятийные миры, образуемые разными языками? Вопрос о взаимопроницаемости языков и культур связан с вопросом о едином понятийном базисе человеческого сознания, о так называемом «психологическом единстве человечества». Так, А.Вежбицкая пишет: «Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура». Однако общий базис - лишь часть национального языка, и причем наименее интересная для носителей другой культуры. Постигаемость иноязычной картины мира может быть достигнута ценой колоссальных интеллектуальных и эмоциональных усилий, поскольку предполагает формирование в сознании постигающего второй языковой личности. Чужая культура воспринимается через язык. Человек воспринимает мир с помощью родного языка. Изучение иностранного языка расширяет эту модель. Каждый изучаемый иностранный язык расцветивает мир новыми красками. В таком диалоге культур формируются умения в познании собственной культуры и культуры других народов. Еще Гете сказал: «Невозможно понять родной язык без знания чужого».

Это видение «культуры через призму другой создает образование «третьей культуры личности» (H.Hunfeld) – промежуточное положение между своей и чужой культурой. Но осуществить диалог можно лишь на базовой культуре личности и на базовых знаниях родного языка. Под базовой культурой личности понимается «необходимый минимум общих способностей человека, его ценностных представлений и качеств, без которых невозможна как социализация,

так и оптимальное развитие генетически заданных дарований личности» (О.С.Газман). А.Л.Бердичевский прослеживает путь формирования «третьей» культуры личности через базовую культуру и межкультурное обучение.

«Третья» личность должна владеть не только языковыми средствами, необходимыми для общения, но и общими для участников акта общения так называемыми фоновыми знаниями. Вполне можно согласиться с утверждением Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова о том, что каждое человеческое сообщество владеет как бы четырьмя группами подобных фоновых знаний. К первой они отнесли общечеловеческие понятия, к которым были причислены такие, как «солнце», «воздух», «ветер» и т.п. Ко второй группе, по мнению этих авторов, относятся фоновые знания о специфических понятиях, характерных для всех членов определенной этнической и языковой общности. Для русских это «валенки», «самовар», «щи», для немцев «Eintopf» (обед из одного блюда). Знаменитое русское приглашение «на чай» может относиться к любому времени дня и ночи и включать в себя не только чай, немецкое же приглашение на «Nachmittagskaffee» это только послеобеденное время и только кофе с кексом или печеньем. Третью группу составляют социально-групповые фоновые знания, т.е. знания, характерные для социальных групп (врачей, инженеров, педагогов и т.д.). Четвертую группу составляют региональные знания, связанные с особенностями региона. Таких очень много в немецком языке. Например, сливки в северной Германии “Sahne”, в южной “Rahm”. В совокупности фоновые знания составляют языковое сознание.

Здесь мы подходим к очень сложному аспекту изучения иностранных языков, т.е. приобщение к языковому сознанию народа, язык которого мы изучаем. В языковое сознание включается и компонент формирования нового иноязычного мышления. Но идея о формировании нового иноязычного мышления (в формулировке проф. Б.В.Беляева «владеть иностранным языком - мыслить на нем») сейчас не часто встречается в методической литературе. Методические пути формирования иноязычного мышления не пошли дальше общих лозунгов. Почему? Во-первых, наукой так и не было доказано, что человеческие сообщества обладают разным мышлением. Во-вторых, при наличии разных систем понятий вряд ли был бы возможен синхронный перевод.

Хотелось бы сказать также об одном из важнейших условий овладения межкультурной коммуникацией. Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. Вот почему преподавание иностранных языков должно быть основано на сопоставлении с родным языком и культурой. Слабо ориентируясь в структурах родного языка, иногда абсолютно невозможно понять структуру иностранного языка. Не владея общим культурологическим базисом своей страны, невозможно полностью войти в культуру другого народа. «Только с уровня знания по крайней мере двух языков и двух культур открываются некие скрытые свойства и соответственно скрытые трудности, которые не видны с уровня одного языка – позволяют сделать один важный практический вывод: носители языка, преподающие свой родной язык как иностранный и не знающие родного языка своих учащихся, не видят ни скрытых свойств ни скрытых

трудностей» (С.Г.Тер-Минасова). В заключение приведем высказывание академика Л.В.Щербы. Он утверждал, что изучение иностранного языка позволяет обучаемому «осознать свое мышление». Думается, что можно дополнить это высказывание. Обучаемый осознает и особенности восприятия мира представителями родного и изучаемого языков, т.к. язык – это зеркало, показывающее не мир вообще, а мир в восприятии человека, через призму его культуры.

Список литературы

1. Библер В.С. Диалог культур и школа XXI века//Школа диалога культур. Идеи, опыт, проблемы. – Кемерово: АЛЕФ, 1993.
2. Бердичевский А.Л. Содержание обучения ИЯ на основе базовой культуры личности//ИЯШ. – 2004.- № 2.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
4. Миронов В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры//Альма матер (ВВШ)- 2005.- № 4.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.:Slovo, 2000.

Т.М. Смакотина

Кафедра иностранных языков естественнонаучных специальностей

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РАСЩЕПЛЕНИЕМ (CLEFT-SENTENCES) В АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ

Предложения с расщеплением являются сложными построениями, в которых синтаксическая структура двухчастна, но они представляют собой семантические эквиваленты простых предложений. Назначением подобных конструкций является выделение, акцентуация того аспекта содержания высказывания, который наиболее важен для говорящего в данной ситуации. Известно, что предложение может образовывать варианты, связанные с реализацией различных коммуникативных заданий, которые называются коммуникативными вариантами предложения [1, 91-92] или коммуникативными модификациями [2, 182]. Коммуникативный вариант есть не что иное как предложение, реализующее своё содержание в актуальном для говорящего аспекте.

Выделительная функция расщеплённых предложений заключается в том, что коммуникативно-значимая, рематическая часть акцентируется. Комментируя выделительную функцию расщеплённых предложений, Дж.Лич и Я.Свартвик отмечают, что она основана на контрасте, который создаётся расщеплением предложения на две части. При этом авторы указывают только два типа структур: 1) it-type и 2) wh-type.

“Normal pattern

We need more time

Cleft sentences

It’s more time that we need (it -type).

What we need is more time (wh-type).

More time is what we need (wh-type)”[3, 163].

За предложениями второго типа, так называемыми *wh-clefts*, закрепляется также термин *pseudo-clefts*, псевдорасщеплённые предложения. В предложениях первого типа выделяемый компонент употреблён в той же части, что и формальное подлежащее *It*, что делает главную часть предложения самостоятельной синтаксической единицей. Что касается предложений второго типа, то ни одна из формально выделяемых частей синтаксической структуры не обладает самостоятельностью, не может функционировать как самостоятельная синтаксическая единица, расщепление делит синтаксическую структуру на две части лишь условно. Этим обстоятельством исследователи объясняют термин «псевдорасщеплённые предложения» [4, 97].

Появление такой модификации, когда простое предложение структурно расщепляется на две части, объясняется определёнными коммуникативными целями, стремлением говорящего сообщить информацию более точно. Это эмфатические конструкции, сложная организация которых направлена на выделение какого-то компонента высказывания. Наряду с другими эмфатическими конструкциями, они могут быть объединены в коммуникативно-экспрессивную парадигму предложения, дифференцирующим признаком которой является способ выделения компонента высказывания.

Наше исследование показывает, что аналогичная интерпретация может быть распространена на специфический тип сложных предложений с десемантизированным условным союзом *if*, которые имеют ряд общих черт с расщеплёнными предложениями.

А) Они являются семантическими эквивалентами простых предложений:

If I feel sorry for anyone, it's Norman (Auckbourn) = I feel sorry for Norman.

Б) Выделяемая часть выражена словами в позиции либо предикатива, либо подлежащего:

If there was any joke, it was on me (One-act Plays).

If anyone is honest, Tullo is (Stewart).

В) Выделяемая часть вне зависимости от того, находится ли она в позиции подлежащего или предикатива, всегда соотносится с семантически опустошённым глаголом-связкой *be*:

If there's one thing I like, it's a blue bathing suit (Salinger).

Условное значение сложных предложений с союзом *if* данного типа в значительной степени ослаблено. Переосмысление структурных связей, разрушение отношения «условие - обусловленное» подтверждается позиционной стабильностью частей сложного предложения, невозможностью замены союза другим коннектором условного значения, невозможностью постановки вопроса к придаточному предложению, вводимому союзом. Предложения могут рассматриваться как псевдоусловные. Десемантизация союза *if* связана с тенденцией к фразеологизации некоторых построений, имеющих форму сложноподчинённого предложения.

Выделительная функция рассматриваемых предложений с союзом *if* поддерживается соотношением содержания составляющих их частей, как соотношении-

ем общего и частного. Первое предложение, вводимое союзом, имеет обобщающее значение. Его обобщающее, неопределённое значение уточняется, конкретизируется во второй части сложного предложения, что способствует осуществлению выделительной функции. Именно во второй части содержится конкретное сообщение, которое с коммуникативной точки зрения наиболее важно. Если в первой части рассматриваемых сложных предложений объект речи только номинируется, называется, то во второй части объект речи идентифицируется, соотносится с конкретным референтом.

Обобщающее значение придаточного предложения, вводимого союзом *if*, создаётся с помощью различных факторов: синтаксических, морфологических, лексических.

К синтаксическим факторам относится сочетание *there+be*, образующее так называемые бытийные предложения:

If there's one thing in the world...

If ever there was an innocent man ...

If there was any joke ...

Спецификой бытийных предложений в данном микроконтексте является значение существования какого-то объекта без указания конкретного места и определённого времени. Об этом свидетельствует отсутствие обстоятельств места и времени с конкретным значением. Обобщающее, неопределённое значение заключается в том, что содержание предложения не соотносится с определённым референтом и не идентифицирует объект речи.

К морфологическим факторам относится настоящее или прошедшее неопределённое время глагола-связки *be*, также способствующее созданию генерализирующего значения. Это обусловлено способностью данной временной формы передавать всевременное значение, действие, нелокализованное во времени, создающее неконкретность временной характеристики.

К лексическим факторам относятся существительные широкой семантики *thing, person, type, world*, которые создают обобщённость содержания предложения; неопределённые местоимения *anyone, anything, any*, создающие широкую референциальную соотнесённость высказываемого, допуская идентификацию объекта речи с неким неопределённым или даже любым референтом; неопределённый артикль в классифицирующем значении перед существительным в позиции подлежащего, который относит предмет к классу подобных предметов, не идентифицируя его.

Все эти синтаксические, морфологические и лексические факторы, действуя в совокупности, создают обобщающее значение в микроконтексте придаточного предложения, вводимого десемантизированным союзом *if*, что в свою очередь создаёт контраст в содержании частей (придаточной и главной) таких предложений и способствует осуществлению ими выделительной функции.

В главном предложении выражается конкретное, уточняющее значение, контрастирующее с первой частью (придаточным предложением) в плане содержания как частное с общим. Подлежащее выражается местоимениями *it, that*, кото-

рые являются здесь средством анафоры. Они выполняют дейктическую функцию, связывая сообщаемое с объектом речи, названным в самом общем виде в первой части сложного предложения и создавая определённое ожидание его последующей конкретизации.

If there's one thing I can't abide that's mental cases (Modern English Plays).
that = one thing (I can't abide)

Сказуемое является составным именным по своей структуре, с точки зрения семантики – идентифицирующим. Предикатив выражается либо существительным идентифицирующей семантики, либо местоимением в дейктической функции.

If he's got eyes for anyone, it's Frederica (Modern English Drama).

If ever there was an innocent man, it's you , Mr. Jimson (Cary).

Таким образом, в главном предложении создаётся благоприятный микроконтекст для формирования конкретного, идентифицирующего значения. Именно в главном предложении, всегда занимающем вторую позицию в сложных предложениях анализируемого типа, предмет речи соотносится с конкретным референтом.

Суммируя результаты анализа, можно сделать вывод о том, что характеристика выделительных структур, оформленных в виде сложноподчинённого предложения с союзом *if*, сводится к следующим параметрам:

структурные – расщепление предложения на две части, псевдоусловную и формально главную;

семантические – контрастная соотнесённость содержания частей предложения с обобщающей семантикой и конкретизирующим сообщением;

номинативные – в первой части предложения предмет речи номинируется, во второй части предмет речи соотносится с конкретным референтом и тем самым идентифицируется.

Союз *if* утрачивает своё условное значение и становится маркером определённой экспрессивно-выделительной структуры, близкой по своим структурным, семантическим и функциональным характеристикам к предложениям с расщеплением (*cleft-sentences*). Такие предложения занимают особое место в системе английского языка и могут рассматриваться в одном ряду с другими эмфатическими конструкциями, служащими для выделения какого-то элемента высказывания. Рассмотренные конструкции могут быть определены как коммуникативные модификации исходных синтаксических структур: *it-type*, *wh-type*, *if-type*. Дифференцирующим признаком для них является актуальное членение и способ выделения компонента высказывания.

Предложения с расщеплением данных трёх типов широко представлены в английских художественных текстах. Что касается научных текстов, в них предложение отдаётся структуре *it-type*.

It is at just this point that logic of probability comes to our rescue [5, 189].

It is the Greeks that we owe the first rigorous and coherent theory of ratios of magnitudes [5, 58].

При этом коннектор между частями сложной структуры может иметь варианты: *that*, *who*, *which*, *when*.

... it was he who gave it prominence by treating the calculus as a formal theory of functions [5, 105].

... it is the theory of probability which forms its base (math statistics' base) [5, 189].

Данная усилительно-выделительная синтаксическая конструкция при переводе на русский язык заменяется лексическими единицами: именно, только, это, как раз.

It is this last category that is of interest to us. = Именно эта последняя категория представляет для нас интерес [6, 18].

Можно отметить, что клефт как специфическая разновидность сложноподчинённых предложений, в которых собственно главная часть относится к реме, а зависимая – к теме, в русском языке применяется реже: Что касается меня, то я ухожу [7, 446].

Предложения с расщеплением представляют интерес с точки зрения их участия в реализации замысла автора и установления динамических отношений между автором и реципиентом. Сама структура клефта способствует созданию структурного и коммуникативного напряжения, возникающего на базе коммуникативной установки автора. Можно сделать вывод, что применение предложений с расщеплением входит в стратегию автора и способствует созданию напряжённости, которая рассматривается в настоящее время как текстовая категория и определяется как модель определённых коммуникативных отношений реципиента и отправителя текста [8, 356].

Список литературы

1. Русская грамматика: В 2 т./Гл. ред. Н.Ю.Шведова.-М.:Наука,1982.-Т.П.-Синтаксис.
2. Золотова Г.А. Коммуниктивные аспекты русского синтаксиса.-М.:Наука,1982.
3. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English.-Moscow: Prosveshcheniye,1983.
4. Болдовская Н.В. Структура и семантика предложений с расщеплением в современном английском языке // Структура и семантика простого, сложного и осложнённого предложения.- Л.,1988.
5. Дорожкина В.П. Английский язык для студентов-математиков и экономистов:- М.: Изд-во Астрель, Изд-во АСТ,2004.
6. Рубцова М.Г. Чтение и перевод научно-технической литературы.-М.:Изд-во АСТ, Изд-во Астрель,2002.
7. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. - :М.:Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
8. Юдина Т.В. Коммуникативно-прагматический аспект категории напряжённости /Studia Linguistica X11. Перспективные направления современной лингвистики: Сборник. - СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И.Герцена, 2003.

«ДРУГОЙ», ИЛИ О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЕРМАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ)

Взаимосвязь культуры и коммуникации в современном историческом контексте – аксиома, не требующая каких-либо доказательств: культура обуславливает коммуникацию, а коммуникация продуцирует культуру [1, 3]. Межкультурная коммуникация понимается достаточно широко, т.к. при этом имеют в виду реальный процесс общения между этносами в различных сферах и дисциплину «Cross-cultural communication». Мы исходим в данной статье из понимания межкультурной коммуникации как диалога культур. Чтобы избежать столкновения или конфликта («Clash of Cultures»), необходимо понимание того, что собственная культура – одна из многих культур, имеющих такое же полное право на существование. При этом важно не только осознать равноправие и многообразие культур, но и прилагать определенные усилия поставить себя на место «другого», каким является представитель чужого этноса. «Es gilt zu lernen, die Gründe und Motive nachvollzuziehen, die das Verhalten und die Handlungen von Menschen aus anderen Kulturen verständlich machen und sie – zumindest in Bezug auf die eigene Lebenssituation- rational erscheinen lassen» [3, 15].

Позволим себе небольшое отступление в связи с идеей диалога. Своим появлением диалог обязан античному греческому театру, на сцене которого происходил захватывающий обмен различными точками зрения между актерами и публикой. В качестве посредника между ними выступал хор, критикующий и комментирующий это действие [Kleinstüber]. В основе этого диалога была дифференциация «своего» и «чужого». Жизнь представлялась во всем ее многообразии, однако диалог мог быть при этом нацелен на различное решение - успешное, и тогда это была комедия, или все могло закончиться катастрофой, как в трагедии.

Перенесемся в сегодняшнюю реальность - подобная модель коммуникации также имеет место, причем, в качестве сцены можно рассматривать средства массовой информации (СМИ), прежде всего – прессу. В роли посредников между культурами выступают журналисты. При этом от тематики и содержания материала, формы его подачи, языкового оформления зависит многое, так как публикации могут способствовать взаимопониманию представителей различных культур, поддерживая стремление «услышать» «другого», или наоборот - посеять рознь и непонимание. Трудно не согласиться со следующим мнением, высказанном Геертом Хофстеде относительно межкультурной коммуникации:

«Interkulturelle Kommunikation beginnt mit dem Bewusstwerden: Erkennen, dass ich durch die Umgebung, in der ich aufgewachsen bin, mit einer mentalen Software ausgestattet bin, und das andere, die in einer anderen Umgebung aufgewachsen sind, aus genauso Gründen mit einer anderen mentalen Software programmiert sind» [цит. по: 4, 3]. Релевантным является сам факт признания и осознания существования «другого» с присущим только ему менталитетом, иной культурой.

В современном мире, и Германия не является исключением, происходит дальнейшее расширение экономических, политических и культурных связей между странами. Результативность этих связей во многом, как показывает практика, зависит от информированности и от знаний о «другом», его особенностей. Не меньшую роль в процессе межкультурной коммуникации играет адекватное восприятие «другого» на «внутренней сцене» (внутри страны), при этом в роли «другого» выступают не только этнические меньшинства, проживающие в Германии (сорбы, фризы), но и мигранты – выходцы из Восточной Европы, Турции, России, Италии, Африки и других стран. Одна из целей – межкультурная интеграция переселенцев в немецкое общество, обоюдно важная для успешного сосуществования представителей различных культур в немецком национальном пространстве. Какова же ситуация с межкультурной интеграцией в сегодняшней Германии, в новом историческом контексте? Насколько толерантно немецкое общество по отношению к другим культурам?

Отмечается тот факт, что в Германии, как и в Австрии (по мнению Йорга Беккера), межкультурная коммуникация в качестве научного и педагогического концепта играла пока незначительную роль по сравнению с другими странами. Причины этого относительно Германии следующие:

- 1) 12 лет нацистского режима свели к минимуму внешние контакты;
- 2) 40 лет активного колониального опыта не позволили Германии приобрести традиции межкультурной коммуникации;
- 3) являясь крупной экономической державой, Германия не столь активно, как, например, менее сильные в экономическом отношении страны, заботилась о коммуникации в этой сфере;
- 4) четвертая, наиболее актуальная для нас причина, заключается в том, что по сравнению с другими европейскими странами Германия имеет самый незначительный опыт относительно этнических меньшинств. Если, например, в Италии на 60 миллионов жителей приходится 3 миллиона не-итальянцев, то в Германии из 80 миллионов – только несколько тысяч представителей иных культур, среди которых фризы, датчане и сорбы.

Интересен, на наш взгляд, тот факт, что Германия – одна из немногих стран в мире, где такие понятия, как государство, нация, культура и язык – конгруентны, выражаясь математическим языком, то есть полностью соответствуют друг другу по объему. Исключение при этом составляют несколько тысяч упоминавшихся выше этнических меньшинств, тем не менее их национальный язык и национальная культура заслуживают должного уважения со стороны немецкого этноса.

Обратимся к конкретным примерам, чтобы дать ответы на поставленные

(см. выше) вопросы. Учитывая рамки статьи, не будем приводить все лексико-семантические варианты лексемы «чужой» - «fremd», заметим лишь то, что во всех рассмотренных нами контекстах актуализируется архисема «другой»:

- тот, кто не относится к нашей группе;
- кто не такой, как мы (внешность);
- кто по-иному ведет себя;
- кто по-иному мыслит.

Какими же лексемами вербализуется понятие «другой»? Прежде всего встречаются нейтральные имена для мигрантов или переселенцев: Afrikaner, Italiener, Türken, Russen и т.д. Определенные семантические «нюансы» характерны для таких обозначений, как: Ausländer, Aussiedler, Gastarbeiter, Asylant, Andere Deutsche, Deutschland – Neulinge. В ряде случаев имплицирована определенная доля неприятия «чужаков» со стороны этнического большинства: Polacken, Kanaken, Vimbos. Встречаются и шуточные имена, демонстрирующие явную симпатию: «Zugereiste». При отнесении к «другим», как справедливо отмечается [5], не ограничиваются указанием на один какой-то признак, как правило, учитывают и физиологические признаки, и язык, и культуру. Можно сказать, что при выборе того или иного имени большую роль играет отношение к переселенцам, чувства и намерения. Таким образом, межкультурная коммуникация релевантна не только в интернациональном масштабе, но и внутри государства.

Особую актуальность данное суждение приобрело в последние десятилетия, которые, как известно, «пронизаны» осознанием и обузданием двух противоречивых тенденций: с одной стороны, наметившиеся интеграционные и унификационные процессы, с другой стороны, углубившаяся культурная дифференциация и автономизация народов и культур. По справедливому замечанию многих исследователей, данные тенденции особенно заметны в медийном дискурсе. Прежде всего СМИ формируют общую информационную культуру общества, являясь «основным фактором массового общественного поведения» [2, 4]. Основная роль в указанных выше процессах принадлежит стратегиям и моделям репрезентации «своего» и «чужого». От того, как преподносятся в СМИ (в нашем случае – немецкой прессе) «другие», в каких контекстах рассматриваются проблемы, связанные с мигрантами, зависит и отношение к «другим» со стороны коренного этнического большинства. Очень важно разобраться в том, что скрывается за понятиями «толерантность», «диалог», «дружба народов» и убедиться, что слова, объективирующие их, не просто риторика.

В 2000 году было проведено социологическое исследование [Jörg Becker, 9], как представлен образ «другого» в немецкой прессе. Результаты были мало утешительны, т.к. мигранты выступали как некая безликая масса – «körperlose Masse», причем внимание им уделялось в исключительных случаях, когда они либо становились жертвами дискриминации, либо сами являлись преступниками. Данные выводы были сделаны Б. Мейснер и Г. Рурманном на основе изучения публикаций в газете «Thüringer Zeitung» за 1994-1999 годы.

Таким образом, выбор тематики и презентация материала создавали скорей

негативный образ мигрантов. Интересным показалось посмотреть, сохранилась ли подобная тенденция в последующие годы: для этого мы проанализировали публикации в немецкой прессе, касающиеся мигрантов в Германии. Следует заметить, что в силу ограниченного доступа к немецкой прессе выборка не столь велика, как хотелось бы для более убедительных выводов. Проанализированы материалы в следующих немецких изданиях: *Berliner Zeitung*, *Der Tagesspiegel*, *Frankfurter Rundschau*, *Hannoversche Allgemeine Zeitung* – около 20 статей в период 2002-2005 годы.

Обратимся к тематике публикаций, которая весьма разнообразна: образование, бизнес, культура, возможности и условия успешного сосуществования в немецком обществе. Авторы пытаются создать, на наш взгляд, положительный образ мигрантов, не приукрашивая при этом существующую действительность со всеми позитивными и негативными сторонами.

Так, в статье «*Der afrikanische Traum*» (газета «*Tagesspiegel*») речь идет о Техническом университете в Берлине, знаменитом тем, что здесь обучаются иностранные студенты из 130 стран и мигранты, так называемые «*Andere Deutsche*» (имеются в виду мигранты во втором и третьем поколении). Подчеркивается мысль о том, что межкультурная интеграция пока едва ли имеет место, в отличие, например, от Университета в Кембридже, одна из причин – настороженность немцев (в данном случае немецких студентов) по отношению к «другим». Высказывание «*irgenwelche Austauschstudenten*» имеет определенный подтекст, указывающий на нежелание общаться с «какими-то» иностранцами со стороны немцев-студентов, образующих, по словам автора, «*deutsche Insel im FoYe*» - «немецкий остров в фойе университета». Таким образом подчеркивается стремление последних не «впускать» в свой круг приезжих. Студенты – выходцы из семей мигрантов названы здесь «*Bildungsinländer*», это имя является синонимом имени «*Andere Deutsche*». Подчеркиваются иные внешние данные «других» – «*asiatisch, orientalisch, afrikanisch aussehende Studenten*» или: «*der gefühlte Ausländeranteil*» – казалось бы, замечания по поводу внешности студентов-мигрантов и студентов-иностранцев весьма нейтральны, но возникает вопрос относительно этики, почему надо эксплицитировать физиологические данные? Почему лишь относительно «других»? После прочтения остается не совсем приятный осадок, хотя и не пропагандируется расовая дискриминация. В ряде статей речь идет о бизнесе, которым не боятся заниматься мигранты, в частности, турки: «*Türken sind risikofreudige Unternehmer*» [газета «*Hannoversche Allgemeine Zeitung*», 2002].

Отмечается увеличение числа мигрантов (турок) – владельцев собственных фирм: за 15 лет почти в 3 раза. В качестве справки интересен факт репрезентации мигрантов в немецких СМИ [S. Weber–Menges : 2005]: чаще всего говорят и пишут о марокканцах, турках и выходцах из Восточной Европы.

Красной нитью проходит мысль о межкультурной интеграции, которая понимается немецкими СМИ, в том числе, представителями немецкой прессы, как «*ein Mittelweg zwischen Assimilation und Segregation*» (см. выше, там же) – «путь между ассимиляцией и сегрегацией». Чтобы помочь мигрантам, создаются раз-

личного рода агенства – «Relocation -Agenturen»), об одном из них читаем в газете «Berliner Zeitung» (2003 год). Охватываются различные уровни (возрастные и социальные), с целью помочь интегрироваться в немецкое общество, при этом акцент делается не только на необходимость изучать немецкий язык, но и немецкую культуру. Если мигрант владеет только вербально-семантическим уровнем немецкого языка, то тогда неизбежны ошибки когнитивного и мотивационного уровня. Межкультурная интеграция, таким образом, основана на единстве изучения языка и культуры, тем более, что немецкую культуру, в отличие, например, от американской, постичь сложнее, она не настолько «durchlässig» - «проницаема»: автор сравнивает немецкую культуру с кокосовым орехом - «Sie ist wie eine Kokosnuss- schwer zu durchdringen» (см. сноску выше). Около 60 % мигрантов не могут интегрироваться, когда сталкиваются с немецкой прямолинейностью (особенно скандинавы) или с одержимостью немцев к порядку и пунктуальности (представители южных стран).

В ряде случаев в статьях идет противопоставление всего немецкого (школ, образования, культуры) родному языку, родной культуре мигрантов, причем, понятие «deutsch» имплицитно только положительную коннотацию, и это выходит за рамки этики, тем более, что в новых исторических условиях Германия претендует на звание многонационального и многокультурного государства. Исходя из этого и несмотря на продолжающуюся глобализацию медийного пространства, не следует забывать о «другом», который представляет культурное многообразие. Восприятие «другого» как нормы, а не как отклонение от нормы станет в полной мере реальностью, а не только красивой игрой слов тогда, когда мигранты из «объекта» превратятся в «субъект» и будут принимать полноценное участие в жизни немецкого общества, включая деятельность и в немецких СМИ. Учитывая 3 основных момента в межкультурной или медийной интеграции – производство, содержание и пользование, можно, по мнению многих немецких ученых, констатировать активное участие со стороны мигрантов только в последнем аспекте. Межкультурная интеграция возможна лишь при использовании как немецких СМИ, так и этнических – газет, радио и телевидения представителей национальных меньшинств – мигрантов. Интегративность содержания публикаций в прессе будет достигнута, если актуальными станут статьи о необходимости переселенцев («Einwanderer») для Германии в любом отношении.

В заключение следует отметить наметившиеся, на наш взгляд, позитивные тенденции в немецкой прессе относительно «других», не являющихся ни в коей мере врагами (в отличие от традиционной оппозиции «свой» - «чужой» или «друг» – «враг»). Наша скромная картотека дает основание полагать, что количество публикаций об «иностранцах» не столь велико, однако наряду с негативными тенденциями во многих публикациях отмечается стремление создать положительный образ «других». Правда, в ряде случаев язык публикаций не всегда этичен, что усиливает содержательный негативизм. В целом, как очевидно из публикаций, можно говорить о позитивном развитии «внутренней» межкультурной интеграции и коммуникации в Германии.

Список литературы

1. Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: Учебное пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007. – 224с.
2. Петрова М.Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже 20-21 веков.: Автореф. дисс. канд. филол.наук – М.: 2006. - 25с.
3. Baumer Thomas. Handbuch interkultureller Kompetenz. – Zürich : Orell Fössli, 2002.
4. Becker Jörg. Interkulturelle Kommunikation, migrantische Selbstvergewisserung und Folgen für eine neue Medientechnik. – Innsbruck, 2005.- 13с.
5. Hermanns Fritz. Zur Konstitution von Fremdheit mittels sprachlicher Etikettierung. – Berlin, 2007. – 2с.
6. Kleinstüber Hans J. Dialogischer Journalismus. Der Kommunikator als Mediator im Dialog der Kulturen. – www.konferenz-interkulturelle-kommunikation.de
7. Weber-Menges Sonja. Die Rolle der Massenmedien bei der Integration von Migranten. – www.ringvorlesung.de

Б.В. Туркина

Кафедра русского языка

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

По наличию/отсутствию словоизменительных парадигм, по роли в предложении, по степени и характеру связи грамматических значений с фразеологическими морфологическими категориями процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния можно разделить на классификационные (залог, вид) и парадигматические (лицо, время, наклонение).

Те и другие могут объединяться в парадигмы, под которыми мы понимаем «объединение таких форм, которые не нарушают тождества процессуального фразеологизма» [1, 58]. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния образуют парадигматические формы лица, числа, наклонения, времени (рода), вида (частично), залога (частично), посредством которых выражаются разнообразные грамматические значения.

Лицо, одна из главных морфологических категорий, проявляющаяся регулярно у процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния, представлено парадигмой лично-числовых форм.

Наибольшая часть процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния имеет преимущественное употребление в форме 3 лица настоящего и будущего простого времени.

В таком случае как и разводят руками многие хорошие люди и вопрошают: «В кого он уродился?» *А. Макаренко. Книга для родителей.*

Сидоренко, главный архитектор, человек безвольный, ничего сам сдвинуть не может, малейший нажим сверху, тут же пасует и плывет по течению. П. Прокурин. *Камень сердолик*.

Фирма явно дымит и вылетает в трубу. Ф. Бурлацкий. *Испания: коррида и каудильо*.

В последний раз человек из района не на шутку накричал на них, страшая, что квартиру займут и они останутся на бобах. В. Распутин. *Прощание с Матерой*.

Отец дьякон тоже поинтересовался мной и сказал, что их Михайловский хор считается первым в городе. Я согласился, хотя и знал, что о. Иоанн и о. Дьякон ни бельмеса не смыслят в пении. А. Чехов. *Письма*.

Моя любовь к маме и Виктории, двум женщинам в целом мире, и все то, что было ... и могло быть. Как все висит на тончайшем волоске. Ю. Бондарев. *Вызов*.

Эта форма наиболее органично сочетается с субкатегориальным значением состояния [1, 71]. Отсутствие у многих процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния форм 1 и 2 лица связано с тем, что носителем состояния может быть предмет.

Ну, теперь полезут колхозы по швам, как прелая одежина! – первым высказал догадку торжествующий Банник. М. Шолохов. *Поднятая целина*.

Законы, не пользующиеся сочувствием народа, остаются мертвой буквой. Д. Писарев. *Исторические эскизы*.

Разговор оставил в душе мичмана неприятный осадок. В. Пикуль. *Крейсера*.

Частотность употребления процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния в 3 лице связана с их безличностью (отсутствием субъекта).

Мне и без того нервов не хватает. А. Малышев. *А что тут такого?*

А про себя подумал: «Вам не приходит в голову, что мой бюджет – рубль семь копеек в день, вам не приходит в голову?» М. Прилежаева. *Всего несколько дней*.

Никому и в голову не встанет,

Что солома – это тоже плоть!

Людоедке-мельнице – зубами

В рот суют те кости обмолоть!

С. Есенин. *Стихотворение*.

Руки в боки, морда плюгавая и этакое плебейство во всей фигуре... С души ворочит! Л. Леонов. *Конец мелкого человека*.

С другой стороны, максимальная активность в речевой деятельности говорящего лица, возрастание в форме 1 лица активности лица – носителя состояния делает эту форму традиционной точкой отсчета в парадигме личных форм процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния, являющейся более употребительной по сравнению с формой 2 лица.

Кто тут супротив нас – и в толк не возьму, но вижу: чести нам нет. В. Костылев. *Иван Грозный*.

Сегодня у вас одно, а завтра другое – выйдете замуж. А. Слановский. *Анкета*.

Да там с тоски умрешь. *И. Коробейников. Голубая Елань.*

Все мы за свою шкуру трясемся. *А. Степанов. Порт – Артур.*

Я разобьюсь на части, а все сделаю, абы она со мной поехала. *А. Макаренко. Педагогическая поэма.*

Но земля не небо: чем выше паришь в мечтах, тем чаще спотыкаешься на дороге. *А. Фролов. Голенастый петух.*

Половцеву и мне некуда деваться, мы идем на смерть. *М. Шолохов. Поднятая целина.*

Эта категория приспособлена для выражения состояния – процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния, имеющие полную парадигму, имеют возможность выразить состояние субъекта формой 1, 2, 3 лица.

Необходимо отметить, что у процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния формы 1 лица активнее, чем у процессуальных фразеологизмов вообще, что связано с соотношенностью состояния с субъектом-лицом.

Если появляется необходимость выразить состояние предмета, закономерно отсутствуют формы 1 и 2 лица: *книга выходит в свет, жизнь расплзается по швам, нарушения бросаются в глаза, фирма вылетает в трубу, весна ударила в колокола* и др.

Такая парадигма форм процессуальных фразеологизмов со значением состояния предмета не ущербная, она вполне достаточна по заданным параметрам. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния могут иметь как полную, так и ограниченную парадигму личных форм.

Ограничение парадигмы личных форм процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния может привести к тому, что фразеологизм потеряет категориальное значение процессуальности и перейдет в другой класс. Так, процессуальный фразеологизм субкатегории состояния **ума не приложу**, ограниченный формой 1 лица, единственного числа, совершенного вида, будущего времени, уходит в класс модальных фразеологизмов.

Морфологическая категория наклонений – одна из необходимых парадигматических категорий процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния, как и глаголы, имеют три формы наклонения – изъявительную, сослагательную и повелительную. Функционирование этих форм определяется взаимодействием семантических и грамматических факторов в исследуемом фразеологическом материале.

Формы наклонения не одинаковы в функциональном отношении. Самой активной в сфере процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния является изъявительная форма, в пределах которой функционируют формы времени.

Форма времени – одна из необходимых для создания субкатегориального значения состояния, ибо она вносит самые выразительные временные оттенки в характеристику протекания состояния – ни один процессуальный фразеологизм субкатегории состояния не остается вне категории времени.

Из всех исследуемых категорий время – самая узкая по сфере функционирования (только в пределах изъявительного наклонения), но необходимая для фор-

мирования субкатегориального значения состояния.

Самыми частотными, самыми актуальными для выражения процессуально-го значения состояния следует считать формы настоящего времени.

О, как близко говорят и идут – и никому и в голову не приходит, что делается на шаг от них, в этой белой каюте! *И. Бунин. Темные аллеи.*

Класс от удивления падает в обморок. *Г. Семенович. Новочеркасск.*

Формы прошедшего времени соперничают с формами настоящего времени в частоте употребления. Наиболее употребительной родовой формой является форма прошедшего времени среднего рода. Это связано с бессубъектностью процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния.

На днях вот не стерпела, все же дернуло ее за язык, когда он походя бросил, что вместе они, мол, до поры до времени. *В. Горбачев. За далью непогоды.*

С чего Ладушкину взбрело в голову, что можно пробурить скважины прямо с поверхности, без штольни? *А. Кривоносов. Поживем – увидим.*

Люди знают – ворочалось у него в голове. *И. Гончаров. Обломов.*

Лось покачал головой и, трогая прозрачные, восковые, лазоревые лепестки больших цветов, сказал: «Мне не приходило в голову, - для чего я лечу на Марс». *А. Толстой. Аэлита.*

Формы будущего времени самые невыразительные, так как лишены четкой временной характеристики.

В твои годы, Данюша, надо жить вовсю, не раздумывая. Много будешь думать, останешься на бобах. *А. Толстой. Хождение по мукам.*

Он правду говорит, правду. Посылайте таких адвокатов, так всегда из воды сухим выйдешь. *А. Островский. Волки и овцы.*

Повелительные формы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния обладают достаточно низкой частотностью употребления и содержат просьбу, предупреждение, реже приказ.

Милостивая государыня Наталья, не разводите сырости, внемите речам недостойного раба вашего. *Е. Маркова. Чужой звонок.*

Поплетет и поедет – развешивай уши, до утра проговорит, коли с вечера сядет. *Д. Фурманов. Чапаев.*

Нет ее, Москвы, пусть почивает себе с миром, она долго жила. *Е. Свиньина. Письма в Париже.*

Не суй нос слишком высоко, если не хочешь, чтобы тебе его прищемили. *Ю. Слепухин. Южный крест.*

Сослагательная форма процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния достаточно пассивна в функциональном отношении.

Вот я и говорю – ударился бы хоть в запой, что ли? *Е. Попов. Бессовестный парень.*

Что бы я делал без Филиппа Ивановича? Разорвался бы на две части. *Г. Троепольский. Здравый смысл.*

Моя мать умерла бы со страху. *Л. Сальников. Ринг.*

У процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния, имеющих пред-

ложенческую структуру, форма связана только с морфологическими категориями времени и наклонения.

Царь и холопам позволил... Для царя хоть какое званье, мозги бы варили. В. Дружинин. Римский орешек.

Бывает, вроде и ничего не сделала и обидного не сказала, а так за живое заденет – свет меркнет. Г. Ненашев. Столяры.

Когда Ильич в больших снегах ушел туда, где света нет, и свет померк в его очах – отсюда хлынул общий свет. Я. Снежков. Декабрь.

Большинство процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния имеет неполную в каком-либо отношении парадигму форм (если в парадигме фразеологизма невозможны или реально отсутствуют какие-либо фразеологические формы).

Кроме того, группа процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния имеет минимальный набор форм (1-2 формы). Фразеологизмы **видал(а) виды, приказал(а) долго жить**, сохраняя субкатегориальное значение, ограничены только формами 3 лица единственного числа прошедшего времени несовершенного вида; фразеологизм **гаснет с каждым днем** – формами 3 лица единственного числа настоящего времени несовершенного вида; фразеологизм **ума не приложу, в толк не возьму** – формами 1 лица единственного числа будущего времени совершенного вида.

Список литературы

1. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка.- Челябинск: ЧГПИ, 1987.- 80с.

Н.Б. Усачева
Кафедра русского языка

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Только анализ массового языкового материала позволяет сделать достоверные выводы об основных тенденциях развития языка. На базе лингвистической лаборатории имени профессора Валентины Андреевны Лебединской Курганского государственного университета создана огромная картотека фразеологических единиц, методом сплошной выборки из произведений художественной литературы и периодической печати собраны десятки тысяч употреблений.

В России не составлена до сих пор компьютерная картотека фразеологических фактов. Причин тому несколько: среди них есть собственно лингвистические: фразеологизм сложно механически вычленишь, он «рассредоточен» по контексту, подвержен вариативности и трансформациям, его невозможно выделить из текста автоматически, он может вплетаться в контекст в виде намека, загадки,

каламбура. Компьютерная разработка фразеологических материалов трудна, однако необходима.

В настоящее время компьютерные программы позволяют оптимизировать процессы сбора и анализа материала, дают возможность хранить и использовать информацию о фразеологизмах и их свойствах. Пополнение картотеки употреблений фразеологических единиц производится из электронных версий художественных текстов посредством поисковой компьютерной системы. С помощью функции «Правка. Найти» задается ключевой компонент фразеологизма, и компьютер находит в тексте все возможные варианты сочетаний с заданным словом. Один файл содержит одно употребление, это позволяет легко оперировать данными (поиск, просмотр, использование в той или иной классификации и т.д.), разграничивать свободные и фразеологически связанные значения, отслеживать количество собранных употреблений.

Накопленный языковой материал можно сортировать с помощью программы «Проводник». Для этого создаются папки и в них помещаются файлы с употреблением. Например, в папке «Классы фразеологизмов» созданы папки «Предметные фразеологизмы», «Процессуальные фразеологизмы» и т.д., в которые помещаются соответствующие употребления. В папке «Количество компонентов» созданы папки «Двухкомпонентные ФЕ», «Трехкомпонентные ФЕ» и т.д., в которых употребления сортируются уже по другому основанию.

Существует также специальная программа «Картотека». Она представляет собой набор карточек, на каждой из которых помещается одно употребление. В одном файле содержится 1200 карточек, на мониторе высвечиваются названия карточек, которые задает пользователь. Необходимую карточку можно найти с помощью функции «Поиск» по заданному ключевому слову или листать карточки по порядку. Преимуществом данной программы является то, что файл занимает всего около 200 КБ, но при этом нельзя сортировать карточки по разным основаниям, только создавать новый файл и копировать в него нужные употребления.

Эффективным для статистического анализа фразеологического материала является использование программы Microsoft Excel. В первую колонку помещаются языковые единицы, а остальные колонки озаглавливаются в зависимости от того, какие параметры необходимо исследовать. С помощью функции «Данные. Фильтр. Автофильтр» устанавливается фильтр, который дает возможность из любого столбца выбрать языковые единицы по какому-то одному параметру. При этом на мониторе высвечиваются данные о количестве выбранных единиц или их сумме, или наименьшем и наибольшем значениях.

Особенностью классификации языкового материала в программе Microsoft Excel является то, что в качестве параметров задаются не формулы, а текстовые пометки типа «одушевленное», «неодушевленное» и т.д. Для этого необходимо выделить всю таблицу и с помощью функции «Формат. Ячейка. Числовые форматы» установить текстовый формат. Если текстовые параметры слишком громоздки, их можно заменить числовым обозначением и ввести примечания.

ние с помощью функции «Вид. Примечание», в котором будет отображаться, какой текстовый параметр обозначает каждое число.

Трудно переоценить помощь компьютера при подготовке различных фразеологических словарей. Современное программное обеспечение позволяет разыскивать, сохранять, пополнять фразеологические материалы, структурировать и классифицировать большие массивы данных. Использование компьютерных программ при фразеографической разработке материала позволяет избежать тех недочетов, которыми сопровождалось составление словарей: пропуск необходимой информации, разнородное описание типологически сходных лингвистических фактов, несоблюдение единых принципов подачи материала, отсутствие тех или иных структурных элементов словарных статей и т.п.

Члены лингвистической лаборатории имени проф. В.А. Лебединской занимаются созданием частных фразеологических словарей. Существуют в традиционном, книжном и электронном виде «Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь*» (В.А. Лебединская и Н.Б. Усачева), «Словарь процессуальных фразеологизмов с компонентами *брать/взять*» (Кабыш В.И.), «Словарь фразеологизмов с компонентом *бог*» (Шведова Н.В.), ведется работа над словарями процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения (Соколова А.А.), состояния (Туркина Б.В.) и др.

Частные фразеологические словари являются не только результатом исследования сущностных свойств какого-либо объекта (единицы одного класса, единицы с одним компонентом, единицы, употребленные в произведениях какого-либо писателя и т.д.), но и средством для последующего анализа. Фразеологи стремятся полученные знания закреплять, фиксировать в словарной форме, это одна из форм обобщения результатов исследовательской деятельности, представления данных, полученных фундаментальной наукой. В то же время словарь фразеологизмов – это источник дальнейших изысканий, полезнейший инструмент научного исследования.

Создание частных, автономных словарей – необходимый этап в создании синтетического, комплексного представления о лексико-фразеологическом фонде современного русского языка, поскольку каждый такой словарь является вспомогательной «базой данных» для общего (машинного, электронного и т.п.) фонда языка.

Таким образом, компьютерные возможности обработки лингвистической информации позволяют значительно облегчить поиск, упорядочение, хранение и анализ лингвистических фактов, освобождают исследователя от трудоемкой и рутинной работы. Использование компьютерных программ позволяет создавать большие картотеки, накапливать массовый языковой материал, классифицировать его и получать точные статистические данные.

ФРЕЙМ «УПРАВЛЕНИЕ» В НАУЧНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Проблемы социума, общественных отношений, человеческой деятельности являются ключевыми для многих наук, таких как философия, социология, политология, история. Свое отражение они находят также и в лингвистике. Особое место в исследованиях занимают проблемы управления и властных отношений.

Управление включает в себя властные отношения как один из видов социальной зависимости. Социальная зависимость есть социальное отношение, при котором социальная система S1 (индивид, группа или социальный институт) не может совершить необходимые для нее социальные действия d1, если социальная система S2 не совершит действий d2. При этом система S1 называется доминирующей, а система S2 называется зависимой [3, 157].

Изначально неравноправные социальные отношения управления и являются объектом данной статьи.

Общество буквально пронизано властными отношениями, официально закрепленными или сложившимися стихийно. Власть появилась с возникновением человеческого общества и сопутствовала его развитию. В настоящее время под властью понимается возможность с опорой на различные средства (силу, авторитет, закон, экономические механизмы, традиции) оказывать воздействие на людей и тем самым осуществлять собственную волю [5, 249]. Власть может осуществляться не только отдельным человеком, но и более крупными образованиями, например, объединениями людей и государством в целом.

Существуют различные концепции власти, характеризующие ее с разных сторон. Системные концепции власти (мобилизационно-целевая, структурно-функциональная и коммуникативная) рассматривают власть как особое явление, признак, присущий кому-либо или чему-либо. Так, в соответствии с мобилизационно-целевой концепцией Т. Парсонса, власть – это механизм, который вынуждает общество мобилизоваться для удовлетворения своих потребностей. Согласно структурно-функциональной концепции М. Крозье и Д. Истона, власть является свойством общества сохранять свою целостность. Коммуникативная концепция Н. Лумана рассматривает власть как явление, которое имеет коммуникативную направленность. Это общение между теми, кто управляет, и теми, кто подчиняется. По мнению Н. Лумана, власть выполняет три важнейших функции: 1) обеспечивает координацию действий в обществе; 2) разрешает конфликты, возникающие в обществе; 3) направляет граждан таким образом, чтобы общие интересы преобладали над частными.

Реляционистские концепции (волевая концепция, силовая концепция, концепция обмена ресурсами и концепция зон влияния) рассматривают власть как

результат взаимодействий, отношений между разными людьми и социальными группами. В соответствии с волевой концепцией М. Вебера и К. Маркса, власть представляет собой способность одних людей навязывать свою волю другим людям, иногда вопреки их желанию. Ч. Мерриам, предложивший силовую концепцию власти, с термином власть связывал обладание средствами, которые позволяют насильно навязывать свою волю другим. Согласно концепции обмена ресурсами, разработанной П. Блау, в основе власти также лежит обладание властными ресурсами, но их можно обменивать на требуемое политическое поведение субъекта, испытывающего в них недостаток. Д. Ронг разработал концепцию зон влияния. Под «зоной влияния» он понимал ту сферу, в которой субъект благодаря определенным ресурсам имеет власть. За пределами этой зоны субъект утрачивает эту власть, т.е. перестает быть управляющим [5, 255 - 257].

Структура власти достаточно сложна: принято выделять субъект и объект власти, а также ее ресурсы (средства).

Субъект власти состоит из нескольких уровней. На нижнем уровне находятся отдельные люди, которые обладают властью и совершают действия, направленные на изменения в политической сфере. На втором уровне находятся более сложные образования – государство и политические партии, и от их имени обычно действуют отдельные люди.

Объект власти – те, на кого власть направлена, кто ей подчиняется. Власть – это всегда двустороннее отношение, в котором воля властителя воздействует на объект власти. Любая власть невозможна без подчинения объекта. В противном случае не будет и власти, даже если стремящийся к ней субъект обладает мощными средствами принуждения. Ресурсы власти в широком смысле представляют собой все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других в качестве наказания, поощрения или убеждения [5, 258 - 261].

Властные отношения проявляются как на межличностном уровне, так и при взаимодействии больших социальных групп.

Наибольший интерес для нас представляет политическая сфера, где индивиды противоборствуют или сотрудничают как представители политических партий, народных фронтов, общественных движений, а также как субъекты государственной власти: судьи, полицейские, присяжные и т.п.

Политика включает в себя деятельность органов власти, различных объединений и отдельных индивидов в сфере отношений между государствами, классами, нациями, большими группами людей. Такая деятельность направлена на завоевание, обладание и использование политической власти [9, 273]. Власть – основа политики, ключевая проблема политической жизни.

Субъектами и объектами политического социального взаимодействия выступают граждане, политические партии, общественные объединения, лоббистские группы, группы давления, политическая элита, государство, различные ветви власти. В мировом сообществе – это национальные государства, международные организации (НАТО, ООН), межнациональные корпорации и т. д. Субъектами политического взаимодействия могут быть и отдельные индивиды, но не

пременно как представители больших общественных групп (государственный деятель, президент, участник какого-либо политического движения).

Социальное (политическое) управление – воздействие на общество с целью его упорядочивания, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития.

Политическая сфера социального взаимодействия в обществе отражается в политическом дискурсе. Политический дискурс представлен в текстах газетных статей, партийных программ, официальных документов, речей политических деятелей. Жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуации) [1, 137]. Под фреймом понимается структура данных для представления стереотипной ситуации. Фрейм – это не одна конкретная ситуация, а наиболее характерные, основные элементы ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу. Во фрейме выделяются несколько уровней, иерархически связанных друг с другом. Верхние уровни фрейма четко определены, так как образованы обобщенными понятиями, которые всегда справедливы в отношении представляемой данным фреймом ситуации. Нижние уровни структуры не заданы в явном виде и называются терминалами, или слотами [7, 7].

Властные отношения проецируются на высказывание в виде категориальной социальной ситуации, лежащей в основе фрейма «управление».

Остановимся подробнее на структуре фрейма «управление». Фрейм «управление» является пропозициональным, так как содержит концепт сложного признака-отношения. На вершине такого фрейма находится сложный предикат, содержащий информацию о событии, затем следует список участников ситуации. Фрейм «управление» состоит из предиката управления (rule, govern) и двух аргументов – участников ситуации – агенса и пациенса.

В базовой структуре глаголов, выражающих предикаты социальных отношений, отсутствует чувственный образ, так как они не описывают фрагменты действительности, а обобщают ряд разнородных элементарных действий, объединенных общей целью и осмысляемых как одно событие. Общая цель – это и есть тот признак, который лежит в основе номинируемого этими глаголами понятия. Ситуация, описываемая предикатами социальных отношений, состоит из целого ряда микроситуаций, осмысливаемых как одно гиперсобытие. Такие глаголы, обозначая совокупность действий, не имеют прямого соответствия в экстралингвистической реальности. Следует отметить, что составляющие такое гиперсобытие действия зависят от ситуации и могут быть каждый раз новыми: управление страной, партией или магазином включает в себя разные обязанности, понимаемые, тем не менее, как управление. Глаголы социальных отношений отсылают реципиента к суженной контекстом зоне референции, из которой он сам извлекает содержание в зависимости от его образованности, социальной зрелости, знания специфики социальных отношений.

Глаголы управления относятся к так называемым статусным глаголам. Статус в социологии – это позиция (положение) человека в группе или обществе [6, 42].

Как отмечает В.И. Карасик, важнейшим агентивным признаком статусного значения является статусный вектор – нисходящий или восходящий [4, 213]. У глаголов управления он нисходящий, так как субъект в ситуациях, описываемых такими глаголами, облечен властью.

Ядерным прототипическим глаголом, как показал анализ словарных дефиниций, является глагол *rule*.

Факультативными компонентами (слотами) структуры фрейма «управление» выступают характеристики управления: 1) официальный характер управления: *reign, govern*; 2) неофициальный или временный характер управления: *head, lead, direct, run, administer, manage, operate, control*; 3) негативная оценка способа управления: *manipulate, dominate, domineer, oppress, exploit*; 4) уточнение цели осуществления управления: *supervise, superintend*.

Анализ примеров позволяет сделать вывод, что субъект у предикатов управления (агенса), как правило, индивидуализирован:

An Emperor is a monarch who **rules** over an Empire [ALD].

He knows how **to manipulate** the audience [MED].

With the help of advisers the President will **direct** military operations [MED].

Однако в редких случаях субъект предикатов управления может быть также и совокупным:

The party will not be able **to govern** alone [MED].

Объект при предикатах управления (пациенс) всегда выступает как совокупный (коллективный). Такой объект, хотя и референтен, обозначает, как правило, не конкретных индивидов, а общественные и политические организации, группы людей, социальные слои.

Большая часть существительных, актуализирующих объект предикатов управления, входит в семантическое поле совокупного множества, в частности, в группу «совокупность лиц». Как показывает исследование, в основном это названия организаций и объединений: *group, company, committee, government, alliance, coalition, party, army, team, audience*:

You will work with the management team **headed** by Miles Broughton [MED].

The current Government in Baghdad **is dominated** by Shia Muslims with strong ties to Iran [Times, August 2, 2005].

В семантике большей части таких существительных выделяются семы «общность цели», «общность деятельности» [2, 10].

Кроме того, в качестве совокупного объекта первого и второго слота могут выступать метонимические названия множества лиц – свернутые обозначения организованных или неорганизованных групп людей: *country, empire, area, region, colonies, city, clinic, ranch, shop, boutique, prison, hotel, enterprises*. В сочетании с глаголами управления эти существительные приобретают событийное прочтение. Они ограничивают сферу действия субъекта, задают локальные границы его деятельности, те самые «зоны влияния», о которых писал Д.Понг:

«This is not an attractive location to new medical students with bills», said Fran Nelson, a nurse practitioner who **operates** rural clinic in Hilbert [Post-Crescent, May 27, 2000].

Portugal **ruled** East Timor for nearly four centuries [MED].

The Region is now **governed** by Morocco [MED].

Деятельность объекта обычно на поверхностном уровне не эксплицируется, за исключением конструкций с предикатами head, lead, direct, run, administer, manage: head a revolt, a rebellion, an inquiry; lead an expedition, mutiny, uprising, conference; direct the work, an advance; supervise research work; run an election campaign, business; manage reunification, business.

He **manages** the family business [MED].

The manager's job is **to direct** the activities of others [MED].

Lord Justice Scott will **head** the inquiry [MED].

The European No campaign, bankrolled by British businesses, **is run** by a German, Thomas Rupp <...> [Times, January 11, 2005].

Таким образом, фрейм «управление» представляет собой сложную, иерархическую структуру, что объясняется многоплановостью властных отношений.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Аструаскайте Д.В. Парадигматические и синтагматические аспекты семантики существительных совокупного множества в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1989.
3. Голубева Г.А., Дмитриев А.В. Социология. - М.: Экзамен, 2004.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
5. Касьянов В.В. Основы социологии и политологии. - Ростов н/Д.: Феникс, 2004.
6. Кравченко А.И. Социология.- М.: Академический проект, 2003.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
8. Паршин П.Б. Метанаучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003.
9. Новая философская энциклопедия: В 4 т. – Т. 1. - М., 2001.

Источники и принятые сокращения

- ALD – The Advanced Learner's Dictionary of Current English. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. London, 2002.
The Post-Crescent, May 27, 2000
The Times, January 11, 2005
The Times, August 2, 2005

СИСТЕМА МИКРОТОПОНИМИИ КУРТАМЫШСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Местная микротопонимика представляет собой особый пласт наименований. В них определяется взаимосвязь со многими сторонами хозяйства и быта, поэтому она представляет интерес как предмет анализа различных отраслей знания. По материалам полевых практик 2003-2006 гг. нами была составлена выборочная картотека местной микротопонимики Куртамышского района, включающая **161 наименование**. Исследованием были охвачены город Куртамыш, деревни и села Камаган, Жуково, Березово, Пушкино, Косулино, Верхнее, Таволжанка, Ключики, Маслово, Пепелино. Картотеку составляют **23 гидронима, 111 оронимов и 27 наименований частей ойконимов**. Картотека составлялась на основе данных краеведческих и школьных музеев, карт землепользования перечисленных населенных пунктов, рассказов старожилов, агрономов и бригадиров хозяйств.

Местная гидронимика включает в себя названия рек – 4 единицы, озер – 11 единиц, болот – 6 единиц, ключа и канавы – 2 единицы.

Микротопонимы данной семантической группы можно разделить на подгруппы по основаниям наименования:

1. **По антропониму – 5 единиц:** озеро Мартыниха, река Ивановка, Антошкин канал, Кузино и Семино болота.
2. **По названию растения – 2 единицы:** река Хмелевка, болото Моховое.
3. **По месту положения, форме, окружению – 5 единиц:** озеро Одино, Долгие озера, Глухое болото, Зарослое и Могильное озера.
4. **По различным свойствам воды (цвету, вкусу, запаху, температуре, внешнему виду) – 7 единиц:** реки Ржавка и Холодный лог, озера Соленое, Чистое, Поганиха, Пакостное, Беломойка.
5. **По действиям, событиям – 3 единицы:** озера Кубы, ключ Согласия и Губернаторское болото.

Например, *озеро Кубы*, расположенное в с. Березово, получило свое название так: из крупного ручья решили сделать озеро и каждый должен был принести по кубометру земли, чтобы огородить часть ручья.

6. **По мифологическому персонажу – 1 единица:** Русалкино (Русалково) болото.

Анализируя словообразовательную структуру местных гидронимов, мы можем отметить словообразовательные модели, не встречающиеся в официальной топонимике. Так, мы обнаруживаем суффикс -ИХА-, который, по определению Н.А. Кузнецовой [1, 136], образовывал местные отантропонимические

прозвища с отрицательной коннотацией. Кроме того, в качестве производящих мы встречаемся здесь с уменьшительно-ласкательными и сокращенными вариантами имен: Антошка, Сема, Кузя и грубыми словами – *погань, пакость*, что не характерно для официальной топонимики.

Для местных гидронимов характерно использование региональных географических терминов: **канава** – *кюветы по краям проезжей части, по которым текут ручьи, водные потоки*; **канал** – *протока между болотами или озерами*; **озерки** – *ряд заболоченных, связанных каналами озер*.

Также встречаем здесь диалектное слово **одина** – *объект, расположенный особняком, далеко от других географических объектов*.

Самая многочисленная группа местной микротопонимики представлена **оронимами**. В нее входят наименования дорог, путей сообщения и урочищ – земельных участков различного назначения. В нашей картотеке 12 наименований **дорог** и 99 наименований **урочищ**.

В группу **урочищ** включены сельскохозяйственные **угодья**: покосы, выпасы, пашни; местности с **различными видами рельефа**: возвышенности или углубления, равнины, низменности; **лесные массивы и прилегающие к ним территории**.

Семантический анализ топонимических преданий, записанных нами, позволяет сгруппировать названия урочищ по основаниям наименования:

1. По виду объекта – 6 единиц: Согра, Бугор, Мандра, Дуброва, Кочки, Садок. Интересно, что все эти названия восходят к местной географической терминологии: **согра** – *болотистое место, заросшее сосновым лесом*; **садок** – *место с искусственными насаждениями*; **бугор** – *насыпная горка, курган*; **дуброва** – *устар. от дубрава – стройный березовый лес*; **кочки** – *бугорки на низкой или болотистой местности, поросшие травой*; **мандра** – *диалектное – берег, земля возле воды*.

Интересно, что существует народная этимология наименования Согра:

Согра – название леса. В нём бьёт ключ, и вода в нём не застывает, а также одной температуры и зимой и летом. Как будто «согретая».

2. По характерному признаку – 9 единиц: Крутое, Травяное, Целина, Калиниха, Красная горка, Грязный колок, Мокрый колок, Крутой лог, Поганный борок.

3. По местному топониму, близ которого находится урочище – 13 единиц: Малые Донки, Чашинский, Чаша, Ключанская, Черноборка, Арарат, Долговская грань, Верхневская грань, Косулинская грань, Кузьминовская грань, Русалково, Урал, Жуковская сопка.

4. По характеру эксплуатации урочища – 4 единицы: Пасека, Камаганы, Поскотина, Сениха.

5. По событиям, действиям, произошедшим здесь – 11 единиц: Катаиха, Шапкин лог, Выгалка, Отпор, Токовая, Полив, Полигон, Статья, Любимка, Прощальная гора, Бабий бугор. Например, по дороге, что идет на деревню Таволжанка, встречается лог, который старожилы помнят под названием *Шапкин лог*. Одни говорили, что до этого места провожали гостей и при расставании с целью прощания снимали шапки и раскланивались; другие утверждают, что во время грозы здесь

непрерывно вспыхивают молнии и гремит гром, а русский человек в это время обязательно снимает шапку и молится. Отсюда и получил свое название лог.

6. По фамилии, имени или национальности владельца – 22 единицы: Гошково, Молдаванский лог, Татарские могилки, Фотеев борок, Трифоновская, Петровская, Максимов бор, Лошмановские и др. Например, *Татарские могилки (поле)* - по преданиям, на этом месте находятся могилы похороненных татар, над которыми по обычаю не сооружается могильный холм. *Фирсовы кусты (урочище)* - названо по фамилии скотопромышленника Фирсова: он закупал скот в Казахстане и перегонял в Челябинск, а в Фирсовых кустах была остановка.

По расположению относительно какого-либо ориентира(зачастую – это также местный топоним или географический объект) – **34 единицы:** Пятое поле, На степе, Средние ворота, За Долгим колком, По Чертовской дороге, За отрядом, У отряда №1, За канавой №2 и т.д. Наиболее характерная для данных топонимов форма выражения – существительное с пространственным предлогом.

Многие наименования урочищ являются составными – 21 единица. Как правило, в словосочетание входит географический термин и определяющее его понятие. В оронимах нам встретились термины: **поле, лог, грань, могилки, горка, степь, садок, стан, ворота, редуха, пашня, борок, дуброва, бор, колок, падь, чаша.** Часть из них имеет местные толкования, отличные от официальных. Например, *воротами* именовали выезд с покотины, не обнесенный при этом забором; *гранью* – прокопанные между нарезкой сельских угодий канавы; *чашей* – впадину, яму на поверхности земли, иногда заполненную водой; *редухой* – редник – мелкий, низкорослый, угнетенный лес (все толкования географических терминов даны по монографии С.В. Плотникова [2]).

В наименованиях урочищ мы встречаем также диалектные черты: форма существительного – *на степе* – в результате диалектного смешения форм 2 и 3 склонения. Присутствуют тут также упомянутые ранее формы на –ИХА.

Большинство наименований путей сообщения не отходят от основного принципа именования в русском языке: по направлению дороги относительно географических объектов и сторон света: Северная, Косулинская и под. Интересны местные географические термины – **Стрелка** – *дорога с развилкой*; **Белокопытовка** – *содержит слово белый в значении чистый, так как дорога песчаная*; **Поперешная** – *отражает разговорную фонетическую черту, она идет поперек большому Куртамышскому тракту.*

Обратимся к анализу последней группы микротопонимики – **названий улиц и краев деревень, сел и города Куртамыш.** Таких наименований в нашей карте 27. Неофициальные наименования этой группы чаще функционируют в мелких ойконимах, где нет официальных названий улиц и частей. Исключение составляет город Куртамыш, где люди продолжают помнить исторические названия частей, существовавшие еще до официальных наименований.

У слободы Куртамыш были условные подразделения **Галкино, Парамоновка, Ершовка, Заимка, Кочарина и Лоскутова горы.**

«Заимка»- стоянка, место, занятое под земледелие или скотоводство, а также

дом, хозяйственные постройки. Жители здесь обрабатывали кожи на хром, шевро, сафьян. Здесь же выделывались овчины, занимались производством мыла.

Галкино – по исследованию местного краеведа Б.П.Рычкова (3), она названа в честь основателя - купца Галкина.

Край Парамоновка назван в честь первого жителя Парамона.

Гора Кочарина и Лоскутова названы по количеству жителей с преобладающей фамилиями Кочарины и Лоскутниковы. Жители этих краев до революции занимались большей частью хлебопашеством.

Расположенная чуть выше стадиона местность получила название «**Лысая горка**». До революции это место было местом гуляний.

В других деревнях нами были записаны следующие микротопонимы;

Д. Таволжанка: Церквянка (сад).

В начале XX в. в центре деревни Таволжанки стояла церковь. Вокруг неё находились сад, могилы попов, постройки. Потом решили убрать эту церковь и сделать из неё клуб. Оставшийся сад стали называть Церквянка.

Самолёт (место на краю деревни).

Любимое место молодёжи в лесу – это «самолёт». По рассказам, там упал самолёт.

Шумиловка (часть деревни).

В этой части деревни растут высокие, могучие тополя, когда поднимается ветер, то шум листвы слышен на большие расстояния.

Д. Ключики: Кирпичики – место, где раньше находился завод по производству кирпичей(сейчас полностью разрушен).

Блиниха – большой участок земли рядом с деревней, ранее принадлежавший семье богатых крестьян Блиновых.

Д. Березово: Забегаловка – название края (ныне не существующий), там пели и плясали, был весёлый край.

Д. Маслово: Карагай (часть деревни).

Карагай по-татарски «сосновый бор». Село построено на месте соснового бора, некоторые старинные избы до сих пор стоят на родных пенёчках.

Армянский посёлок.

До поры, до времени село Маслово состояло из одних деревянных домов. Председатель колхоза нашёл армян для строительства кирпичных домов. Они построили 20 домов, и вот этот посёлок стал называться Армянским.

Шумков край.

Один из краёв села Маслово называется Шумков, так как там жили семьи с фамилией Шумков и всего одна – с другой.

С. Пепелино: Горелка (часть села).

В селе Пепелино выгорела полностью одна часть села. На этом месте стали строить новые дома.

С. Пушкино: Подбор (часть села)

Село разделено на две части : подбор и курмыш. Та часть, которая находится возле бора, названа Подбор.

С. Жуково: Залого(часть села).

Край расположен за двумя логами от центра села.

Орловский(часть села.)

Часть села расположена вниз по течению Куртамышя, в нем жили преимущественно Орловы (переселенцы из Орла).

Песочки (часть села).

Край на левом берегу Куртамышя у подножия сопки, на песчаной земле.

Ивановка (часть села).

За логами, у болотинки, часть села, названная в честь основателя.

Скаты(часть села)

Часть села на противоположном от центра берегу реки, названа географическим термином, обозначающим пологий спуск к реке.

С. Песьяное: Бабушкино(часть села).

Здесь до настоящего времени живут преимущественно носители фамилии Бабушкин.

Макариха(часть села).

Образование от женского прозвища по мужу. Существует легенда, что эта женщина была крутого нрава и рядом с ней предпочитали не селиться, поэтому край малонаселен.

С. Верхнее: Горушка(улица)

Названа по особенностям местности – пологая горка.

Шигонь(часть села)

Образовано от диалектного слова *шиг* – бездельник, баломут, характеризует первых поселенцев края.

Таким образом, среди названий краев и улиц села мы также находим варианты, мотивированные **антропонимами, особенностями местности, географическими терминами, различными характеристиками жителей и событиями**, произошедшими в данном месте. Среди микротопонимов встретилось одно иноязычное слово (*Карай*), два местных географических термина (*Подбор, Скаты*), диалектное наименование (*Шигонь*).

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что, хотя в целом местные микротопонимы повторяют семантические и словообразовательные модели официальной топонимики, они предоставляют большее разнообразие языкового материала. В них встречаются местные географические термины, диалектные формы и слова. Топонимические предания этой группы допускают варианты и нередко передают народную этимологию. Вместе с тем неофициальная топонимика дает более полное представление о характере занятий, нравах, национальном составе населения, путях исторического заселения края. Обращают на себя внимание структурные особенности микротопонимов. Для них характерна незавершенность форм, ее неустойчивость, наличие вариантов. В качестве производящих основ здесь могут использоваться просторечные, грубые, уменьшительные слова и личные наименования, что не характерно для официальной топонимики.

Информанты - жители Куртамышского района: Карболина Н. И. 1956 г. р., Решитняк А. Г. 1934 г.р., Онучин Н. Г. 1922 г. р., Козликина Ф. С. 1921 г. р., Огородов В. А. 1945 г.р., Минина А.Ф., 1931 г.р., Попова А. 1921 г. р., Шумкова Е. Д. 1932 г. р., Голубкова Г. М. 1948 г. р.

Список литературы

1. Кузнецова Н.А. Названия населенных пунктов антропонимического происхождения// Русская ономастика.- Рязань, 1977.- С.124-139.
2. Плотников С.В. Знакомые потоки.-Юргамыш, 2001.
3. Рычков Б.П. Куртамышская слобода// Сельская новь.- 1972.- № 4(27).

Н.В. Шведова
Кафедра русского языка

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

В современной науке состояние служит интегральной характеристикой различных систем. С точки зрения философии, состояние - категория научного познания, характеризующая способность движущейся материи к проявлению в различных формах с присущими им существенными свойствами и отношениями. С помощью категории состояния выражается процесс изменения и развития вещей и явлений, который в конечном итоге сводится к изменению их свойств и отношений. Совокупность таких свойств и отношений определяет состояние вещи или явления. Поэтому характеристика состояния вещей и их систем имеет важнейшее значение для раскрытия их сущности [5, 627-628].

«Состояние, по Хайдеггеру, - действующая в человеке настроенность (настроение), на которую он сам не может оказывать воздействия, но которая определяет в данный момент все его чувства, мысли и желания» [6, 427].

В языкознании семантика состояния выражается номинативными лексическими и фразеологическими единицами разных семантико-грамматических классов:

1) словами и фразеологизмами категории состояния (*весело, грустно, больно, душно, весело как на похоронах, не по себе, еще черт (черти) в ладоши не хлопал (не хлопали)* и др.);

2) именами существительными и предметными фразеологизмами (*радость, грусть, зависть, объятия Морфея, олимпийское спокойствие, бабье лето, золотой сон* и др.);

3) прилагательными и призначными фразеологизмами (*печальный, мечтательный, больной, сам не свой, вне себя, как в воду опущенный, цел и невредим, жив (и) – здоров, как бык, как в лихорадке* и др.);

4) глаголами и процессуальными фразеологизмами (*радоваться, огорчать-*

ся, веселиться, печалиться, болеть, не хватает духу, не приходит/не придет в голову, не лезет в горло, не укладывается в голове и др.).

Таким образом, способы выражения семантики состояния в языке могут быть различны. Тем не менее значение состояния проявляет себя на категориальном уровне только в словах и фразеологизмах категории состояния. Категориальное значение же таких языковых единиц определяется понятием качественного состояния (вслед за М.В. Дегтяревой). В нем отражена генетическая связь с качеством, качественными прилагательными, призначными фразеологизмами, с одной стороны, и, с другой – подчеркнуто «видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету» [1, 262]. Категориальная сема качественного состояния как наиболее абстрактная является не только интегральной для слов и фразеологизмов категории состояния, но и дифференциальной для слов и фразеологизмов других семантико-грамматических классов. Как отмечает М.В. Дегтярева, «состояния сменяют друг друга в результате процесса изменения. Объект, переживающий процесс как смену различных состояний, меняет свое отношение к другим объектам. Состояние не отождествляется с процессом, оно, как и отношение, не компонент процесса, а его результат» [2, 12].

По данным нашей картотеки, фразеологизмов категории состояния насчитывается 268 единиц, например: *не до смеха, пыль столбом, как на базаре, ни зги не видно, хоть топор вешай, хоть святых выноси, шагу некуда ступить, голодно и холодно, нет живого места, хоть шаром покати, не все в порядке с головой, мозги набекрень, одному богу известно, (белый) свет не мил, все в порядке, нет кровинки в лице, нет лица, хоть в пень головой, хоть караул кричи, надо хуже, да некуда, (всем) чертям тошно, не так, не эдак, без разницы, до фени и др.*

Например:

- Я ухожу один, молча, так угодно было богу и судьбе. *И. Куприн. Гранатовый браслет.*

- Нет, милый, у тебя самого с головой не все в порядке... - приготовилась рыдать Бабаня. – Я про такое сроду не слышала... тут своих, родных, из дома выгоняют, а ты какую-то чужую с улицы привел! *Т. Тронина. Отблеск безумной звезды.*

- Мне, матушка, теперь не до смеху; зачем вы мою дочь при всем городе в ваш скандал замешали, вот зачем я приехала! *Ф. Достоевский. Бесы.*

Исследуемые фразеологизмы соотносятся с самостоятельной частью речи – словами категории состояния. Такие фразеологические единицы принадлежат к разряду номинативных фразеологизмов, являются полнозначными, самодостаточными, знаменательными и имеют категориальное значение качественного состояния. С морфологической точки зрения, фразеологические единицы этого класса неизменяемы. Семантика состояния в исследуемых фразеологизмах оформляется аналитически – синтаксическими категориями вида, наклонения, времени. Синтаксические свойства и функция фразеологизмов категории состояния

определяются типом их семантики и синтаксическими грамматическими категориями, оформляющими этот семантический тип. Синтаксические возможности исследуемых фразеологизмов ограничены: они выступают, как и слова категории состояния, сказуемым в безличном предложении, являясь независимым членом предложения.

Фразеологизмы категории состояния по типу семантики противопоставлены призначным и процессуальным фразеологизмам и одновременно с ними тесно связаны.

В отличие от фразеологизмов категории состояния, фразеологические единицы с призначным категориальным значением содержат сему состояния на субкатегориальном уровне: «... в третьем классе объединяются фразеологизмы, которые обозначают качество, свойство, состояние предмета или субъекта, поэтому призначность есть то семантическое общее, что делает такие фразеологизмы представителями одного класса» [7, 13-14]. Например: *сам не свой, вне себя, как в воду опущенный, цел и невредим, как в раю, как на иголках, под мухой, под боком, (не) в своем уме, не в своей тарелке* и др. Все названные фразеологизмы обозначают прежде всего непроцессуальный, постоянный, вневременной признак грамматического субъекта. Однако, подобно фразеологизмам категории состояния, названные призначные фразеологические единицы являются морфологически неизменяемыми, а синтаксические категории наклонения, времени, вида выражаются в них аналитически. Но, в отличие от фразеологизмов категории состояния, фразеологические единицы призначной семантики функционируют в двусоставном предложении в качестве сказуемого. Например:

Но и это было все равно (*призначный фразеологизм*), ибо маленькие фанатики, подобные Эркелю, никак не могут понять служения идее, иначе как слив ее с самим лицом, по их понятию выражающим эту идею. *Ф. Достоевский. Бесы.*

Митя сидел на этот раз сбоку, спиной к занавескам, слушал мрачно, имел вид грустный и усталый, как бы говоривший: «Э, показывайте что хотите, теперь все равно (*фразеологизм категории состояния*)!» *Ф. Достоевский. Братья Карамазовы.*

Связь исследуемых фразеологизмов проявляется еще и в том, что на основе общих признаков (неизменяемости, синтаксических категорий вида, наклонения, времени) фразеологизмы призначной семантики активно пополняют класс фразеологизмов категории состояния. Так, призначный фразеологизм **хоть бы хны** со значением «безразличный, не обращающий никакого внимания на кого, что-либо, проявляющий полное равнодушие к происходящему» может функционировать только в качестве сказуемого в двусоставном предложении, где глагольная связка отсутствует, например:

- Загордился право! – сказал Лука, подбегая. – Кричу, кричу, а он хоть бы хны! *В. Беляев. Старая крепость.*

В этом предложении исследуемый фразеологизм является призначным, выполняет функцию сказуемого в двусоставном предложении, где подлежащее

(грамматический субъект) – личное местоимение *он*. Формально настоящее время в предложении с описываемым фразеологизмом выражено отсутствием глагольной связки **БЫТЬ**, это же указывает на реальную модальность предложения.

При появлении глагольных связок, выражающих прошедшее или будущее время, фразеологизм **ХОТЬ БЫ ХНЫ** перестает употребляться в двусоставном предложении и уже не дает призначной характеристики состояния грамматического субъекта (сравните, *он был хоть бы хны?* или *он будет хоть бы хны?*), призначная фразеологическая единица разрушается. Происходит смена категориального значения: с появлением таких глагольных связок в предложении грамматический субъект преобразуется в пассивный семантический субъект, у которого состояние безразличия наступает независимо от его воли. Такой субъект имеет форму косвенного падежа. Названный фразеологизм приобретает категориальную семантику состояния, функционирует в односоставном безличном предложении. Например:

- Какая, братцы, прыть объявилась у него! А ведь мог бы вполне убиться: толь спрыгнул, да при его комплектации – верное дело, - говорил один. – А ему было хоть бы хны! *Н. Кочин. Парни.*

В отличие от призначного фразеологизма **ХОТЬ БЫ ХНЫ**, который ограничен в выражении синтаксического времени (употребление только с нулевой глагольной связкой), фразеологическая единица категории состояния **ХОТЬ БЫ ХНЫ** может свободно синтаксически выражать как прошедшее и будущее, так и настоящее время (Сравните: *ему было хоть бы хны*, *ему хоть бы хны*, *ему будет хоть бы хны*). Например:

Вхожу, понимаешь, в училище: народищу, как всегда, тьма. У всех глаза беспокойные, волнуются, переживают, а мне хоть бы хны – абсолютно равнодушен. *В. Розов. В добрый час!*

Итак, призначные фразеологизмы на категориальном уровне обозначают постоянный, вневременной признак. Значение состояния у таких фразеологизмов появляется на субкатегориальном уровне, при этом призначные фразеологические единицы, обозначая качество, свойство, состояние грамматического субъекта, проявляют предикативную семантику как разновидность призначной. В то же время отсутствие фразеологических форм и наличие синтаксических категорий вида, наклонения, времени сближает фразеологизмы данного класса с фразеологическими единицами категории состояния; делает возможным образование в процессе предикативации на базе призначных новых фразеологизмов категории состояния.

Еще одним из способов выражения состояния, реально существующего в действительности, как отмечает проф. В.А. Лебединская, являются процессуальные фразеологизмы. Процессуальным следует считать фразеологизм, «имеющий процессуальное значение и оформляющий его морфологическими категориями лица, времени, наклонения, вида, залога» [3, 4]. Однако в этих фразеологизмах семантика состояния проявляет себя, как и в призначных фразеологичес-

ких единицах, на субкатегориальном уровне. Б.В. Туркина отмечает, что «сема состояния – это процессуальный признак (то есть протекающий во времени), который так или иначе характеризует одушевленный или неодушевленный субъект, являющийся пассивным носителем данного состояния» [4, 123]. Фразеологизмы же категории состояния на категориальном уровне обозначают «недействительное», «непроцессуальное» состояние.

В пассивности субъекта процессуального фразеологизма субкатегории состояния, особенно в безличных формах, проявляется сближение его семантики с категориальной семантикой фразеологизмов категории состояния. «Предмет, который должен быть подлежащим, выступает не столько как производитель действия или состояния, сколько как предмет, в котором проявляется действие или состояние. Сопоставление безличных конструкций обнаруживает движение к полной безличности, при которой предмет вообще устраняется как носитель либо как источник действия или состояния», - пишет М.В. Дегтярева [2, 20].

С морфологической точки зрения, все процессуальные фразеологизмы оформляют свое категориальное значение грамматическими категориями: классификационными (вид, залог) и фразоизменяемыми (наклонение, время, лицо, число, род). Эти категории выражаются синтетически, заключены в самой процессуальной фразеологической единице. Фразеологизмы категории состояния также могут иметь грамматические категории вида, наклонения, времени, но они выражаются аналитически, с помощью различных глагольных связок (*быть, стать, становиться, оказаться* и др.), это синтаксические категории. Например:

-... Этой как будто самой не до шутки (*наст. вр., изъяв. накл.*); посмотри, она не замечает публики. *И. Тургенев. Накануне.*

Казалось, все было в порядке, как следует, то есть снег валил все сильнее, крупнее и гуще, на расстоянии двадцати шагов не было видно ни зги (*прош. вр., изъяв. накл.*). *Ф. Достоевский. Двойник.*

- Всякий не может судить как по себе, - проговорил он, покраснев. – Вся свобода будет тогда, когда будет все равно (*буд. вр., изъяв. накл.*), жить или не жить. Вот всему цель. *Ф. Достоевский. Бесы.*

На синтаксическом уровне близость процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния и фразеологизмов категории состояния проявляется в их общей синтаксической функции сказуемого. Однако процессуальные фразеологизмы могут выступать в функции сказуемого как двусоставного, так и односоставного предложений; фразеологизмы категории состояния - только в односоставном безличном предложении.

Общими для описываемых фразеологизмов будут и синтаксические свойства – возможность управлять именами и сочетаться с наречием, например:

- Так вы про кого спрашиваете? Про сына или про дочь? – Пока что разговор идет о вас. - Про меня? А что? У меня все в ажуре. На талоне одна дырка. Могу предъявить. Права у меня с собой. *Г. Матвеев. Новый директор.*

- Н-не знаю... - растерянно ответила Оля, прислушиваясь к собственным ощущениям. – По-моему, со мной все в порядке. *Т. Тронина. Отблеск безумной звезды.*

- Мне пока без разницы. Главное – зацепиться. А то, как из армии дембельнулся, так и хожу безработным. Перед матерью стыдно. До службы шоферил. А вернулся – и не устроиться. *О. Вихлянцев. Контрольный выстрел.*

Близость (но не тождество) фразеологизмов этих двух семантико-грамматических классов делает возможным образование фразеологизмов категории состояния на базе процессуальных фразеологизмов описываемой субкатегории. Например: *душа ушла в пятки – душа в пятках, перевернуть все вверх (кверху) дном – все вверх (кверху) дном, камень лежит на душе (на сердце) – камень на душе (на сердце)* и др. Сравните:

Душа Брука *уходила в пятки* (*процессуальный фразеологизм субкатегории состояния*). Он бледнел и начинал объяснять, что, может быть, ему это только показалось. *В. Вересаев. На японской войне.*

- Ой, - раздалось сзади слабое восклицание. Родька и Венька, толкнув друг друга, повернулись к Ваське Орехову. – Ты что? – Ногу подвернул. Дальше не пойду. – Так мы тебе и поверили... Скажи прямо: *душа в пятках* (фразеологизм категории состояния). Васька перестал стонать. – А неужели не страшно? *В. Тендряков. Чудотворная.*

Утрата, эллипсис глагольного компонента сопровождается заменой категориального процессуального значения анализируемой субкатегории на непроцессуальную семантику состояния.

Итак, фразеологизмы категории состояния характеризуются номинативной функцией; особым категориальным значением качественного состояния; неизменяемостью; специфическим набором синтаксических грамматических свойств; самостоятельной синтаксической функцией сказуемого в безличном предложении, а также особыми синтаксическими свойствами. Такие гибридные фразеологические единицы совмещают в себе признаки разных семантико-грамматических классов (призначного и процессуального), связаны с этими классами фразеологизмов и одновременно противопоставлены им.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
2. Дегтярева М.В. Частеречный статус предикатива: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 27 с.
3. Лебединская В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка: Учебное пособие по спецкурсу. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
4. Туркина Б.В. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния: Дис. ... канд. филол. наук. – Курган, 2002. – 216 с.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 838 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
7. Челасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. - Челябинск: ЧГПИ, 1983. – 92 с.

ФРАЗЕОКОНСТРУКЦИИ С СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕДУПЛИКАЦИЕЙ

Современное состояние лингвистической науки, в которой системоцентрический подход отошел на периферию, а приоритетное место занимает функциональный подход к явлениям языка, позволяет, опираясь на накопленные теоретические сведения, интерпретировать явления синтаксической фразеологии с точки зрения их коммуникативно-прагматической направленности. Изучение грамматики и семантики фразеологизированных конструкций, составляющих неотъемлемую черту разговорной русской речи, является особенно актуальным для изучения закономерностей процессов коммуникации. Еще В.В. Виноградов писал, что устная речь имеет организованные формы своего построения. В разговорной речи обильно представлены застывшие конструкции, шаблонные фразы, не требующие комбинирования с другими компонентами и не поддающиеся отчетливому членению. Например: *Что верно, то верно*. Это предложение лишь внешне передает структуру сложно-го, а с точки зрения семантики оно является нечленимым [цит. по: 2, 2003].

Задача статьи состоит в том, чтобы мотивировать выделение особой разновидности фразеоконструкций, имеющей свою специфику, - фразеоконструкций с синтаксической редупликацией, и представить круг их субъективно-модальных значений.

К фразеологизированным конструкциям (синтаксическим фразеологизмам) относятся «нестандартные синтаксические структуры, особенности построения которых выходят за рамки регулярных синтаксических связей и закономерностей» [1,3]. В нестандартности, т.е. в невыводимости значения конструкции из значений составляющих ее компонентов, заключается «фразеологизированность» их структуры.

Чем не Париж, когда есть собственный пятачок с номером. И.Бунин. Не смотря на свои четыре окна, это был кабинет как кабинет, но немного тесноват. Б.Пастернак. Прикупить телевизор... За недорого. Буду вечерами в обнимку с чужими жизнями... И даже инфаркт не в инфаркт!.. В.Маканин.

Д.Н.Шмелев писал, что такие высказывания «...обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов. В то время как лексические фразеологизмы индивидуальны в лексической сфере, индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т.е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение» [3, 327].

Отдавая дань традиции в теоретическом описании понятия «синтаксический фразеологизм», мы выбираем, вслед за Д.Н. Шмелевым, термин «фразеологизированная конструкция» (точнее, его сокращенный аналог – фразеоконструкция) вместо термина «синтаксический фразеологизм». Во-первых, деление фразеологизмов на лексические и синтаксические не закрепилось в современных исследованиях, а во-вторых, акцент в термине «фразеоконструкция» сделан на конструкции, т.е. синтаксическом построении, имеющем свои особенности, обусловленные закрепившимся за ним связанным значением. Кроме того, в таком случае корректнее выглядит соотношение понятий «фразеосхема» и «фразеоконструкция»: фразеосхема – воспроизводимая схема построения ряда конкретных высказываний с несвободным значением; фразеоконструкция – конкретное речевое высказывание, построенное по определенной фразеосхеме языка. В состав фразеосхемы входят постоянные компоненты в виде служебных лексем и грамматических позиций, например, фразеосхема, лежащая в основе фразеоконструкции *Чем не Париж!*, состоит из постоянных элементов: форманта «чем не» и грамматической позиции – имя существительное в именительном падеже. Безусловно, постоянным элементом данной фразеосхемы и фразеоконструкции является индивидуальная интонационная конструкция, служащая мгновенному опознанию фразеологизированного значения.

Функциональная сущность фразеосхем состоит в их транслировании некоторого типизированного языком смысла, являющегося значимым для социума в обыденной жизни и в силу этого часто воспроизводимого. К ним относятся разного рода субъективно-модальные значения: согласие или несогласие, принятие или непринятие ситуации, выделение (акцентирование, подчеркивание) чего-либо, предостережение, угроза и др. Обретя постоянную языковую форму в виде конструкции, типизированное значение начинает приобретать способность быть постоянно воспроизводимым строевым элементом речи в высказываниях, диалогических единствах и фрагментах дискурса.

Фразеоконструкции (ФК) – это построения экспрессивного синтаксиса, они чаще всего используются для передачи непосредственных реакций говорящих на ситуацию речи или на ранее сказанное. К ярким средствам экспрессии относится и языковой повтор, функционирующий на разных языковых уровнях. Под повтором принято понимать прием, состоящий в повторении, удвоении, в непосредственной близости друг от друга одной и той же единицы (звука, морфемы, слова). В функциональном плане повтор – это способ выделения, подчеркивания, фиксации внимания на существенном для говорящего (путем удвоения, усиления, укрепления языковой единицы), повышения ее «градуса» воздействия. Этими свойствами обусловлена его яркость, способность концентрировать внимание слушающего при восприятии речи. Конструкции с повтором видны в потоке речи, выразительны, кодируют разнообразную субъективно-модальную информацию и, часто повторяясь, со временем стабилизируются в языке для постоянной передачи определенных типизи-

рованных значений. Фразеоконструкций, в которых одним из элементов фразеологизированной структуры является обязательный повтор лексем, немало в русском языке. Например: *И этому обалдую сообщают, что он едет на полгода в Париж. И он это спокойно воспринимает, как естественное обстоятельство университетской жизни – Париж так Париж.* М. Веллер. *Писал он так себе. Вялый-то он был вялый, но в глубине немножко ядовитый.* М. Веллер. *Я меж тем поел. Я хорошо, отлично поел! (А она есть не ела).* В.Маканин.

Поскольку во ФК повтор выполняет не просто функцию выделения, а является грамматическим средством, постоянным носителем определенного фразеологизированного значения, то уместным, на наш взгляд, будет использование термина «редупликация», употребляющегося в лингвистике для обозначения повтора как средства образования новых слов. Редупликация в отличие от повтора – уже воспроизводимый в качестве единицы языка результат повторения (удвоения).

На наш взгляд, редупликацией можно назвать повтор, подвергшийся грамматикализации, участвующий в создании «каркаса» из постоянных элементов фразеосхемы для воспроизведения определенного фразеологизированного значения. Элементами синтаксической редупликации являются тождественные лексемы, в том числе и не совпадающие по форме. ФК с синтаксической редупликацией – это устойчивые структуры, обладающие целостным значением фразеологизированного характера, имеющие в своем составе тождественные элементы. В основе фразеоконструкции с редупликацией лежит фразеосхема, обязательным условием существования которой является свойство тождества составляющих ее компонентов, полного (совпадение формы тождественных лексем) или частичного (несовпадение формы тождественных лексем). Подобно основным единицам синтаксиса отчетливо выделяются фразеоконструкции двух видов: 1) ФК со структурой сочетания словоформ; 2) ФК со структурой предложения.

Во фразеологизированных конструкциях первого типа передается наивысшая степень, предельность, интенсивность количества (**туча тучей, тьма тьмушая, ливня льет, хоть пруд пруди, мошенник на мошеннике**) и качества (**болван болваном, негодяй из негодяев, точнее точного**). Повторяемая сущность может обозначать аффективные психофизические состояния человека (дрожь, плач, крик характеризуются интенсивностью, ритмичностью колебаний – **дрожня дрожит, хоть криком кричи**). ФК с редупликацией могут передавать «сгущение», концентрацию существенного, акцентировать внимание на самом важном (**святая святых, тайная тайных, начало начал, соль соли земли**), могут иметь значение эталона (**всем женам жена, виртуоз из виртуозов, книга книг**). Существуют ФК, воспроизводящие действия или состояния человека, которые эмоционально характеризуются говорящими со стороны длительности (**дождь и дождь, терпел-терпел, ждем-ждем, ждем-ждем, а его нет; ему жить бы да жить**) и многократности (**просил-просил, таскать не перетаскать**) [4].

Как правило, редупликация во ФК первого структурного типа обусловлена

иконическими свойствами повтора, т.к. с помощью повтора говорящий добивается сходства своей речи с тем, о чем сообщает (**темно-темно**, весь день **дождь и дождь, терпел-терпел, терпел-терпел**, да и высказал). В примерах интенсивность и длительность описываемого положения вещей мотивирует длительность (удвоение) знака, увеличенный в объеме повторением знак диаграмматически передает длительность, интенсивность, повторяемость описываемых реалий действительности [4].

Наличие повтора лексем или их форм во втором типе – фразеоконструкциях со структурой предложения обусловлено во многом свойствами коммуникации как системы приемов передачи информации. В ней повтор закрепился, с одной стороны, как средство связности в диалогическом и монологическом дискурсе, с другой, как средство выделения, выдвижения, акцентирования смыслов, нужных говорящему для воздействия на собеседника. Кроме того, можно предположить, что повтор лексемы в ответной реплике диалога служит информированию слушающего о том, что коммуникация осуществляется слаженно, без сбоев. Коммуникативно обусловленные ФК с синтаксической редупликацией могут иметь следующие значения: а) ФК с акцентуацией отдельных компонентов сообщения: *Ночь **черная-черная**, к сентябрю уж*. И.Шмелев. *Мы вышли в сад к колодцу. Уселись там на мозучее бревно. Когда уже **совсем-совсем** стемнело...* В.Маканин; б) ФК с функцией подчеркивания темы: *А вот об этом не беспокойся: **чего-чего**, а порядка там никогда не будет*. Л.Улицкая. - *Нет, у нас не ценится забота о людях. - Ты не права, **уж где-где**, а у нас это ценится*. Д. Донцова; в) ФК с функцией акцентирования ремы: *У них **пару часов** был скандал... Я правда, этого не видела, но **слышать – все слышала***. М.Серова. Акцентирование ремы происходит путем ее расчленения на гипотетическое представление о действии, которому предшествует в сознании намерение о его совершении, и сообщение о нем в реальности; г) ФК с функцией передачи или свертывания предыдущего предмета разговора и перехода к более важному аспекту предмета речи. Они позволяют включать обобщенный смысл предыдущего высказывания более компактно, т.к. в них закодирована динамика коммуникативного процесса, то, что называют живой речью, – способы обмена мнениями, психологическими состояниями. - *Ты уже сделала уроки? - **Уроки уроками**, а я отдохнуть хочу*. Д. Донцова. *Он сказал: - У меня улика. Тут я **рассвирепел**: - **Послушай, улика уликой**, а у тебя совесть есть?! Какого ... звонишь и спать не даешь?! В.Маканин. Но вот в Нижнем «голубая» парочка впервые решила оформить имущественные отношения через брачный контракт. **Что ж, разумно, любовь любовью**, а тылы должны быть юридически защищены!* «Комсомольская правда», 29.09.05.

Кроме того, существует ряд разновидностей ФК с диалогически обусловленным повтором, в которых выражаются не только коммуникативные приемы, но и типизированные прагматические намерения говорящих. Так, значение – принятие говорящим сложившейся ситуации, выражается фразеоконструкциями с повтором любых лексем и сочетаний: а) с соединяющими служебными

компонентами: - *Мне эта рыжая понравилась, а другую... нет, не надо!* - **Ну не надо так не надо**, - пожала плечами Тата. Е. Вильмонт. - *Можем поехать куда-нибудь поужинать .- Спасибо большое, но нет...- Ну нет так нет*, - не слишком опечалился Курбатов. Е.Вильмонт. *А между тем трудно не заметить, что её тянет говорить об этом Германе, и она не удерживается, чтоб как-нибудь вскользь не намекнуть, что тот по-прежнему влюблён в неё.* - *Ну хорошо, влюблён и влюблён!* Д.Н.Шмелев.

б) без соединяющих компонентов: *Интересно, почему ей никогда, никогда не приходила мысль поменять квартиру. Она задавила в себе рождающиеся мысли на эту тему. Не хочет она об этом думать, не хочет!* **Не поменяла - не поменяла.** *Теперь съедет и все!* Г. Щербакова. Как правило, прагматическое значение принятия ситуации сопровождается значением желания говорящего прекратить разговор, т.е. коммуникативным намерением поставить точку в развитии темы разговора.

ФК со значением «возражения под видом согласия» (Т.Булыгина, А.Шмелев) также обязательно содержат повтор лексемы из предшествующей реплики. *Отец спрашивает, справится ли Гаранька .- **Справится-то он справится**, а сами знаете, какой человек... каверзник самондравный, за то и из дворца прогнали.* И. Шмелев. - *От бога? ...Скажите, Аксинья, зачем вы меня ночью позвали?-* **спросил я. - Бог-то богом**, а я вам говорю: *если бы не позвали меня, ваш муж теперь в гробу лежал бы.* В.В.Вересаев. Структурные разновидности ФК, передающих данное фразеологизированное значение, не имеют частеречных ограничений, и целиком определяются редупликацией предыдущего предмета речи. Думается, что фразеосхемы, лежащие в основе данных фразеоконструкций, можно также причислить к коммуникативным техникам: очерчивая область совпадения, говорящий тем самым мягко вводит иную, свою собственную точку зрения, что отражено в составе фразеосхемы наличием постоянного элемента – сопоставительного союза «а».

Таким образом, процессу фразеологизации, т.е. закреплению субъективно-оценочного или прагматического компонента значения за синтаксическими построениями с повтором в немалой степени способствуют его универсальные свойства: диаграмматичность, которая проявляется в удвоении («умножении») означающей стороны знака для передачи значений множественности, усиления, длительности, и его свойство быть основным средством связности в дискурсе. «Формульность» повтора способствует его легкости в процессах стабилизации конструкций, их фразеологизации, а также заметности и яркости ФК среди других знаков языка при передаче и восприятии информации. Наблюдения над фразеоконструкциями с синтаксической редупликацией показывают, что они находятся между собой в функциональных и структурно-семантических соотношениях, что позволяет искать пути для их классификаций.

Список литературы

1. Величко А. В. Синтаксическая фразеология - М.: МГУ, 1996.
2. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной русской речи.- М., 2003.
3. Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку — М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. Ксенофонтова Л.В. Семиотические свойства повтора во фразеологизированных единицах языка //Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы.- М.: МАКС Пресс,2007.

Учебное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

ВЫПУСК 2

Редактор – Н.А. Леготина

Подписано в печать	Формат 80 x 64 1/16	Бумага тип. №1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 8,75	Уч. – изд. л.8,75
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно – издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.